

1942-й — переломный

Борьба за стратегическую инициативу: нереализованные надежды

М. Ю. Мягков*

Эхо Московской битвы: стратегическое положение и планы сторон весной 1942 г.

Первая решающая битва Великой Отечественной войны — битва за Москву — во многом предопределила весь дальнейший характер и течение глобального мирового конфликта. Германским войскам не удалось взять ключевой пункт своей кампании на Востоке и тем самым поставить Советский Союз на колени. Красная Армия своей героической обороной сорвала гитлеровский блицкриг и стяжала славу быть главной надеждой всей оккупированной Европы на освобождение от коричневой чумы. Начавшееся в декабре 1941 г. контрнаступление РККА подвело ранее непобедимый вермахт к первому тяжелейшему кризису. В какой-то момент кремлевскому руководству показалось, что в войне произошел окончательный перелом, и инициатива навсегда перешла к советской стороне. Но до полной победы было еще далеко. Германия смогла восполнить свои ресурсы за счет собственного потенциала и возможностей подчиненных ей стран. В то же время, в ходе Московской битвы Красная Армия понесла огромные потери. Только в период контрнаступления они превысили 370 тыс. человек (убитыми, ранеными и пропавшими без вести). На начало 1942 г. пришелся и наибольший спад военного производства СССР. Сотни эвакуированных заводов только начинали налаживать выпуск военной техники и вооружения. Беспощадный натиск германской армии был остановлен и опроки-

нут вспять железной волей советского народа, но предыдущие потери, дефицит материальных средств и необходимого опыта в проведении широких наступательных операций не позволили советскому командованию довести наметившийся перелом до логического завершения. Немцам удалось спасти свой фронт от развала.

Действительно, советское военное руководство не могло пока организовать полноценного оснащения и обучения пехотных, танковых, артиллерийских, авиационных и др. частей, формируемых для отправки на фронт. Не хватало опытных командиров, особенно младшего и среднего звена. Уже закаленные в боях соединения получали лишь краткосрочный отдых. Промышленные возможности не позволяли наладить снабжение войск даже самым необходимым вооружением и боеприпасами. В связи с этим Ставка ВГК своей директивой от 29 февраля 1942 г. вынуждена была установить предельный лимит расходования боеприпасов на март месяц «сверх возимых запасов» в чрезвычайно малых объемах: патроны 7,62 мм и 12,7 мм — 2 боекомплекта; гранаты — 1 б/к; мины всех калибров — 2 б/к; выстрелы 76 мм орудий — 2 б/к¹. Для большей ясности отметим, что такое количество боеприпасов в последующих наступательных операциях конца 1942–1943 гг., как правило, расходовалось советскими войсками всего за четыре–пять дней сражения.

Вполне вероятно, что успех, достигнутый немцами в обороне зимой–весной 1942 г., дал возможность некоторым высокопоставленным

* **Михаил Юрьевич Мягков** — д.и.н., профессор кафедры отечественной и всемирной истории МГИМО(У) МИД России, заведующий Центром истории войн и геополитики Института всеобщей истории РАН.

офицерам вермахта задуматься о целесообразности перехода к «стратегической обороне» на всем Восточном фронте². Суть такой стратегии заключалась в следующем: сочетая незначительный отход и контрудары, окончательно измотать и обескровить вооруженные силы Советского Союза и заставить Москву заключить невыгодный для себя мир. Однако эта концепция не могла в то время получить развития из-за ясно выраженного желания фюрера и его ближайшего окружения осуществить наступление на Кавказ. По мнению Гитлера, германская армия летом 1942 г. должна была получить второе дыхание — теперь уже в операциях на юге России. Ему казалось, что блицкриг сорвался лишь случайно. В то же время в сознании большинства высших военных руководителей Германии срок капитуляции советской столицы лишь переносился на некоторое время.

Тем не менее, ряд высокопоставленных руководителей рейха придерживались более скептической точки зрения на дальнейший ход войны. Командовавший в то время армией резерва генерал-полковник Ф. Фромм, учитывая создавшееся сложное положение в военной промышленности и имевший хорошее представление о наличии людских резервов Германии, должен был признать, что, продолжая эту войну, вермахт приближается к катастрофе. Министр по делам вооружений и боеприпасов доктор Фриц Тодт докладывал фюреру 29 ноября 1941 г., что окончание войны в пользу Германии возможно только на основе политического урегулирования³.

Многие крупные военачальники и офицеры вермахта также сознавали наихудшие для Германии последствия поражения под Москвой. Интересно ретроспективное восприятие некоторыми из них событий зимы 1941–1942 г. Так, генерал Ф. Гальдер впоследствии назвал их «катастрофой» и «началом трагедии на Востоке», генерал Блюментрит — «поворотным пунктом» кампании в России, а генерал Рудольф Бамлер (бывший командир 47-го моторизованного корпуса) утверждал, что «отступление 1941–1942 гг. было исходным пунктом большого военного кризиса, от которого немецкая армия ни материально, ни морально так и не смогла оправиться»⁴. Зимой 1941–1942 г. Гитлер снял со своих постов опытных фельдмаршалов и генералов: Ф. Бока, В. Браухича, Г. Гудериана, Э. Гепнера, А. Штрауса и др. Они были довольно популярны в армии, и их отставка негативно сказалась как на руко-

водстве боевыми действиями, так и на моральном состоянии военнослужащих вермахта.

Победа, достигнутая под Москвой, а, следовательно, и полученное Советским Союзом дополнительное время на перестройку военной экономики и подготовку пополнения по максимуму использовалось руководством Красной Армии. В советском тылу (в том числе в центральном регионе европейской России, который не был оккупирован и оставался главным поставщиком людских ресурсов для армии) готовились новые соединения. Чем больше части вермахта летом и осенью 1942 г. вязли в сражениях в донских степях, под Сталинградом, в предгорьях Главного Кавказского хребта, под Ржевом и Ленинградом, тем меньше у них становилось шансов выиграть войну.

В 1942 году война вступила в новую стадию. На стороне СССР теперь стояли не только Великобритания, но и США, образовался могущественный союз свободолюбивых народов. Одновременно мировой конфликт достиг своего наивысшего накала, и противоборствующие коалиции разворачивали на полную мощность свой военный потенциал. Исход войны теперь зависел от того, насколько грамотно смогут распорядиться своими превосходящими ресурсами союзники по антигитлеровской коалиции, и насколько успешным окажется их сопротивление блоку агрессоров, который стремился использовать для достижения победы остающиеся стратегические козыри. Главными из них были огромные людские и материальные потери СССР в 1941 году и возможность Германии восполнить собственные потери за счет эксплуатации основной территории Европы в условиях неготовности Англии и США открыть второй фронт во Франции. Четко управляемая военная машина третьего рейха по-прежнему располагала опытными командными кадрами и могла задействовать в новом наступлении хорошо обученные соединения. Командование вермахта рассчитывало также на восстановление морального потенциала основной массы немецких солдат после неудач зимы 1941–1942 года.

Первоочередной задачей антигитлеровской коалиции было надломить силу агрессоров и повернуть войну вспять. Победа в Московской битве создала благоприятные предпосылки для нанесения Германии уничтожающего удара уже в 1942 году. Сравнение основных показателей говорило само за себя: СССР, США и Англия по своим людским ресурсам превосходили агрессор-

ров в два раза. Военно-экономический потенциал стран антифашистской коалиции также намного превышал потенциал блока фашистских государств⁵. Подобная статистика могла греть сердце начальникам штабов армий западных союзников и служить успокаивающим средством для британского премьера У. Черчилля и американского президента Ф. Рузвельта. Однако она пока никак не облегчала положение Советского Союза, вынужденного в одиночку противостоять нацистской машине уничтожения, питавшейся за счет эксплуатации всей Европы. В начале 1942 года Германия вместе с подчиненными странами была в военном отношении значительно сильнее ослабленного СССР

Продолжение успешного сопротивления СССР являлось главным условием достижения будущей победы всего Великого союза. Но даже после краха германского «блицкрига» британский кабинет и Белый дом сомневались в эффективности процесса восстановления боевой мощи Красной Армии. Поэтому они не спешили давать Москве какие-либо обещания относительно ее территориальных претензий, не зная, где окажутся советские войска в конце войны. В декабре 1941 г. министр иностранных дел Великобритании А. Иден отказался на переговорах со Сталиным подписывать секретный протокол к советско-английскому договору, содержащий пункты о восстановлении оккупированных войсками гитлеровской Германии и ее союзников территорий Эстонии, Латвии и Литвы, Бессарабии и Северной Буковины в государственных границах СССР, существовавших к 22 июня 1941 г. Уклонился он и от обсуждения вопроса о польско-советской и советско-финской границе⁶. Против признания советских территориальных запросов в Европе выступал в то время американский Госдепартамент, мнение которого не мог не учитывать Рузвельт, а также некоторые ближайшие помощники президента — в частности А. Гарриман⁷. Обсуждая 22 января 1942 г. с руководителем Европейского отдела внешнеполитического ведомства США Р. Атертоном американскую стратегию на советском направлении и поставки в СССР, Гарриман предупреждал, что ни при каких условиях не следует идти на компромисс с таким «оппортунистом» и «ловким дельцом», как Сталин. Он полагал, что советский лидер все еще чувствует себя «социальным изгоем» среди великих союзников. «Будет большим делом, — говорил он, — посылать ему почасте дружеские послания и повторяющиеся завере-

ния о том, что позиция России за столом мирных переговоров будет идентична британской и американской»⁸.

«Дружеские послания», конечно, были важны, но они никак не могли заменить второго фронта и скорейшего увеличения военных поставок в СССР. Как в Лондоне, так и в Вашингтоне еще сохранялись большие опасения за судьбу Восточного фронта. Не последнюю роль играли здесь данные, полученные от военных дипломатов. Новый американский военный атташе в Москве майор Дж. А. Мичела в январе 1942 г. доносил в Вашингтон, что хотя прежние данные о военном потенциале СССР (отводившие ему роль легкой жертвы нацистской Германии. — М. М.) оказались фальшивыми, все же советское производство, по его мнению, еще не скоро оправится от огромных потерь и эвакуации, в то время как месячный объем выпуска самолетов не превышал 1500 единиц⁹.

Ничто не может умалить храбрость солдат Великобритании, США, Китая, английских доминионов, сил сопротивления других свободлюбивых государств, которые в начале 1942 г. вели ожесточенные оборонительные сражения в Атлантическом и на Тихом океане, в Северной Африке и в Восточной Азии с морскими, воздушными и сухопутными войсками стран оси, нанося им существенный урон. Но исход войны решался именно — на советско-германском фронте. Академик А. М. Самсонов отмечал: «В высших правительственных и военных сферах США и Англии понимали, какое решающее значение имела борьба на советско-германском фронте для судьбы всей Второй мировой войны. Разрабатывая планы военных действий, руководящие деятели США и Англии базировались в первую очередь на анализе обстановки на Восточном фронте, однако исходили лишь из своих интересов. Летом 1942 г. английская разведка сообщала: „Положение на Восточном фронте таково, что можно ожидать любого исхода, и поэтому трудно сказать, какой из противников потерпит поражение“. В июне 1942 г. на происходившем в Вашингтоне совещании американских и английских начальников штабов было решено, что и английские и американские планы следует поставить в зависимость от исхода летних операций на советско-германском фронте. „Сумеют ли русские удержать фронт — в этом главное. От решения этого главного вопроса зависят наши планы на остающийся период 1942 г.“, — заявили англичане на первом же совместном заседании штаба в Вашингтоне»¹⁰. Вместо боевых

действий на Европейском континенте союзники предпочли развернуть в 1942 году главные операции в Северной Африке, на второстепенном участке Второй мировой войны, где находились лишь незначительные силы немецких и итальянских войск.

Помощь Советскому Союзу была пока незначительной, что служило поводом для различных политических спекуляций по поводу намерений Москвы. В Вашингтоне стали циркулировать слухи о возможности сепаратного мира между СССР и Германией. Так, помощник начальника штаба Управления военной разведки Р. Ли в меморандуме от 12 февраля 1942 г. «Возможность русско-германского урегулирования путем переговоров», указал, что, с одной стороны, «русские говорят о своих больших возможностях и успехах восстановления экономики, но, в то же время, подчеркивают свое плачевное положение и ругают нас за недостаточную поддержку. Такие противоречивые заявления, — замечал Р. Ли, — делаются, очевидно, намеренно, чтобы скрыть истинное положение дел... и служат ширмой для оппортунистических изменений в политической линии, как в ходе самой войны, так и на будущей мирной конференции...»¹¹.

Однако генеральной линией Рузвельта и его ближайших помощников на советском направлении — таких, как Г. Гопкинс, бывший посол в Москве Д. Дэвис и др., — оставалась всемерная возрастающая поддержка СССР и трезвые оценки его потенциала и национальных интересов. Политическая мудрость американского президента проявилась именно в том, что он не стал заложником негативного отношения к Советскому Союзу. Хозяин Белого дома искренне надеялся и рассчитывал на успехи Красной Армии, сознавая одновременно громадные трудности ведения ею боевых действий против все еще смертельно опасного врага.

В то же время Рузвельт был прагматиком, который не только осуществлял общее военнополитическое руководство военными действиями своей страны, но постоянно держал в уме способы наиболее эффективного и бескровного использования американских сил в развернувшемся глобальном конфликте. Вступление в сражения на Европейском континенте должно было стать для граждан США ожидаемым и положительным событием, влекущим за собой и достойное вознаграждение.

В 1942 году ожесточенные схватки с врагом развернулись на гигантском пространстве Зем-

ного шара, на море и в воздухе, однако именно перелом на Востоке означал бы нанесение третьему рейху (основной силе фашистского блока) смертельной раны. Это понимали в Берлине, и германское командование делало все от него зависящее, чтобы весной 1942 г. не просто стабилизировать фронт, но и возобновить наступление против СССР. Перебороть третий рейх, который приобрел бы после краха Советского Союза контроль над его природными богатствами и соединился на суше с Японией, было бы в обозримой перспективе абсолютно невыполнимой задачей.

Стремилось развить свой успех и советское командование, уже ощутившее вкус победы, оно могло использовать для достижения окончательного перелома в войне морально-психологический порыв своих подчиненных и возникшее вместе с обретением стратегической инициативы чувство уверенности в своих силах. В соответствии с решением Ставки ВГК 8 января 1942 г. началось общее наступление советских войск от Ладожского озера до Черного моря. На центральном участке продолжались попытки продвижения вперед Западного, Калининского и Брянского фронтов. С 8 января до 20 апреля осуществлялась Ржевско-Вяземская операция¹². Однако крупные просчеты в планировании и управлении войсками, недостаток сил и средств, особенно механизированных соединений, не позволили советскому командованию окружить и уничтожить основные силы группы армии «Центр». Незавершенным по тем же причинам осталось и наступление на других участках советско-германского фронта. Тем не менее, львиная доля немецких частей на Востоке была не просто серьезно ослаблена, но и потеряла способность вести наступление. Руководство сухопутных войск Германии вынуждено было тратить значительные резервы на ликвидацию прорывов РККА и укрепление своих оборонительных позиций. Группа армий «Центр» — мощнейшая в рядах вермахта — была отброшена на запад на 100–350 км. Полностью были освобождены Московская, Калининская, Тульская, Рязанская области, часть Смоленской и Орловской областей. Немецкая пехота смогла избежать худших для себя последствий, но группа армий «Центр», оставаясь в обороне и под постоянной угрозой новых прорывов своего фронта, не могла перебросить сколько-нибудь значительных сил для других направлений. Она продолжала нести существенные потери. Подобную

войну — тяжелую, грязную, окопную — немцы вскоре стали называть «крысиной». Напротив, для большей части воинов Красной Армии зимние успехи 1941–1942 г. стали доказательством того, что вражеская пропаганда о непобедимом вермахте является мифом. Все возвращается на свои места и они, безусловно, встретят окончание войны в Берлине. Боевой дух красноармейцев и командиров приобретал новое измерение. Только в ходе битвы под Москвой за доблесть и мужество около 40 частей и соединений РККА получило звание гвардейских¹³.

После окончания активной фазы боев на центральном участке советско-германского фронта — в апреле 1942 г. — стороны могли подвести некоторые предварительные итоги. После потерь и поражений лета–осени 1941 г. победа под Москвой улучшила военно-политическое и международное положение Советского Союза, укрепила антигитлеровскую коалицию, заставила правящие круги Японии и Турции с возросшей осторожностью смотреть на свое участие в войне против СССР, вдохнула надежду на скорое освобождение народам оккупированных немецкими войсками стран. Ряд историков именно с Московской битвой связывают начало коренного перелома в войне, который окончательно стал фактом после победы советских войск под Сталинградом и завершился разгромом немецких войск на Курской дуге.

Гитлер, напротив, считал, что после преодоления кризиса под Москвой уничтожение СССР и использование его ресурсов будет достигнуто путем нового наступления на южном фланге. В какой-то степени это решение возвращало германское командование к выполнению изначально намеченной цели — получить в ходе войны на Востоке доступ к богатым месторождениям нефти Кавказа и хлебу Кубани и Ставрополя. Логическим продолжением ожидаемого успеха в России был последующий захват стран Ближнего и Среднего Востока и выход к Индийскому океану. Детали продолжения наступательных операций в Советском Союзе стали разрабатываться верховным командованием Германии еще с октября 1941 г. Но ситуация под Москвой смешало все карты. Тем не менее, на летнюю кампанию 1942 г. перед сухопутными войсками вермахта ставилась главная задача — возобновить наступление на юге СССР, разрешив одновременно вопрос о Ленинграде. Директивой ОКВ № 41 от 5 апреля 1942 г. предусматривалось: «... Сохраняя положение на центральном участке,

на севере взять Ленинград и установить связь на суше с финнами, а на южном фланге фронта осуществить прорыв на Кавказ».

С конца весны 1942 г. командование вермахта начало сосредотачивать для наступления в направлении Кавказа крупную группировку войск. Под руководством начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдера 11 апреля был подготовлен план наступательной операции под кодовым названием «Блау». Немецким замыслом предусматривалось наступление на воронежском направлении группы «Вейхс» (2-й полевой и 4-й танковой армий) и на острогужском 6-й армии. По достижении Воронежа группа «Вейхс» должна была повернуть на юг и окружить совместно с наступающей на восток 1-й танковой армией основные силы советского Юго-Западного фронта. После этого предполагалось разделение германских сил группы армий «Юг» на две самостоятельные — «А» и «Б», которые должны были продвигаться в направлении Сталинграда и Северного Кавказа.

Весной 1942 г. произошел целый ряд обстоятельств, который способствовал достижению немцами новых впечатляющих успехов. Советская разведка неоднократно сообщала, что основное внимание немецкого командования в 1942 г. году будет приковано к южному флангу Восточного фронта. Однако Сталин и некоторые военные руководители, полагали, что немцы могут ударить и на Москву, поэтому для защиты столицы были сосредоточены главные советские силы. Еще на завершающем этапе Ржевско-Вяземской операции Ставка ВГК стала выделять значительные материальные и людские средства на восстановление Можайского полевого оборонительного рубежа. Серьезное беспокойство начальника Генерального штаба РККА маршала Б. М. Шапошникова, высказанное в телеграмме Главкому Западного направления генералу армии Г. К. Жукову от 24 апреля 1942 г., вызывал тот факт, что основная масса населенных пунктов вблизи передовой была перегружена тыловыми частями и учреждениями, что «затрудняло проведение оборонительных работ и приведение рубежа в боевую готовность»¹⁴. Задачи укрепления обороны оставались приоритетными для Западного и Калининского фронтов и в последующий период. 21 мая Генштаб предупредил, что на ряде участков соединения Красной Армии, оставаясь на тех рубежах, которых они достигли в период зимнего наступления, вопросами улучшения своих позиций

совершенно не занимались. В отдельных армиях не налажено боевое охранение, части растянуты в линию, не везде создана система опорных пунктов и выделены силы для защиты стыков. Враг, пользуясь этими недочетами, стремится нанести нашим войскам локальные поражения. Факты успешных мероприятий с целью маскировки и введения противника в заблуждение оставались пока единичными¹⁵.

Боевые части РККА в ходе успешного контрнаступления, казалось, избавлялись от страха перед вражеской мощью. Этому процессу способствовали экстренные меры верховного командования по формированию свежих соединений, придания им более гибкой системы управления. Перевод значительной части Действующей армии на новые сокращенные штаты, создание в 1941 г. наряду с дивизиями стрелковых, танковых и других бригад, отказ от корпусного звена в бронетанковых войсках¹⁶ отражало реалии того периода войны: стремление повысить эффективность руководства войсками путем его упрощения. Такие меры считались временными, но были неизбежными в виду понесенных потерь. К тому же они позволяли осуществлять быстрое пополнение потрепанных формирований, сохраняя в их составе закаленное ядро выживших бойцов и командиров.

К весне 1941 г., когда стало понятно, что оборонная промышленность в районах эвакуации в короткий срок способна освоить выпуск танков Т-60, Т-70, Т-34, КВ, советское верховное руководство решило воссоздать механизированные соединения. Армии необходимы были ударные кулаки. Опыт войны наглядно свидетельствовал, что без мощных бронетанковых формирований, способных выполнять самостоятельные задачи не только в тактическом, но и оперативно-стратегическом масштабе борьба с танковыми армиями противника и глубокое наступление практически невозможны. Постановлением ГКО от 16.02.1942 г. предусматривалось создание сразу 120 танковых бригад, которые комплектовались бойцами в возрасте не старше 35 лет. С марта 1942 г. началось массовое формирование танковых корпусов (куда входили танковые бригады), а затем и танковых армий. В мае 1942 г. появились 3-я и 5-я, а в июле 1-я и 4-я танковые армии. Сильной стороной этих объединений была концентрация значительных сил под единым командованием. С другой стороны, их маневренные действия были затруднены наличием в них стрелковых дивизий, об-

ладавших малой подвижностью¹⁷. Лишь в конце 1943 г. в состав танковых армий вошли механизированные корпуса, способные поддерживать быстрое наступление. Высокую маневренность и ударную силу советским танковым объединениям придавали грузовые и броневые автомобили, многие из которых в возрастающем объеме стали направляться из США в СССР в рамках ленд-лиза с первой половины 1943 г. Однако в 1942 г. возможностей насытить войска автомобильной техникой у Ставки ВГК просто не было. Сказывались потери 1941 г., трудности организации собственного производства и незначительные поставки по ленд-лизу.

Большое значение Ставка ВГК придавала широкому использованию в будущих боях гвардейских минометных частей (ГМЧ), состоявших из знаменитых «Катюш». Уже осенью 1941 г. для более эффективного применения установок М-8 и М-13 на фронте стали формироваться оперативные группы минометных частей (Южная, Брянского фронта, Юго-Западная, Северо-Западная, Ленинградская). Создание оперативных групп ГМЧ продолжилось и в 1942 г. Возросшее поступление «Катюш» позволило создать к июню 1942 г. в Действующей армии 8 фронтовых и 4 армейские группы гвардейских минометов (всего 67 полков и 43 отдельных дивизиона). С освоением промышленностью новой установки М-30 в войсках стали формироваться тяжелые гвардейские минометные полки. В 1942 году советские «Катюши» внесли неоценимый вклад в срыв планов противника захватить Кавказ и выйти к Волге. Тяжелые потери врагу наносила, в частности, оперативная группа ГМЧ Сталинградского фронта, образованная в сентябре 1942 года¹⁸. В последующие периоды войны гвардейские минометы неизменно участвовали во всех главных операциях Красной Армии, помогая сокрушать оборону вермахта на участках прорыва.

В начале 1942 г. руководство СССР стремилось до предела использовать все доступные источники, питавшие военные усилия Красной Армии. В первой половине 1942 г. отзывались в тыл ранее призванные или ушедшие добровольцами на фронт научные сотрудники, квалифицированные рабочие, железнодорожники и лица ряда других профессий, имевших важнейшее значение для военной экономики. Более планомерным становилось обучение командного состава в училищах и на краткосрочных курсах, подготовка запасных частей. Налаживалась

система поощрения солдат и офицеров, активно совершенствующих свои навыки владения оружием. Постановлением ГКО от 11 мая 1942 г. «в целях наиболее эффективного использования пулеметного оружия, повышения роли и ответственности рядового, младшего и среднего начсостава пулеметных частей и подразделений, а также укомплектования их лучшим составом» предусматривалось присваивать опытным красноармейцам-пулеметчикам звание ефрейтор. Одновременно повышались оклады содержания в пулеметных подразделениях. Старшина роты должен был получать в месяц до 65 руб., командир взвода — 700 руб., командир роты — 800 руб.¹⁹. Все эти меры, наряду с продолжением всемерной популяризацией фактов грамотного поведения советских солдат в бою, стимулированием методами пропаганды и системой воинских наград их доблести и героизма, медленно, но верно способствовали качественному совершенствованию личного состава РККА, укреплению в нем чувства уверенности в собственных силах.

Моральное состояние в большинстве соединений РККА в начале 1942 г. определялось командованием как «здоровое и устойчивое». Случаев героического поведения военнослужащих было множество. Командиры частей личным примером воодушевляли своих подчиненных. Так, в период боев 342-й стрелковой дивизии 61-й армии за овладение н.п. Долбенскими выселками, когда захлебнулась очередная атака подразделений 1148-го стрелкового полка, его командир майор Н. П. Карамушко и комиссар старший политрук И. Г. Плиха подняли бойцов и повели их за собой. Они пали смертью храбрых, но обеспечили выполнение частью поставленной задачи. В тот же период в коммунистическую партию вступило более 200 бойцов 342-й дивизии²⁰.

Тем не менее, боевые характеристики личного состава Действующей Красной Армии, несмотря на то, что многие советские дивизии в предыдущий период приобрели немалый опыт сражений, еще оставались слабыми. По-прежнему хромала дисциплина. Зимой–весной 1942 г. в частях сократились случаи дезертирства и членовредительства, однако факты этих воинских преступлений имели место. Только по данным Особого отдела НКВД 61-й армии за конец января–февраль 1942 г. было зафиксировано 96 случаев дезертирства (из них 7 чел. начсостава) и 15 случаев членовредительства (один

из начсостава). Показательно, что за тот же период никто не привлекался к ответственности за «антисоветские высказывания», хотя спецорганы зафиксировали и взяли в производство несколько таких эпизодов²¹. Политорганы и особые отделы НКВД фронтов в период затухания наступательных операций и возросших потерь стали отмечать случаи подрыва убежденности в окончательной победе, недовольства красноармейцев своими командирами, их неумением руководить боем. Одним из самых неприглядных явлений, распространившимся как в тыловых учреждениях, так и на передовой, стало пьянство, что напрямую влияло на боеспособность частей. В 1150-м стрелковом полку это привело, как показывают документы, к гибели начальника штаба и нескольких других командиров, «шедших в наступление после групповой пьянки». Было отмечено и ряд незаконных расстрелов офицерами своих подчиненных в пьяном виде. Такие явления грозили подрывом боевого духа и распространением пораженческих настроений, подобных тем, которые были высказаны красноармейцем 1146-го стрелкового полка: «Не правду нам говорят, немцы не боятся зимы. Смотри, как чешут по нам. Наши руководители разве считают с нашим братом. Жрут только на войне, а поэтому, нашим телом не можем отогнать немцев, которые едят шоколад и пьют ром...»²².

Гигантские масштабы сверхнапряженной мобилизации, проведенной в 1941 — начале 1942 гг., неизбежно вели в отправке на фронт слабо или совершенно необученного пополнения. Генштаб вынужден был констатировать, что красноармейцы «плохо знают свое оружие, оружие содержится грязно... много оружия остается на поле боя». В соединениях отсутствовала отлаженная система подготовки бойцов, командиров и штабов. На фоне многочисленных случаев нарушения воинской дисциплины слабо велась воспитательная работа в подразделениях²³.

Одним из самых серьезных недостатков Красной Армии в начале 1942 г. была острая нехватка техники, стрелкового автоматического оружия и боеприпасов. Возросшее сопротивление немцев стало поводом к недоверию отдельных бойцов к силе своего оружия. Можно понять настроения тех военнослужащих, которые после неудачной атаки на позиции окопавшегося противника и понесенных потерь от эффективного огня пулеметов, минометов и артиллерийских орудий вермахта, заявляли перед своими товарищами: «все равно мы не победим, так как наше

оружие хуже немецкого»²⁴. Возможности стрелковых дивизий и даже кавалерийских корпусов были ограничены, особенно при глубоком снеге и в период распутицы. Низкий темп советского продвижения вперед приводил к печальным последствиям: немцы, удерживавшие важнейшие транспортные коммуникации, быстро перебрасывали свои резервы на угрожаемый участок и проводили контрудар. Как следствие — значительные силы прорвавшихся частей РККА отсекались от главного фронта. Примером тому служат неудачи зимой–весной 1942 г. 33-й, 29-й и 39-й армий Западного и Калининского фронтов, 2-й ударной армии Волховского фронта, объединений Юго-Западного фронта под Харьковом в Барвенковско-Лозовской операции и др. Отечественный историк А. В. Исаев замечает в этой связи, что стандартным германским приемом, приводившим к провалу советского наступления в этот период, являлось удержание «угловых столбов» в основании прорыва соединений РККА. «Немцы всегда находили населенный пункт, находящийся поблизости от советского прорыва и стягивали к нему крупные силы, обеспечивая плотную оборону. Обходя узлы сопротивления в начальный период операции и отказываясь от лобовых атак, советские войска увязали впоследствии в позиционных боях за «угловой столб». Такая тактика противника, в любом случае, сужала прорыв, давала германскому командованию контроль над коммуникациями»²⁵.

Однако и тем количеством боевых средств, которым обладали командующие советскими объединениями в начале 1942 г., можно было распорядиться более основательно и добиваться успеха при продвижении вперед. Беда была в том, что большинство командиров на фронте пока еще не были способны вести наступление практично и грамотно, исходя из имевшихся ресурсов и степени противодействия противника. Опыт приходил на практике и доставался дорогой ценой. «Мощный кулак» (29-я и 39-я армии) генерала И. С. Конева в феврале 1942 г. оказался отсеченным немцами и понес большие потери. Наши войска неминуемо настигла бы полная катастрофа, если бы не наступление Северо-Западного фронта. Однако ряд командующих Красной Армией уже тогда выделялись своим чувством момента и стремились гибко реагировать на изменение ситуации. Так, Г. К. Жуков, став главнокомандующим Западным стратегическим направлением, на ходу перепланировал операции Калининского фронта, утвержденные

Ставкой. Не обладая значительными подвижными силами и резервами, он решил не зарываться далеко вперед, а провести удары на небольшую глубину, «нашинковать» фронт противника на несколько мелких котлов. На заключительном этапе Ржевско-Вяземской операции 20-й армии ставилась задача выйти в тыл немецкой группировки под Ржевом, 5-й армии нанести удар на Сычевку навстречу 39-й армии. Вместо гигантского окружения врага в треугольнике Ржев — Вязьма — Юхнов предстояло расчленить ржевско-вяземскую группировку противника на две части. Сокращение масштабов задач облегчало маневрирование силами: например, в феврале 1942 г. удар 5-й армии был перенесен Жуковым в полосу наступления неудачно действовавшей 20-й армии²⁶.

Но полководческого таланта одного Жукова было недостаточно для достижения крупного стратегического успеха. Другие генералы часто либо боялись, либо пока не научились искусству решительного маневра. Ставке и Генштабу приходилось даже разъяснять, что в период наступательных операций нельзя смотреть на разграничительные линии между армиями «как на перегородку, которые не могут нарушаться, хотя для этого и требовали интересы дела и меняющаяся в ходе операций обстановка». Нельзя идти вперед, «не обращая внимание на своих соседей, без маневра, который вызывается обстановкой, без помощи друг другу», что облегчает противнику бить советские соединения по частям. Текст соответствующей директивы от 17 мая 1942 г., подписанной И. В. Сталиным и А. М. Василевским, разрешал командующим фронтами «менять в ходе операций разграничительные линии между армиями, менять направления ударов»²⁷. Указания были немедленно доведены до штабов армий. Жуков распорядился спустить их и до уровня дивизий, однако к тому времени широко апробировать их на практике уже не представлялось возможным. Наступательные возможности войск Западного направления были исчерпаны.

Все эти негативные факторы, иллюстрировавшие боевые возможности советской стороны наглядно свидетельствовали о том, что Красная Армия образца весны 1942 г. в целом пока еще не представляла эффективной военной машины, способной в кратчайший срок разгромить вермахт. Напротив, Сталин имел все основания считаться с угрозой нового крушения советской обороны на ключевых направлениях советско-германского фронта.

Повышенное беспокойство Ставки ВГК за свой центральный участок подогревалось и немецкой разведкой. Для того чтобы ввести командование РККА в заблуждение, германская сторона разработала план дезинформационных мероприятий, основу которого составила т.н. операция «Кремль». Предусматривалось проведение перегруппировок сил и средств, передислокация штаба 3-й танковой армии в район Гжатска, усиление аэрофоторазведки Москвы и ее окрестностей, рассылка планов взятия столицы неожиданным ударом вплоть до штабов полков и др.²⁸. Представляется, что подобная дезинформация вкупе с реальными данными о численности немецких соединений на фронте западнее Москвы, стала одной из причин излишнего, порой гипнотического страха, проявлявшегося и в разгар Сталинградской битвы, не пропустить германский бросок в направлении столицы.

Имея в виду исключить захват врагом Москвы и других жизненно важных регионов страны, советское командование не собиралось и просто отсиживаться в обороне. Общий ход летней кампании 1942 г. виделся из Кремля с точки зрения завоевания прочной стратегической инициативы. Намечалось ввести в сражения новые воинские формирования и уже в ближайшее время освободить значительную часть оккупированной территории страны. Однако, как и в ходе предыдущих операций, планы Ставки ВГК грешили переоценкой собственных возможностей и недооценкой силы противника.

В марте 1942 г. на совещании в Государственном комитете обороны маршал Б. М. Шапошников предложил ограничиться на ближайший период активной обороной. Однако Сталин считал, что нельзя «сидеть сложа руки», и было решено нанести по врагу ряд упреждающих ударов на московском, харьковском направлениях, под Ленинградом, в Крыму и др. участках. На практике, это решение повлекло за собой подготовку и проведение наступательных операций (большого или меньшего масштабов) фактически на всех советских фронтах, за исключением самого северного, Карельского фронта. Намечались следующие действия: разгром ржевско-вяземской группировки противника, освобождение Харькова и всего Крыма, ликвидация демянского плацдарма, операция по деблокаде Ленинграда. Конечной целью Ставки ВГК был выход к концу 1942 г. на границу СССР. Но смелая инициатива изначально несла в себе порок самонадеянности.

Самым уязвимым местом в советском плане стала сама постановка задач — и обороняться и наступать. Отсутствие четкого анализа менявшейся ситуации сыграло свою роковую роль в новых неудачах Красной Армии. К тому же некоторое преимущество в инициативе, возможности выбора участка для нанесения очередного удара, достигнутое в зимние месяцы, было потеряно вследствие неоправданных ошибок верховного руководства в Москве и командования на фронтах.

Начавшиеся в мае активные боевые действия на многих участках советско-германского фронта довольно быстро вскрыли несостоятельность далеко идущих замыслов командования Красной Армии. Намеченные операции не привели к желаемым результатам. Под Ленинградом, в Крыму и под Харьковом советские войска потерпели серьезные поражения. Захлебнулось наступление 2-й ударной армии со стороны Волхова к городу на Неве; более того, сама она оказалась отрезанной от основных сил и получала снабжение лишь через узкий коридор, насквозь простреливаемый вражеским огнем. Безуспешными остались попытки советских частей наглухо захлопнуть и ликвидировать демянский котел, в котором оборонялось до 100 тыс. немецких солдат. Германскому командованию удалось наладить довольно эффективный воздушный мост со своими частями в районе Демянска.

Все эти неудачи привели к тому, что уже в начале лета 1942 г. Красная Армия оказалась в тяжелейшем положении и вынуждена была отступить к Сталинграду и Кавказу. Страна вновь стояла на грани катастрофы. Такое развитие ситуации проистекало, безусловно, из общей слабой боевой эффективности наших вооруженных сил и военной экономики. Необходимость скорейшего повышения потенциала Действующей армии, насыщения ее новой техникой и обученным пополнением для того, чтобы не допустить победы врага, а, напротив, окончательно переломить ход в войны в свою пользу — стало тем эхом Московской битвы, которое отчетливо прозвучало весной 1942 года.

Новые испытания: тяжелые бои и поражения советских войск весной — в начале лета 1942 года

Начавшиеся в мае активные боевые действия на многих участках советско-германского фронта довольно быстро вскрыли несостоятельность далеко идущих замыслов командования

Красной Армии. Намеченные операции не привели к желаемым результатам. Под Ленинградом, в Крыму и под Харьковом советские войска потерпели серьезные поражения. Захлебнулось наступление 2-й ударной армии со стороны Волхова к городу на Неве; более того, сама она оказалась отрезанной от основных сил и получала снабжение лишь через узкий коридор, насквозь простреливаемый вражеским огнем²⁹. Безуспешными остались попытки советских частей наглухо захлопнуть и ликвидировать демянский котел, в котором оборонялось до 100 тыс. немецких солдат. Германскому командованию удалось наладить довольно эффективный воздушный мост со своими частями в районе Демянска.

Под Демянском

Операция по разгрому демянской группировки противника, включавшей соединения 16-й немецкой армии, началась в рамках общего зимнего наступления советских войск 1941–1942 гг. Главная роль первоначально отводилась 34-й армии генерала Н. Э. Берзарина, входившей в состав Северо-Западного фронта (командующий — генерал П. А. Курочкин). Взаимодействуя с частями 3-й ударной армии на левом фланге и 11-й армией на правом, она должна была окружить несколько немецких дивизий в районе г. Демянска и уничтожить их. Выполнение этой задачи поставило бы группу армий «Север» в тяжелейшее положение.

В начале января советские войска достигли Старой Руссы, но бои с окопавшимся противником приняли затяжной характер. Опираясь на свои опорные пункты, немцы оказывали ожесточенное сопротивление. Желая переломить ситуацию, 22 января Ставка передала Северо-западному фронту 1-ю ударную армию, 1-й и 2-й гвардейские стрелковые корпуса и другие резервы. Демянск предстояло окружить встречными ударами. Почти месяц понадобился советским войскам, чтобы взломать немецкую оборону, но 20 февраля части 34-й армии и 1-го гв. ск соединились в 40 км западнее Демянска, а к концу месяца 11-я, 1-я уд. армии и 2-й гв. ск образовали внешнее кольцо окружения. В общей сложности в «котле» оказалось шесть фашистских дивизий численностью до 96 тыс. человек. Однако для ликвидации окруженных войск сил уже не хватило; резервы Ставки были обескровлены в предыдущих боях.

Немецкому командованию достаточно быстро удалось организовать снабжение окру-

женных соединений по воздуху. Только за март в «котел» было доставлено 24 тыс. тонн грузов и более 15 тыс. человек. Из окружения вывезли 22 тыс. раненых. К концу марта противник сам перешёл к активным действиям. 20 марта усиленная немецкая группировка в составе пяти дивизий (группа «Зейдлиц») начала операцию по деблокированию демянской группировки, нанеся удар из района Старой Руссы. Части 1-й ударной и 11-й советских армий стойко оборонялись, но враг постоянно наращивал давление, используя свое преимущество в огневых средствах. Встречный удар наносился из самого кольца. 21 апреля коридор к окруженным войскам шириной 4–8 км был пробит в районе деревни Рамушево. Все попытки советских войск вновь перерезать рамушевский остались без результата и привели лишь к новым большим потерям. В конце мая атаки на демянскую группировку прекратились. С 7 января по 20 мая 1942 года Северо-западный фронт потерял 245 511 человек, в том числе 88 908 безвозвратно. Бои по ликвидации демянского плацдарма возобновились зимой 1943 года³⁰.

Непростые уроки для Жукова: на левом фланге Западного фронта

Защита подступов к столице оставалась для Ставки ВГК главным приоритетом летом 1942 г. Но в ходе развернувшихся на юге России гигантских сражений за Сталинград и Кавказ все большее значение приобретала теперь задача надежно сковать силы группы армий «Центр» и исключить тем самым возможность их переброски на юг для поддержки групп армий «А» и «Б». Судьба кампании, да и всей войны решалась теперь на южном фланге, однако переломить там ситуацию было невозможно без проведения наступательных операций против сильных группировок противника на других направлениях.

Документы советского командования весны–лета 1942 г. недвусмысленно подтверждают существование двуединой цели, существовавшей у советских фронтов, прикрывавших Западное стратегическое направление — защитить Москву и сковать как можно больше сил группы армий «Центр». Ради этого в начале июля 1942 г. войска генерала Г. К. Жукова предприняли ряд частных армейских наступательных операций, общим замыслом которых было, как отмечалось, «вскрыть главную группировку противника против левого крыла фронта»³¹.

Операции 10, 16 и 61-й армий Западного фронта весьма показательны в плане критической оценки боевой эффективности крупных воинских объединений РККА на тот период. Они стали своеобразным экзаменом на способность не только обороняться, но и вести успешный наступательный бой. Насколько хорошо был сдан этот тяжелый предмет? Итоговый обзор штаба Жукова, подготовленный по горячим следам операций, показывает, что их непосредственные результаты были ничтожными, хотя общий вклад в дело ослабления вермахта может быть расценен как удовлетворительный. В чем тут дело? Прежде всего, необходимо учитывать силу врага и его замыслы в период после завершения Московской битвы. На этот счет в документах фронта Жукова имеется следующее замечание: «Противник чувствовал себя более уверенно», он «ликвидировал угрозу своему тылу» и занял «современную позиционную оборону». Закопавшись в землю, группа армий «Центр» весь май и июнь создавала различные заграждения, ДЗОТы, блиндажи, огневые точки. Важное дополнение делалось относительно общей стратегической ситуации, планов противника и реакции на них руководства РККА: «как выяснилось, — говорилось далее, — немцы начали свое „летнее“ наступление главными силами на юге, на Воронежском и Ростовском направлениях. Громадные потери в этом наступлении заставили немецкое командование попытаться стянуть на юг резервы за счет других направлений, в частности, Вяземского и Брянского. Этот маневр был нашим командованием своевременно разгадан и в момент ожесточенных боев на юге, войска Западного фронта перешли к активным действиям, целью которых было сковывание резервов противника и недопущение их переброски на юг»³².

Для наступления был выбран участок левого крыла фронта, против которого, как отмечала разведка, «немцы к концу июня сосредоточили несколько танковых дивизий». Данные о противнике подтверждали, что он усиленно готовится к каким-то масштабным мероприятиям. Переброска 17-й и 4-й танковых дивизий из района Жиздры к юго-востоку — Орлу, могло иметь задачу как дальнейшего продвижения к Воронежу для поддержки германского наступления на юге России, так и организации внезапного броска на северо-восток. В случае успеха последнего группировка РККА в районе Сухиничей была бы отсечена, а немцы получили возможность быстро достигнуть окрестностей Москвы че-

рез Тулу и Калугу. Еще большее беспокойство вызывали сведения о подходе к Орлу оперативных резервов из глубины — «до 12 дивизий, из них 4 пехотные, 2 моторизованные и до 2-х танковых». Авиация противника в течение июня производила разведку, «как поля боя, так и тылов и коммуникаций до рубежа Калуга, Тула», прикрывала районы своих войск в направлении Рославль, Брянск, Орел. Наибольшая плотность вражеских сил отмечалась на Жиздренском (6 дивизий) и Болховском (4 дивизии) участках, за спиной которых располагались еще и корпусные резервы, включавшие танковые формирования (более 300 танков). Все указанные соединения пока активности не проявляли, но у советского командования был повод опасаться за основание своего глубокого выступа у Сухиничей. В целом, перед левым крылом объединения Жукова насчитывалось 14 пехотных, две танковые и одна моторизованная дивизии, то есть, более 1/3 всех дивизий врага, действующих перед ним (48 дивизий, из них в первой линии — 34 и в резерве — 14)³³. Да и само начертание линии фронта давало противнику определенное преимущество.

К 1 июля 1942 г. В составе войск левого крыла Западного фронта появились новые крупные формирования, способные выполнять задачи «по обеспечению мощных контрударов в случае наступления немцев в северо-восточном и восточном направлениях» (1-й гв. кавалерийский, 10-й танковый и 9 гв. стрелковый корпуса). Штаб Жукова специально указывал, что плотность наших войск позволяла «не только обороняться, но и проводить частные наступательные операции на том или ином участке фронта». Укомплектованность частей достигала 75–80% по живой силе и технике (части РКК — практически в полном штатном составе). Пассивность врага, предопределяла и первую задачу операций — «вскрыть его группировку и цели действий на ближайшее время». Необходимо было не дать вермахту застать советские войска врасплох, сковав соединения вермахта боем. Командующий Западным фронтом, в соответствии с указаниями Ставки ВГК, приказал начать наступление 6 июля 1942 г. 10-й армии предстояло выполнить ограниченную задачу — овладеть западной частью Людиново, тогда как 16-й армии, усиленной 10-м ТК «окружить и уничтожить жиздринскую группировку противника, захватить его вооружение и боевую технику и к исходу 9 июля освободить Слободку и Дятьково». В 16-й армии генерала И. Х. Баграмяна для этого имелись

солоидные силы — 115 тыс. чел., более 700 орудий, почти 1,5 тыс. минометов, 369 танков (по другим данным — 384 танка, из них КВ — 46 ед. и Т-34 — 57 ед.)³⁴.

Расчет сил и средств, имевшийся до начала наступления, был в советскую пользу (особенно на главных участках). Так, в 16-й армии 2,5 тыс. наших активным штыкам на один километр фронта противостояло 300 немецких штыков. Преимущество в танках было абсолютным. Но результаты операций все равно оказались мизерными. Прежде всего, не брались в расчет те германские силы, которые могли достигнуть передовой и усилить оборону в первые же часы наступления. Потенциал же соединений РККА, напротив, переоценивался. Как правило, в бою участвовало не более половины, а то и всего $\frac{1}{3}$ из состава дивизии. Такие показатели не могли вполне гарантировать прорыва, тем более, что сами участки наступления были в наших армиях слишком широкими (в 16-й армии — 70 км), что рассредоточило имевшиеся войска.

Ранним утром 6 июля, после 30 минутной огневой обработки обороны врага, армии перешли в атаку. Но практически сразу встретили ожесточенное сопротивление. Продвинувшись всего на 200–400 метров, советские бойцы застряли. В 239-й стрелковой дивизии 10-й армии наступающие полки увязли уже в полосе прикрытия. ДЗОТы противника оказались не разрушенными углубившись в лесной массив, пехотинцы наткнулись на сильные заграждения, и вынуждены были нести большие потери от пулеметного и минометного огня и автоматчиков, засевших на деревьях. Вскоре немецкое командование организовало мощные контратаки, в результате которых все наступление фактически захлебнулось. Штаб 10-й армии особо указывал, что достигнуть прорыва не удалось не только из-за отсутствия резервов, но и слабой эффективности нашей артиллерии. «Опыт показал, — замечали штабисты, — что короткие, но сильные 30-минутные огневые налеты на опорные пункты с ДЗОТах, являются напрасной затратой снарядов... Пленные немцы про такой огонь говорят — «это приятный концерт». Стрельба, по существу, ведется по площади, когда немцы в это время сидят в ДЗОТах и убежищах». 10-я армия на следующий день возобновила атаки, но они привели лишь к новым потерям. За два дня боев они составили в 330, 239 и 323 дивизиях 271 чел. убитыми, 874 ранеными и 8 пропавшими без вести.

Перестроив боевые порядки, создав «блокировочные группы» для уничтожения ДЗОТов противника, а также выведя артиллерию на прямую наводку, армия попыталась в последующие несколько дней решить поставленные задачи. Но время было уже упущено, враг постоянно контратаковал, а его авиация господствовала в воздухе. Спешно создаваемые штурмовые и блокировочные группы не были заранее натренированы и сколочены для успешного прорыва, не умели быстро преодолевать минные поля. 12 июля в связи с дальнейшей бесперспективностью дальнейших атак, распоряжением Жукова операция была прекращена. 10-я армия, продвинувшись всего на 1–2 км, лишилась всего за неделю боев 2,5 тыс. военнослужащих убитыми, ранеными и пропавшими без вести³⁵.

В тот же день было свернуто и наступление 16-й армии, где в бой в первый же день операции были введены танковые бригады, а на второй — 10-й танковый корпус. Донесения с участка прорыва были отнюдь не радостными. Наши бронированные соединения сразу же понесли существенные потери и не продвинулись глубоко вперед. Причины были на поверхности: слабая подготовка танкистов, плохое управление на поле боя (на бригаду имелось всего по две радиостанции, установленные на танках), ожесточенные вражеские бомбежки и неумение вовремя рассредотачивать машины во время налетов. Иногда танки попросту сбивались с курса во время движения и тем самым исключались из сражения. Итогом наступления 16-й армии стало то, что она смогла продвинуться на несколько километров вперед, но Жиздринская группировка противника разгромлена не была. Более того, после переброски в ее состав 19-й танковой дивизии вермахта, контратаковавшей наши бригады, она стала даже сильнее. За столь незначительный успех нами была заплачена высокая цена. 10-й танковый корпус потерял 82 танка, из них больше всего (38 ед.) легких Т-60, которые могли успешно сопроводить атаку пехоты лишь на слабую оборону противника. Имелись случаи, когда боевые машины 68-й тбр. открывали т.н. «дружественный огонь» по 192 тбр. только из-за того, что «наши экипажи не знали машин американских марок»³⁶. Это вело к ненужным и тем более обидным жертвам. В целом, армия лишилась свыше 150 танков, причем «подбитыми и сожженными» всего — 30. Погибло 2900 бойцов и командиров и было ранено 11 900³⁷.

Потери врага насчитывали, по советским данным, 7,5 тыс. солдат и офицеров, очевидно, является преувеличенной цифрой, судя по характеру боев и остающемуся сопротивлению немцев. К вышеперечисленным недочетам наших войск, приведшим к незначительным результатам операций и большим жертвам, штаб Западного фронта добавлял следующие: «Пехота, привыкшая длительное время „сидеть“ в окопах, неохотно покидала их и на открытой местности чувствовала себя неуверенно. Отсюда и все остальные отрицательные стороны боя: плохое взаимодействие с танками и артиллерией, не налаженное управление, отсутствие связи и взаимопомощи с соседями, недостаточная сколоченность... неудовлетворительная маскировка».

Но вряд ли наша многострадальная пехота заслужила таких оценок. Да, она была еще пока плохо обучена и не могла быстро прорвать сильно укрепленные рубежи противника. Но на это были объективные причины: огромные потери предыдущих месяцев и нехватка времени для полноценного обучения и тренировки частей и подразделений. В первой половине 1942 г. мы только приступали к разрешению сложнейшей комплексной проблемы ведения успешного наступления, которая включала в себя вопросы не только насыщения армии техникой и вооружением, но и организации взаимодействия родов войск. К тому же бойцы, которые вставали из окопов и шли в смертельную атаку, не могли отвечать за ошибки вышестоящих командиров, выбравших неверное направление удара, терявших управление или не обеспечивших прикрытие стрелковых подразделений авиацией. В этом отношении пехотинцы вермахта чувствовали себя намного уверенней. В воздухе постоянно висела германская авиация. Тогда как «отсутствие на поле боя нашей авиации, — отмечалось офицерами штаба Западного фронта, — дало возможность немцам бомбить боевые порядки наступающих войск».

Действительно, чтобы скинуть врага с хорошо насиженных позиций, как показал опыт июльских боев Западного фронта, необходимо было заняться серьезной подготовкой войск, начиная с самого низшего звена (отделение-взвод) до уровня штаба армии и фронта включительно. Полосы прорыва обороны делать более узкими, массировать силы и средства для выполнения главной задачи. Чтобы бойцы смелее шли в атаку, необходимо было обеспечить превосходство в воздухе и не просто насытить объединения

самолетами, но и научить летчиков «разгадывать замыслы врага». Пока же наши истребители действовали тактически безграмотно — ввязывались в бои с истребителями противника и отвлекались от поля боя в сторону. Тем временем германские бомбардировщики получали полную свободу маневра.

Но потери наших армий в июльских боях оказались не напрасными. Во-первых, командование и рядовые солдаты учились воевать, большой кровью платя за каждую ошибку на уровне тактического, оперативного и стратегического руководства войсками Красной Армии. Во-вторых, фронту Жукова удалось добиться главного — не допустить намечавшейся переброски германских соединений на южное направление, туда, где разворачивались решающие сражения войны. По итогам боев советское командование отмечало, что немцам пришлось бросить против 16-й армии все резервы, «часть которых, как выяснилось, была предназначена к переброске в другие районы (19-я тд была спешно возвращена из-под Рославля, где она находилась в вагонах на пути в Смоленск)». Делался вывод: «Если учесть, что в июле немцы вели активные действия на юге Союза, станет очевидным, что привлечение резервов противника к фронту 16-й армии, являлось фактом, имеющим существенное значение»³⁸.

Другим «существенным» фактом стало вскрытие германской группировки на левом крыле Западного фронта, принуждение ее вступить в ожесточенные бои и, как следствие, ликвидация имевшихся у группы армий «Центр» перспектив подготовить удар на Москву через Калугу и Тулу. Активность советских армий вынуждала немцев вязнуть в локальных сражениях, которые хотя и не приносили успеха РККА, ни на йоту не приближали вермахт к победе.

Тяжелые бои на Западном направлении в начале июля 1942 г. стали всего лишь «каплями», упавшими в океан развернувшихся событий на советско-германском фронте. Но без них невозможно было добиться той критической массы советских военных усилий, которые в последующие месяцы опрокинули и подмяли под себя отлаженную машину вермахта.

Падение Севастополя

В то время, когда в конце апреля 1942 г. затухали боевые действия советских фронтов в ходе Ржевско-Вяземской операции, и целый ряд прорвавшихся вперед советских

соединений сами успели попасть во вражеский капкан в полосе Калининского и Западного фронтов, не лучшим образом складывались дела и на юге. Фактически захлебнулось наступление РККА в Крыму, западнее Керчи. Командующий Крымским фронтом Д. Козлов был практически подавлен «опекой» со стороны члена Военного совета фронта Л. Мехлиса, действовал с оглядкой на него, что привело к плачевным последствиям. Начавшееся 8 мая 1942 г. немецкое наступление на Керченском полуострове, как нож по маслу, разрежало неподготовленные к обороне советские позиции. Керченская катастрофа стоила советским войскам 176 тыс. человек. Теперь все немецкие силы в Крыму были переброшены к Севастополю — городу славы русских моряков.

Оборона города продолжалась с 30 октября 1941 по 4 июля 1942 г. После того как осенью 1941 г. немецкие войска ворвались в Крым, они бросили на захват Севастополя основные силы 11-й армии генерала Э. Манштейна. Еще 4 ноября был создан Севастопольский оборонительный район (СОР), в который вошли войска Приморской армии, морские, сухопутные и авиационные части Черноморского флота (ЧФ). Командующим СОР был назначен командующий ЧФ вице-адмирал Ф. С. Октябрьский, его заместителем по сухопутной обороне — генерал-майор И. Е. Петров. Более 15 тыс. севастопольцев добровольно вступили в народное ополчение и были направлены на пополнение воинских частей. Огневую поддержку войск береговых батарей осуществляли также корабли ЧФ.

В конце мая 1942 г. положение осажденно-го Севастополя стало критическим. Немецкое командование решило воспользоваться благоприятно складывающейся обстановкой в Крыму и организовать новое мощное наступление на главную базу Черноморского флота. Судьба города была практически предрешена. После многодневных интенсивных налётов авиации и артиллерийских обстрелов 7 июня 1942 г. немцы предприняли 3-й по счету штурм Севастополя. К концу июня силы защитников города истощились до предела, заканчивались боеприпасы. Противник господствовал в воздухе, подтягивал резервы и продолжал почти непрерывные атаки. 29 июня немцы ворвались в городскую черту. 30 июня развернулись ожесточенные бои за Малахов курган, доминировавший над бухтой. По указанию Ставки ВГК остатки войск, оборонявших Севастополь, должны были эвакуиро-

ваться в Новороссийск. Но к 1 июля противник блокировал СОР с моря и держал под огнем все близлежащее побережье. В этих условиях эвакуировать удалось лишь незначительную часть защитников города. По информации Генштаба РККА 4 июля 1942 г. на побережье под Севастополем было еще много отдельных групп бойцов и командиров, продолжающих оказывать сопротивление врагу. Для их эвакуации было приказано посылать мелкие суда и морские самолеты. Из-за огня противника людей могли принимать на борт лишь в 500–1000 м от берега. Советские войска понесли большие потери. По отечественным данным, безвозвратные потери войск СОР с 30 октября 1941 г. по 4 июля 1942 г. составили более 156 тыс. человек (убитыми, пленными и пропавшими без вести). Немцы и их союзники в ходе осады и штурма Севастополя также понесли огромные потери — до 300 тыс. убитыми и ранеными.

Оборона города продолжалась 250 дней и стала символом массового мужества и героизма советских воинов. Она сковала крупные силы противника на южном фланге советско-германского фронта, которые в противном случае могли быть использованы на одном из решающих участков германского наступления летом 1942 года³⁹. Однако германское командование смогло высвободить после падения Севастополя значительные силы 11-й армии Манштейна, которые затем были переброшены на север для захвата Ленинграда. Падение города стало и тяжелым моральным ударом для Красной Армии и всего советского народа.

Катастрофа под Харьковом

Как уже упоминалось выше, на мартовском 1942 года совещании в Кремле было решено провести серию частных наступательных операций на различных участках советско-германского фронта, что явно не соответствовало возможностям РККА. Следует отметить, что инициатива некоторых операций исходила не только от Верховного, но и от командования объединениями. В том числе, Военный совет Юго-Западного направления (Главкомандующий ЮЗН, командующий Юго-Западным фронтом маршал С. К. Тимошенко, член военного совета Н. С. Хрущев, начальник штаба генерал-лейтенант И. Х. Баграмян) в конце марта 1942 г. предложил Ставке ВГК провести наступательную операцию на их направлении с целью разгрома противостоящих сил противника и последую-

щего выхода Красной Армии на линию Гомель, Киев, Черкассы, Первомайск, Николаев.

Для проведения операции командование ЮЗН попросило у Ставки дополнительные силы и средства. Генеральный штаб, рассмотрев это предложение, доложил И. В. Сталину о своем не согласии и невозможности проведения крупной наступательной операции на юге весной 1942 г. Ставка ВГК, не располагая в этот период достаточными резервами, согласилась с мнением Генерального штаба. Однако военному совету ЮЗН все же удалось настоять на проведении частной наступательной операции с целью освобождения Харькова и создания условий для последующего наступления в районе Донбасса. Согласно замыслу операции, предусматривалось нанесение двух ударов по сходящимся направлениям: одного — из района южнее Волчанска, другого — с Барвенковского выступа в общем направлении на Харьков.

Командование группы армий «Юг» (главнокомандующий генерал-фельдмаршал фон Бок) также готовилось к операции под кодовым названием «Фридрикус-1» с целью ликвидации Барвенковского выступа, который создавал угрозу немецким войскам, действовавшим под Харьковом и в Донбассе. Немецкий план состоял в том, чтобы встречными ударами 6-й полевой армии (командующий генерал армии Ф. Паулюс) из Балаклеи и армейской группы (командующий генерал П. фон Клейст) в составе двух армий (1-я танковая и 17-я полевая армии) из района Славянска и Краматорска в общем направлении на Изюм окружить и уничтожить советские войска в этом выступе, затем захватить плацдарм в районе Изюма для развития наступления в направлениях Кавказа и Сталинграда. Начало операции намечалось на 17 мая 1942 г. При этом, советские планы не были для немцев секретом, так еще 22 апреля 1942 г. из-за ошибки пилота к ним в плен попал командующий 48-й армии Брянского фронта генерал-майор А. Г. Самохин, имея при себе директиву Ставки ВГК и оперативную карту с планом Харьковской наступательной операции.

Начальник Генерального штаба маршал Б. М. Шапошников, учитывая рискованность наступления из оперативного мешка, каким являлся Барвенковский выступ для войск Юго-Западного и Южного фронтов, вновь предложил воздержаться от проведения операции. Однако военный совет ЮЗН продолжал настаивать на ее проведении. Мнение Верховного главноко-

мандующего И. В. Сталина склонилось в пользу проведения операции, и Ставка дала на нее добро. Начало операции было назначено на 12 мая 1942 г.

Таким образом, к наступательным действиям готовились обе стороны. От исхода предстоявшего сражения зависело дальнейшее развитие летне-осенней кампании 1942 г. на южном крыле советско-германского фронта.

Наступление войск Юго-Западного фронта (ЮЗФ) началось, как и планировалось, 12.05.1942 г. Южный фронт имел задачу оборонять занимаемые рубежи в целях обеспечения наступления ЮЗФ, при этом достаточных сил для создания прочной обороны он не имел. За первые три дня ударные группировки прорвали немецкую оборону в полосе до 50 км каждая и продвинулись из района Волчанска на 18–25 км, а от Барвенковского выступа на 25–30 км, поставив в тяжелое положение 6-ю полевую армию вермахта. Однако противник, несколько изменив первоначальный план действий, 17 мая 1942 г. также перешел в наступление. Войска генерала фон Клейста нанесли мощные удары севернее Славянска и южнее Барвенково по слабо подготовленной в инженерном отношении обороне 9-й армии Южного фронта. Уже в первый день ее оборона была прорвана.

Командующий Южным фронтом генерал-лейтенант Р. Я. Малиновский предпринял попытку организовать контрудар и восстановить положение, однако противнику удалось авиаударами нарушить связь и управление войсками. Обстановка требовала немедленного прекращения Харьковской операции. Вечером 17.05.1942 г. исполняющий обязанности начальника Генерального штаба генерал-полковник А. М. Василевский доложил И. В. Сталину о критической обстановке на Южном фронте и предложил прекратить наступление, а часть высвободившихся войск Юго-Западного фронта использовать для ликвидации прорыва противника. Иного способа исправить положение не было, поскольку Ставка в этом районе резервами не располагала.

Сталин и командование Юго-Западного направления находились в смятении. Однако они явно недооценивали сложившуюся ситуацию и считали возможным продолжение харьковской операции. Пытаясь одновременно предотвратить худшие последствия немецкого прорыва, в 16:00 17 мая штаб Тимошенко предписал: «В целях отражения наступления противника, предпринятого на участке 9 А:

1. Передать в оперативное подчинение командующего Южным фронтом 2-й кавкорпус (38, 62, 70 кд)...
2. Для разгрома группы противника, наступающей на Барвенково с юга, организовать и нанести с рассвета 18.05.42 контрудар силами 2 КК и 14-й гв. сд... во фланг и тыл прорвавшейся группы противника... Одновременно стрелковому полку 333 сд со средствами удерживать за собой Барвенково, не допуская прорыва танков и мотопехоты противника на север.
3. Разгром группы противника, наступающей из района Славянск против левого фланга 9 А, организовать силами 5 КК, 12 и 121 тбр и 333 сд.
4. Не менее одной кавдивизии иметь в резерве командующего в районе Барвенково. Одновременно немедленно начать переброску в район Барвенково одной стрелковой дивизии и одной танковой бригады из 37-й армии»⁴⁰.

Но ситуация под Барвенково и Славянском ухудшалась с каждым часом. В десять часов вечера 18 мая 1942 г. командующий Юго-Западным направлением маршал С. К. Тимошенко, член Военного совета Н. С. Хрущев и начальник штаба И. Х. Баграмян констатировали: «С утра 17.05 противник, отбросив 9 А Южного фронта, прорвался отдельными танковыми группами в направлении Славянск, Изюм, Андреевка, Барвенково». Мероприятия по ликвидации прорыва должного результата не дали. В связи с этим, руководство ЮЗН решило срочно изыскать виновника приближавшейся трагедии, которым стал командующий 9-й армией. «Вместо того, — отмечалось в боевом приказе Тимошенко, Хрущева и Баграмяна, — чтобы использовать имеющиеся резервы, не допустить распространение танков противника к переправам на р. Сев. Донец, организовать взаимодействие дивизий и ликвидировать прорыв, командующий 9 А генерал-майор Харитонов бросил на произвол судьбы свои войска и трусливо сбежал в Изюм. Благодаря этому уже к полудню 18.05 противник слабыми силами вышел на южный берег р. Сев. Донец на участке Богородичное, Пришиб и отдельными группами танков подошел к южной части Изюм».

Досталось в приказе и командующему Южным фронтом генерал-лейтенанту Р. Я. Малиновскому, который со своим штабом «не проявили достаточной энергии и решительности для восстановления утерянного управления

войск, и до сего времени руководство боевыми действиями армии (9-й армии) доверяется обанкротившемуся в бою генералу Харитонову». Дальнейшие указания были жесткими: «Харитонova от командования отстранить и предать суду Военного трибунала», а Малиновскому самому принять руководство 9-й армией и отсечь прорвавшегося в наш тыл врага⁴¹.

Генерал Ф. М. Харитонов осужден тогда не был и воевал дальше. Верховному командованию было ясно, что причина немецкого успеха коренится не в его командовании, а в общей переоценке наших сил и возможностей на харьковском направлении и допущенных ошибках стратегического масштаба⁴².

Обстановка на Барвенковском выступе 18 мая 1942 г. стала критической, однако Ставка опять отклонила предложение Генштаба о прекращении наступления. Только вечером 19 мая, когда угроза окружения советских войск стала более чем очевидной, маршал Тимошенко отдал приказ войскам ЮЗФ перейти к обороне, а основную часть войск 6-й армии и два танковых корпуса использовать для разгрома прорвавшегося в их тыл противника. Но это решение было принято слишком поздно. Стремительным продвижением своих танковых и моторизованных соединений противник сорвал сосредоточение советских частей на участке прорыва и вынудил их вступать в бой разрозненно, без авиационной и артиллерийской поддержки.

23 мая 1942 г. армейская группа генерала Клейста, наступавшая из-под Краматорска, соединилась в районе Балаклеи с частями 6-й полевой армии Паулюса, наносившей удар с севера. Пути отхода на восток частям Красной Армии, действовавшим на Барвенковском выступе, были отрезаны. Руководство окруженной группировкой было возложено на заместителя командующего ЮЗФ генерал-лейтенанта Ф. Я. Костенко. Окруженная группировка вела тяжелые бои с 24 по 29 мая. Попытка командования Юго-Западным направлением деблокировать окруженные соединения удалась лишь частично. По советским данным, наши войска потеряли безвозвратно под Харьковом 170 тыс. чел. Погибли многие видные военачальники — генералы Ф. Костенко, А. Городнянский, К. Подлас.

Харьковская катастрофа резко ухудшило обстановку на всем южном крыле советско-германского фронта. Поражение Красной Армии предопределило овладение вермахтом стратегической инициативой и облегчило начало 28 июня

1942 г. немецкого генерального наступления на юго-западном направлении. В результате тяжелых и неудачных оборонительных боев, войска Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов отступили на 100–400 км, а германские войска нацелились на Сталинград и Кавказ⁴³.

Несмотря на накопленные в предыдущие месяцы стратегические резервы (Действующая армия состояла из 54 общевойсковых армий, одной танковой армии и двух оперативных групп)⁴⁴ советские войска были серьезно ослаблены, что предопределило дальнейший неудачный ход боевых действий на юге России.

Германский натиск на Юго-Западный фронт и левое крыло Брянского фронта возобновился практически сразу же. Группа армий «Юг» стремилась использовать создавшиеся выгодные условия и нанесла в начале июня новые удары восточнее Харькова. Как это ни покажется странным, советские войска после столь тяжелых потерь в мае 1942 г. обладали еще значительным количественным превосходством над германскими частями на южном крыле Восточного фронта: 1700 тыс. советских солдат противостояло 900 тыс. немецких. Однако потери Красной Армии продолжали расти, а группа армий «Юг» получала новые подкрепления. По этой причине Сталин был вынужден начать переброску с Дальнего Востока дополнительных резервных сил (до 10–12 дивизий), чтобы закрыть образовавшуюся в обороне брешь.

Уже 10 июня 1942 г. ожесточенные бои разгорелись в направлениях на Волчанск, Чугуев, Купянск. Командующий ЮЗФ маршал С. К. Тимошенко, член Военного совета Н. С. Хрущев и начальник штаба И. Х. Баграмян отправляли донесения на имя самого Сталина. Последний лично следил за обстановкой на обозначившемся теперь самом опасном направлении гигантского фронта. Удары по стыкам советских 21-й, 28-й и 38-й армий наносились крупными пехотными и моторизованными силами группы армий «Юг», при поддержке нескольких сотен танков и подавляющем превосходстве в воздухе. Наши войска не выдержали и начали отход. 11 июня командование Юго-Западным фронтом адресовало Сталину нервное послание, констатирующее полное бессилие советской авиации и вытекающих из этого последствиях: «В начавшемся наступлении на Купянском направлении противник применяет на поле боя и в ближайшем тылу наших войск свою авиацию массированно, имея в воздухе почти постоян-

но две–три группы бомбардировщиков, плотно прикрытых истребителями. Самолетов в каждой группе доходит до 70–100 единиц... В настоящее время мы располагаем только 200 исправными дневными боевыми самолетами. При тройном превосходстве противник господствует в воздухе и, летая на средних и низких высотах, бомбит и почти безнаказанно расстреливает наши боевые порядки и танки. Это обстоятельство резко снижает боевую эффективность применения наших танков и снижает боевую стойкость нашей пехоты. Учитывая, что противник стянул на харьковское направление основную массу своих танковых войск (3, 23, 14, 18 тд и 60 мд) и значительное количество самолетов и ищет на этом направлении основного решения своего летнего наступления, мы настоятельно просим Вас увеличить общее количество боевых самолетов ВВС ЮЗФ до 500 единиц». Большую часть из них Тимошенко и его штаб просили перебросить «за счет временной придачи с других фронтов», но только так, за счет «уравновешивания сил в воздухе», возможно было «гарантировать разгром противника»⁴⁵.

Однако переломить в свое пользу ситуацию в воздухе и на земле Юго-Западного фронту не удалось. Контрудары 38-й армии смогли лишь задержать, но не остановить части вермахта. 11–12 июня советские войска под давлением противника отводились на восточный берег р. Сев. Донец. В полосе 28-й армии танки врага устремились к н.п. Вел. Бурлук. В воздухе одновременно находилось 150–200 вражеских самолетов. Тимошенко заключал: «По-прежнему, главной силой врага, снижающей эффективность нашей обороны и контрудары наших танковых соединений, является авиация»⁴⁶.

До конца июня 1942 г. войска Юго-Западного фронта вели то затухающие, то разгорающиеся с новой силой бои с мощными подвижными соединениями группы армий «Юг». Противник, захватив Вел. Бурлук, ворвавшись в Купянск, вышел к 23 июня к р. Оскол. Советские 38-я армия и правый фланг 9-й армий «с целью сохранения живой силы, материальной части и создания прочной обороны» по приказу Военного совета ЮЗФ были отведены на восточный берег Оскола⁴⁷.

Германское командование не прекращало давления на Юго-Западный фронт, но было понятно, что это только прелюдия к генеральному наступлению, подготовка к которому вступило в конце июня 1942 г. в завершающую стадию.

Первоначально операция «Блау» была назначена на 23 июня. Но в связи с ожесточенными боями под Севастополем, срок был перенесен на 28 июня. К востоку от Курска были сосредоточены 2-я и 4-я танковая и 2-я венгерская армии, под общим командованием генерала Вейхса, которые и перешли 28 июня в наступление.

Немцы нанесли новые, более мощные удары, которые теперь следовали один за другим без передышки. Вечером 1 июля части вермахта смогли захватить плацдармы на восточном берегу р. Оскол, прорвав оборону 28-й советской армии. Контрудары 23-го и 13-го танковых корпусов Юго-Западного фронта большого успеха не имели⁴⁸. Тем временем 4-я германская танковая армия быстрыми темпами выходила к р. Дон в районе Воронежа. Потери Красной Армии продолжали расти.

Немецкое командование в начале июля приняло решение начать операцию «Клаузевиц». Ее цель — глубокий охват Юго-Западного фронта и выход немецких сил на оперативный простор. 4 июля развернулись жестокие бои на подступах, а затем и в самом Воронеже. Советское командование срочно перебросила к городу 5-ю танковую армию генерала А. Лизюкова. Отчаянные атаки советских танкистов вынудили немцев увязнуть в боях за городские кварталы. Вскоре Гитлер приказал повернуть часть сил Вейхса к юго-востоку и продолжать наступление навстречу 6-й армии Паулюса, перешедшей в наступление 30 июня. 7 июля группа армий «Юг», насчитывавшая теперь около 1,2 млн чел., была разделена на две примерно равные части: группы «Б» и «А» под командованием фельдмаршалов Ф. Бока и В. Листа, которые должны были нанести встречные удары со стороны Воронежа (группа «Б») и со стороны Славянска (группа «А»). Группа армий «Б», включавшую в себя 4-ю танковую, 6-ю и 2-ю армии, 8-ю итальянскую армию и 2-ю венгерскую армию возглавил фельдмаршал фон Бок. В группу армий «А» (фельдмаршал В. Лист) входили 1-я танковая армия и армейская группа Р. Руоффа (17-я немецкая и 3-я румынская армия)⁴⁹.

После прорыва к Воронежу 4-я танковая армия начала стремительное продвижение на юг вдоль Дона во фланг и тыл Юго-Западного и Южного фронтов. Советские войска начали быстрый отход. Силы 38-й и 9-й армий и ряд других соединений в середине июля оказались фактически в кольце немецких войск в районе Миллерово.

Почему же немцам вновь удалось, так же, как и летом 1941 г., стремительно продвинуться вперед, окружить и в значительной мере обескровить крупные воинские формирования РККА, обладавшие большей численностью, чем собственно германские ударные соединения? Ответ неоднозначен. Во-первых, германская сторона превосходила советскую в подвижности, а, следовательно, имела преимущество в выборе участка прорыва. Соединения вермахта могли неожиданно ударить в том месте, где их совсем не ждали. Во-вторых, немецкие командиры еще превосходили советских военачальников в тактике ведения боевых действий. В третьих, массированное и безнаказанное использование врагом авиации на поле боя часто дезорганизовывало советские войска, снижало эффективность их контрударов до нулевой отметки. И, наконец, в Красной Армии еще силен был страх перед германской наступательной машиной. Зимой 1941–1942 г. этот страх, казалось, остался позади, но весенние неудачи вновь снизили боевой дух советских бойцов. История повторялась, и германские самолеты, как и летом 1941 года, нависали над головами отходящих советских колонн. Еще требовалось время, чтобы перебороть отступательный синдром. Неудачи в Крыму и под Харьковом отнюдь не способствовали этому процессу. Напротив, германские солдаты, казалось, снова убедились в своем превосходстве над противником.

23 июля Юго-Западный фронт, отступавший в Большой излучине Дона, был переименован в Сталинградский. Командующим фронта был назначен вначале С. К. Тимошенко, но вскоре руководство объединением было возложено на генерала В. Н. Гордова. 28-я, 38-я, 9-я и 57-я армии Юго-Западного фронта передавались в состав Южного фронта.

«За Волгой земли нет»: героическая оборона Сталинграда

Эпохальная Сталинградская битва (17 июля 1942 г. — 2 февраля 1943 г.) делится на два этапа: оборонительный и наступательный. Первый оборонительный этап битвы операции продолжался до 19 ноября 1942 г. — до того момента, когда советские войска перешли в решительное контрнаступление. Лето и осень 1942 г. стали тем критическим рубежом, когда враг окончательно убедился в непоколебимости силы Красной Армии и всего советского народа. За операциями, проведенными советскими войсками с целью

обороны Сталинграда, следил поистине весь мир. Стойкость советских воинов стала решающим фактором в достижении Красной Армией коренного перелома в войне. В Сталинградской битве в разное время участвовали войска Сталинградского, Юго-Восточного, Юго-Западного, Донского, левого крыла Воронежского фронтов, Волжская военная флотилия и Сталинградский корпусной район ПВО.

После того как немецким войскам удалось в середине июля вновь охватить часть сил на южном фланге советско-германского фронта, Ставка ВГК, наученная горьким опытом предыдущих неудач, приняла решение отвести свои войска на восток, не дожидаясь того, когда сделать это будет уже поздно. 28-я, 38-я, 9-я армии Юго-Западного фронтов, а также 37-я армия Южного фронта начали отступление в направлении большой излучины Дона. Управление и части Юго-Западного фронта устремились теперь непосредственно в район Сталинграда для развертывания на подступах к городу нового Сталинградского фронта.

Немецкому командованию не удалось провести полного охвата отступающих советских сил. Руководство Красной Армии делало выводы из недавних поражений. Несмотря на то, что отступление к Дону проходило по открытой местности, в условиях господства в воздухе германской авиации, катастрофы, подобной харьковской, не произошло, и гигантской ловушки удалось избежать. Даже тогда, когда немцам удавалось опережать советские части, выходить им в тыл, командиры Красной Армии не теряли самообладания и принимали все меры для прорыва вражеских заслонов. Часто успех сопутствовал тем советским соединениям, которые в определенный момент, по приказу своего командования, делились на ряд более мелких подразделений и прорывались на восток, забирая с собой лишь легкое оружие. Большинство советских частей сумели таким образом просочиться через германские порядки, оставляя командиров вермахта в недоумении: как и когда русские сумели выучиться эффективной тактике отступления?

Отсутствие быстрых и самое главное громких побед в излучине Дона раздражало Гитлера. Влекомый желанием покарать кого-нибудь за такое состояние дел, фюрер принял решение устранить фон Бока от командования группы армий «Б». 15 июля преемником пожилого фельдмаршала на этом посту стал генерал (с 1943 г. фельдмаршал) М. Вейхс. Задачей немецких войск

на юге России Гитлер считал быстрее продвижение к Ростову, занятие переправ через Дон и выход к предгорьям Кавказа. Основная нагрузка в наступлении ложилась на группу «А», продвигающуюся по направлению к Северному Кавказу. Группа «Б» должна была прикрыть ее с севера и занять Сталинград.

К середине июля немецкое командование обнаружило для себя новую неприятность. Все разведанные говорили за то, что взять Сталинград сходу вряд ли удастся. Вокруг города еще с осени 1941 г. строились целых три оборонительных обвода. Сталинград являлся крупнейшим промышленным центром, в котором находились такие крупнейшие оборонные предприятия, как заводы «Судоверфь», «Красный Октябрь», Сталинградский тракторный завод. Из ворот последнего выходило к тому времени до 50 % всех танков Т-34. В городе производились пушки, мощные двигатели, стрелковое оружие и другая военная техника. Но самое главное, к июлю 1942 г. к западу от Сталинграда был создан новый фронт, готовый вести решительную оборону. По этой причине германское командование вынужденно перебросило на сталинградское направление дополнительные силы. В состав 6-й армии Паулюса влились шесть новых дивизий, снятые с кавказского направления, что, конечно, значительно усилило ее наступательную мощь.

Сама судьба толкала германский вермахт в сторону Сталинграда. Постепенно из города, лежащего на второстепенном направлении, он стал превращаться в центр всей кампании. Чем больше сюда перебрасывалось немецких сил, чем ожесточеннее шла борьба на подступах к Волге, тем значимей становилась победа какой-либо из сторон в этом гигантском сражении. Отметим также, что уже на первом оборонительном этапе Сталинградской битвы советское командование получило некоторое преимущество перед противником. Немецкие войска наносили удары по расходящимся направлениям: на Сталинград и на Кавказ (причем по мере развития наступления разрыв между ними увеличивался). Это ослабляло общую мощь германского удара на юге России, позволяло советскому командованию маневрировать резервами. Позднее это дало возможность облегчить задачу перехода в контрнаступление.

Однако во второй половине июля 1942 г. положение на сталинградском и ростовском направлениях продолжало складываться

не в пользу советских войск. Ставка ВГК приказала командующему Южным фронтом Р. Я. Малиновскому отвести войска за Дон в его нижнем течении. 25 июля Ростов на Дону пал. Организовать здесь крепкую оборону и вернуть город советскому руководству не удалось. К западу от Сталинграда перебрасывались новые советские резервы. В состав Сталинградского фронта вошли 63-я, 62-я, 64-я армии — всего около 200 тыс. чел. Кроме того, из Юго-Западного фронта передавались 8-я воздушная и 21-я армии; в бой вводились две морские стрелковые бригады, курсанты военных училищ.

Общепринято, что бои на дальних подступах к Сталинграду начались 17 июля 1942 г. Однако особенностью сложившейся обстановки в большой излучине Дона в то время было отсутствие соприкосновения между советскими и германскими войсками. Первой начала движение вперед навстречу 6-й армии Паулюса 62-я советская армия генерала В. Я. Колпакчи. Ее передовые подразделения завязали бой с немцами у хутора Морозов уже 16 июля. На следующий день в бой стали вступать основные силы армии⁵⁰.

Передовые отряды советских 62-й и 64-й армий, мужественно обороняясь, сдерживали противника несколько дней на рубеже рек Чир и Цимла. Все это время в тылу фронта шло усовершенствование защитных рубежей. К сожалению, первые же столкновения с врагом принесли нашим войскам серьезные потери. Одно из самых многочисленных объединений вермахта, 6-я армия Паулюса, быстрыми темпами подошло к Дону с запада. Она имела две ударные группировки: северную (14-й танковый и 8-й армейский корпуса) и южную (51-й армейский и 24-й танковый корпуса).

Сталинградский фронт к 17 июля занял оборону по левому берегу р. Дон до Серафимовича и Клетской, и далее на юг в излучине Дона — до Верхнекурмоярской. От Верхнекурмоярской до Таганрогского залива развернулся Южный фронт. При отступлении Южный фронт понес трудно восполнимые потери. В четырех его армиях осталось лишь немногим больше ста тысяч человек. Чтобы укрепить руководство войсками на северокавказском направлении, Ставка расформировала Южный фронт, а все его оставшиеся войска передала в состав Северо-Кавказского фронта, командующим которым был назначен Маршал Советского Союза С. М. Буденный. 37-я и 12-я армии Северо-Кав-

казского фронта получили задачу прикрывать ставропольское направление, а 18, 56-я и 47-я армии — краснодарское⁵¹.

23 июля командование Сталинградским фронтом принял на себя В. Н. Гордов, тогда как С. К. Тимошенко был отозван в распоряжении Ставки. Тогда же в район Сталинграда для координации действий войск прибыл начальник Генштаба РККА А. М. Василевский. Очевидно, что Сталин не забыл провала Тимошенко под Харьковом и окружения под Миллерово. До назначения в октябре 1942 года командующим Северо-Западным фронтом он практически оставался не у дел, выполняя отдельные поручения Верховного. Сталин, вызывая его в Москву, бросил всего лишь несколько фраз, мол, маршал устал и ему надо отдохнуть. Тимошенко, конечно, нес полную ответственность за предыдущие неудачи, но справедливости ради отметим, что ее в равной мере разделяет и Ставка, допустившая неверную оценку ситуации весной — в начале лета 1942 г. Тимошенко обладал твердой волей и большим полководческим талантом. Современные историки оценивают его руководство войсками достаточно высоко, указывая, что в нем выделялись «стремление к всестороннему охвату событий во всей их сложности и взаимосвязи, к высокой активности ведения боевых действий, основываясь на основополагающих принципах советского военного искусства, сильная воля, целеустремленность, умение смело брать на себя ответственность за принципиально новые решения, суровая каждодневная требовательность, оптимизм, глубокая идейная убежденность в правоте дела, за которое вел борьбу советский народ»⁵².

23 июля противник нанес удар по главным силам 62-й и 64-й армий. Наступая на Клетскую, северная ударная группа 6-й армии смяла оборону 62-й армии на правом фланге, имевшую здесь самую низкую плотность. Главный удар противника ожидался на другом — левом фланге, выводившем кратчайшим путем к Сталинграду. Это был просчет советского командования, вызванный, прежде всего, отсутствием полных разведанных о силах и намерениях противника. Обходя фланги советских войск, части вермахта пытались окружить их в большой излучине Дона, выйти в район Калача и быстро прорваться к Сталинграду. В тот же день появилась директива №45 верховного командования вермахта о продолжении операции «Брауншвейг» (так с 30 июня стала называться операция «Блау»).

Группе «Б» теперь, после выполнения первой задачи наступления, ставилась задача уничтожить противника на пути к Сталинграду, перерезать перешеек между Доном и Волгой и парализовать движение по реке⁵³.

Вскоре две стрелковые дивизии и ряд других советских частей оказались в окружении. Угроза капкана продолжала оставаться для всей 62-й армии Сталинградского фронта. Лишь спешный ввод в бой бригады тяжелых танков КВ и контрудар 13-го танкового корпуса с юга предотвратил быстрый выход врага в тыл основным силам 62-й армии. Тем временем части 64-й армии, отступая под натиском южной группировки 6-й немецкой армии, вынуждены были отойти за р. Дон.

Советское командование сознавало, что предпринятых контрмер совершенно недостаточно для того, чтобы отразить удар мощной группировки противника. Тогда Сталин обратился к плану ускоренного формирования и сосредоточения 1-й и 4-й танковых армий (командующие генералы К. С. Москаленко и В. Д. Крюченкин) за счет подходящих резервов. Им ставилась цель — наступление по сходящимся направлениям на верхнебузиновскую группировку врага (14-й танковый корпус 6-й армии). Как вспоминал маршал Василевский: это была «единственная возможность ликвидировать угрозу окружения 62-й армии и захвата противником переправ через Дон...»⁵⁴.

Уже 26–29 июля перешли в наступление танковые корпуса 4-й танковой армии, а 30 июля часть сил 1-й танковой армии. Но контрудар против группировки Паулюса не достиг своей цели. Соединения вводились в бой разрозненно. В 22-м танковом корпусе из 175 танков к 1 августа осталось всего 56 машин⁵⁵. Всего за несколько дней советские войска потеряли в большой излучине Дона до 450 танков, в том числе 1-я и 4-я танковые армии до 300. В результате Сталинградский фронт лишился своего «бронированного кулака» и вынужден был снова отступать. Части 62-й армии вскоре оказались в мешке и вынуждены были прорваться из него с большими потерями. Тем не менее, врагу пришлось на некоторое время задержать дальнейшее продвижение вперед своих передовых корпусов и дожидаться резервов. Маршал Г. К. Жуков замечал по этому поводу: «...Конечно, ввод в бой частей, находящихся в стадии формирования, нельзя признать правильным, но иного выхода в то время у Ставки не было, так как пути на Сталинград прикрывались слабо»⁵⁶.

Беспристрастный анализ тех событий показывает, что «иной» путь все же был возможен. При более тщательной подготовке танкового наступления, внимательном отношении к тактике ведения боя механизированных соединений советские войска могли уже тогда — в июле 1942 г. — переломить ход сражения и нанести крупное поражение наступающим колоннам 6-й армии вермахта. Всего этого не случилось, и бронированные силы были растрчены впустую. У высшего командования Красной Армии пока просто не хватало умения руководить возросшими массами танковых соединений.

Другая причина коренится в общей стратегии выбранной советским верховным командованием на 1942 г. Увлечшись наступательными действиями в конце весны, Ставка предопределила многие свои поражения. Последующие события, когда враг уже овладел стратегической инициативой, заставляли Верховного, Генштаб и командующих фронтами лишь реагировать с большим или меньшим успехом на складывающуюся обстановку. Плохо подготовленные контрудары вели к большим потерям, но относились к разряду неизбежных, когда на кону стояло удержание жизненно важных центров России.

Недооценка стратегической обороны, поспешная подготовка наступательных операций по-прежнему, присутствовали в высшем звене руководства РККА. Как-то после войны, вспоминая уроки своих поражений, С. К. Тимошенко вопрошал Г. К. Жукова: «До сих пор не могу понять, почему же мы в 1942-м не решились перейти к обороне, как это потом сделали под Курском в 1943-м?». Жуков после тяжелого вздоха ответил: «Нужны были накопленные за два года войны горький опыт, мужество и стратегическая мудрость, чтобы созреть до таких решений»⁵⁷.

Следует также подчеркнуть, что сильными сторонами противника, наряду с превосходством в воздухе и умелым использованием танковых соединений, оставалось хорошо налаженная связь. Она во многом обеспечивала на данном этапе четкое взаимодействие войск на поле боя. Немцы в полную силу использовали радиосвязь, тогда как в наших частях преобладала проводная, которая часто рвалась. Приходилось использовать посыльных, которые приносили приказы часто уже тогда, когда обстановка кардинально менялась и требовала новых решений. Но и в действиях частей вермахта стал присутствовать шаблон. Размеренно, исходя из устоявшейся программы, за авиацией в бой вступали танки,

за ними — пехота. Герой Сталинграда В. И. Чуйков замечал также, что немецкие танки не шли в наступление без поддержки пехоты и авиации. Он старался учиться на своих и чужих ошибках, наблюдать за действиями противника, изучать его слабые места, не подставляя своих, воевать «с открытыми глазами»⁵⁸. Сметливые советские генералы уже тогда старались действовать на опережение противника, например, обрушивать на врага огневой вал артиллерии еще до перехода в атаку его бронетехники и пехоты.

Действительно, горькие уроки поражений не пропадали даром: именно тогда в Генштабе РККА, в оперативных управлениях советских фронтов многие военачальники стали осознавать непреложную истину — для того чтобы разбить врага, нанести ему сокрушающее поражение, необходима тщательная и всесторонняя подготовка, организация полнокровных резервов, отработка взаимодействия на всех уровнях фронтового и армейского командования.

Но пока положение на сталинградском направлении продолжалось ухудшаться. Фронт практически лишился своих наступательных возможностей, а оборона во многом была дезорганизована. Нужны были новые резервы. Кроме того, в конце июля 1942 г. последовали кадровые решения. Генерала Колпакчи на месте командующего 62-й армией сменил А. И. Лопатин, а в командование 64-й армией вместо В. И. Чуйкова вступил генерал М. С. Шумилов. Чуйков был послан на ее южный фланг для выяснения обстановки и принятия мер по усилению обороны. Прибыв на место, он подчинил себе все имевшиеся там силы. С 10 сентября генерал-лейтенант В. И. Чуйков был назначен командующим 62-й армией.

К юго-западу от театра сражений за Сталинград обстановка также складывалась драматически. В конце июля 1942 г., захватив Ростов-на-Дону, немцам удалось быстро форсировать Дон в его нижнем течении. Танковые и моторизованные колонны фельдмаршала Листа неудержимым потоком двинулись по просторам Кубани. Танкисты 1-й танковой группы Клейста давили своими гусеницами богатейший урожай пшеницы, который был выращен, но так и не собран. Красная Армия лишилась не только многих тысяч тонн хлеба. Под германской оккупацией вскоре оказались крупные нефтяные месторождения в районе Майкопа. Лишь благодаря оперативным действиям спецорганов их удалось взорвать перед самым приходом гитлеровских

войск. Отступить дальше теперь означало подорвать жизненные силы государства, лишиться сырья, которое позволяло вести войну. Под пятой оккупантов уже находилась огромная территория, миллионы советских солдат томились во вражеских лагерях. Правдой являлось и то, что десятки тысяч военнослужащих Красной Армии и гражданских лиц согласились (одни добровольно, другие из-за невыносимых условий плена и оккупации) сотрудничать с врагом. В одном только тыловом районе 6-й армии Паулюса во время ее наступления на Сталинград находилось до 50 тыс. советских военнопленных, так называемых хиви — «добровольных помощников», обеспечивавших снабжение боевых германских частей. Над страной вновь, как и осенью 1941 г., нависла смертельная опасность.

28 июля 1942 г. появился приказ Народного комиссара обороны № 227, подписанный лично Сталиным (известный также под названием «Ни шагу назад!»). Суровыми мерами предусматривалось навести порядок в войсках, укрепить их дисциплину, пресечь сдачу в плен к противнику. Без распоряжения сверху запрещалось оставлять занимаемые позиции. Заградительные отряды обязаны были расстреливать отступающих дезертиров, паникеров и трусов. Для нарушителей воинской дисциплины, бойцов и командиров, совершивших различные проступки, предусматривалось наказание в виде штрафных рот и батальонов. Документ зачитывался перед строем во всех подразделениях Красной Армии и Военно-морского флота.

Приказ стал одним из самых жестких нормативно-правовых актов Второй мировой войны. Несмотря на то, что в наши дни он подвергается ожесточенной критике, его необходимость в тех условиях казалась очевидной. Можно сказать, что приказ произвел перелом в моральном настроении многих солдат и офицеров. Он мало кого удивил, — нечто подобного давно ожидали. В преамбуле документа говорилось о главном, о чем необходимо было помнить ежесекундно: потере громадной территории, миллионов людей, важнейших ресурсов, хлеба, то есть, жизненных сил страны, без которых невозможно ее существование. Отступить дальше означало либо погибнуть, либо сдаться на милость победителя. Для защитников Сталинграда ответ на приказ был однозначный: «За Волгой земли нет!»

В то время свой выбор должен был сделать каждый человек, будь то командир или рядовой боец. Но сегодня нам важно знать, не толь-

ко о том, какое моральное воздействие оказал приказ № 227 на бойцов Красной Армии. Необходима правдивая картина той ситуации, которая складывалась на передовой после введения в жизнь мероприятий, предусмотренных документом. Очевидно, что вокруг заградотрядов и штрафных подразделений за последнее время сложилась целая сага, претендующая на роль доминанты, открывающей глаза современному поколению на истинный ход войны. Десятки статей, книг, документальных и художественных фильмов рассказывают нам о том, как отряды «энкэвэдэшников» стреляли в спину простым солдатам — безвинным жертвам тоталитаризма, а штрафные роты заваливали своими телами немецкие пулеметы в отчаянных и, в целом, напрасных атаках. Еще немного красок и «свидетельств» и такая сага, в которой жестокая реальность смешивается с мифами и откровенной ложью станет истиной в последней инстанции. Нас подведут к мысли о том, что вся война шла из-за страха, а героями были лишь те, кто боролся против бесчеловечного режима.

Разные события войны нельзя вписать в лубочный рассказ о победе, ради которой отдали жизни миллионы людей. На фронте было все — включая самое мерзкое и отвратительное. Но непреложным фактом является то, что низкое не затмило высокое, а предательство не вытравило героизм. Знание архивных документов и их тщательный анализ помогает нам разобраться в темных и светлых сторонах войны, и, в том числе, дать выдержанное заключение об исполнении приказа № 227. Следует сразу отметить, что заградительные отряды начали у нас создаваться еще с лета 1941 г., в частности на фронте генерала Еременко. Тогда они выполняли, в основном, функции сбора оставших военнослужащих и перенаправления их на фронт или в спецорганы. Как известно, текст приказа от 28 июля 1942 г. зачитывался на всех фронтах, включая те, которые вели бои на центральном участке. Здесь возможно было провести мероприятия, предусмотренные в документе, в более спокойной обстановке, чем на сталинградском направлении. В докладной записке полкового комиссара Горбушина военному комиссару штаба Западного фронта говорилось, что с начала августа им была проведена работа по созданию заградотрядов и штрафной роты в 16-й армии. Три заградотряда были созданы, соответственно, к 5, 10 и 13 августа. Их комплектование, равно как и назначение командного состава в штраф-

ное подразделение происходило, как отмечалось, «за счет лучших людей, имеющих в составе армии». Туда направлялись рядовые, младшие командиры и политработники не раз побывавшие в боях, имевшие ранения, прошедшие боевую школу. И, напротив, исключались те, кто был ранее судим, попадал в окружение, имел родственников на оккупированной территории, или просто солдаты старших возрастов. Формированием отрядов и тщательным отбором личного состава занимался отдел укомплектования армии на базе запасного полка с участием командира, комиссара и начальника особого отдела. Причем из 2 тыс. человек было, в конце концов, отобрано всего 600 солдат. Другими словами, штрафные подразделения создавались из обычных фронтовиков — строевых красноармейцев и командиров, а отнюдь не военнослужащих НКВД. (Как не редко показывается в современных фильмах о войне. — М. М.). Однако заградотряды входили в подчинение особых отделов НКВД армий. Их вооружение, хотя и исключительно стрелковое, было, тем не менее, весьма внушительным: винтовки, автоматы ППШ, ручные пулеметы, 50 мм минометы и пулеметы «Максим» (по два на отряд). Первое время заградотряды стояли не в тылу «малоустойчивых» дивизий, а на отдельных участках, в которые входило по 2–3 соединения. Занимая, в основном, перекрестки дорог, они «выполняли функции, по существу, заградотрядов дивизий, существовавших до приказа № 227». «Это в лучшем случае, — отмечали военкомы соединений, — а в худшем превращались в контрольно-пропускные пункты НКВД». Необходимые коррективы в работу специальных подразделений вскоре были внесены, что дало политуправлению армии сделать следующее заключение: «В настоящее время заградительным отрядам отводится участок в тылу малоустойчивой дивизии или бригады, с которыми отряды имеют непосредственную связь и действуют совместно с командиром соединения»⁵⁹.

Конечно, не все директивы по укомплектованию заградотрядов и штрафных подразделений исполнялись четко в срок. Нередко командование объединений подходило к этому вопросу халатно, спустя рукава, что вело не к повышению, а, наоборот, снижению боеспособности частей. В 16-й армии, например, одним из главных проколов стало незнание заградотрядами перегруппировки собственных «подопечных» соединений. Это приводило к тому, как указывалось в документах, «что часть,

производя перегруппировку, и ее подразделения должны проходить через участок заградотряда, который, не зная, что подразделение выполняет боевую задачу, останавливает его, тем самым замедляя выполнение боевого приказа. Кроме того, такая система может привести к ненужным жертвам, так как заградотряд может в таких случаях без предупреждения открывать огонь по отходящим частям»⁶⁰. Сколько таких «ненужных жертв» было в полосе Западного фронта документы не раскрывают, как не найдено пока информации о точном количестве случаев, когда заградотряды открывали немедленный огонь на поражение по солдатам, покинувшим поле боя без приказа и бегущих в тыл.

О том, что практика действий заградительных подразделений включала в себя самые жесткие меры к паникерам, трусам и дезертирам сегодня хорошо известно. Всего, по состоянию на 15 октября 1942 года в Красной Армии было сформировано 193 заградительных отряда. Детали, отражающие их работу, весьма показательны. Так, в справке, направленной в Управление особыми отделами НКВД СССР (не ранее 15 октября 1942 г.) говорится, что всего заградотрядами с начала их формирования (с 1 августа по 1 октября 1942 г.) было задержано 140 755 военнослужащих, сбежавших с передовой линии фронта. Из числа задержанных: арестовано 3980 человек; расстреляно 1189 человек; направлено в штрафные роты 2776 человек; направлено в штрафные батальоны 185 человек; возвращено в свои части и на пересылочные пункты 131 094 человека.

Пристального внимания требуют документы фронтов, оборонявших летом-осенью сталинградское и кавказское направления, находившихся на самых сложных участках и не раз попадавших в критическое положение. Из всех советских заградотрядов особым отделам Сталинградского фронта подчинялось — 16, а Донского фронта — 25. На этих фронтах за период с 1 августа по 1 октября 1942 г. было произведено наибольшее число задержаний, арестов и расстрелов во всей Действующей армии. Так, по Донскому фронту задержано 36 109 человек, арестовано 736 человек, расстреляно 433 человека, направлено в штрафные роты 1056 человек, направлено в штрафные батальоны 33 человека, возвращено в свои части и на пересыльные пункты 32 933 человека.

По Сталинградскому фронту задержано 15 649 человек, арестовано 244 человека, расстреляно 278 человек, направлено в штрафные роты

218 человек, направлено в штрафные батальоны 42 человека, возвращено в свои части и на пересыльные пункты 14 833 человека⁶¹.

Эти цифры отражают ситуацию в самые трагические месяцы советского отступления к Волге и предгорьям Кавказа. В целом, работа заградотрядов высшим командованием была признана необходимой и оценена с положительной стороны. В документах особых отделов не говорится о расстреле бегущих солдат, хотя отмечаются случаи «решительных мер» для приостановки отходящих в беспорядке военнослужащих, открытия огня «над головами отступающих», как это было на участке 396-го и 472-го стрелковых полков 399-й стрелковой дивизии 62-й армии 14 сентября 1942 г. Тогда, действием заградотряда бегущий личный состав был остановлен и «через два часа полки заняли прежние рубежи своей обороны». Но в боевых сводках не раз упоминается и о том, что отряды, призванные не допустить паники, нередко сами вступали в бой с врагом, занимали передовые позиции и несли существенные потери⁶².

Заградотряды находились, как правило, в удалении от передовой. По мере продолжения войны и роста боевой устойчивости частей, командование ставило перед ними задачи охраны тыла от диверсантов, уничтожения вражеских десантов, задержания дезертиров. Уже в ходе наступательных операций 1943–1944 гг. они следили за порядком на переправах и направляли отбившихся от своих подразделений солдат на сборные пункты. Осенью 1944 г. заградительные отряды, как подразделения, в которых была утрачена непосредственная необходимость, и используемые главным образом не по назначению, были упразднены.

Но летом 1942 г. никакие меры, которые могли бы предотвратить дальнейшее отступление Красной Армии, ликвидировать смертельную опасность стране не могли считаться советским верховным командованием излишне суровыми. Любой либерализм в этом деле, по мнению Сталина и лиц, отвечавших за проведение в жизнь приказа №227, необходимо было искоренить в зародыше. В своей директиве № 9 начальник Главного политического управления Красной Армии А. С. Щербаков констатировал, что некоторые члены Военных советов и политорганы не понимают «военную и политическую значимость приказа Народного комиссара обороны №227 и ограничились формальным зачитанием его личному составу». Вся работа сведена «к оче-

редной кампании». «Создание заградотрядов и подбор командно-политического состава для штрафных батальонов и рот нередко передоверили второстепенным лицам, а политорганы не оказывают командованию должной помощи. В заградотряды нередко направляются плохо обученные и недисциплинированные красноармейцы, не знающие русского языка и не участвовавшие в боях. Отдельные члены военных советов и начальники политорганов, по-прежнему, либеральничают с трусами, паникерами и нарушителями воинского долга». Щербаков предупреждал: «Они, видимо, не понимают, что выполнение приказа товарища Сталина немислимо без острой борьбы против элементов, сопротивляющихся наведению порядка и дисциплины в армии. Есть такие комиссары и командиры, которые мирятся с настроениями благодушия и успокоенности... Вместо того, чтобы решительно вытравить эти опасные явления, они фактически поощряют вредную болтовню о том, что приказ относится, главным образом, к частям, ведущим активные боевые действия... Многие военкомы и политработники, очевидно, не поняли, что приказ товарища Сталина является основным военно-политическим документом, определяющим боевые задачи всей Красной Армии и содержание партийно-политической работы на ближайший период войны». Главпур РККА «предлагал» решительно покончить с кампанейщиной, требовать решительного исполнения приказа, воспитывать мужество и доблесть красноармейцев на героических примерах своих товарищей, разъяснять, что «теперь военное и внешнеполитическое положение нашей Родины в большой мере зависит от выполнения каждым бойцом, командиром и политработником своего долга...»⁶³.

Выполнение указаний Сталина предусматривало и скорейшее введение в бой штрафных подразделений, которые на многих фронтах в середине августа только начинали создаваться. Например, в 16-й армии Западного фронта штрафная рота к тому времени уже была укомплектована постоянными кадрами командного и политического состава. Тогда как «переменный состав» — то есть, солдаты, «проявившие во время боя с врагом трусость и паникерство» — только начал поступать. Из дивизий, бригад и корпусов армии к 19 августа было прислано всего 30 человек. Тем не менее, ожидалось, что уже 22 или 23 августа штрафная рота получит первое боевое задание⁶⁴.

Таким образом, для особых отделов и политорганов Действующей армии было еще большое поле деятельности по созданию штрафных подразделений, призванных стать местом отбытия наказания для лиц, проявивших трусость или осужденных за другие преступления. Штрафные роты и батальоны внесли свой собственный — оплаченный большой кровью — вклад в оборону города на Волге. Они также, по праву, разделяют честь достижения нашей армией перелома в войне. Честь, которую они оправдали в отчаянных и гибельных контратаках на врага, удержании до последней капли крови вверенных позиций. Возможность «искупить» свою вину кровью имелась на всех фронтах, и, конечно же, на тех, которые в тот период вели ожесточенные бои в излучине Дона и на подступах к Кавказу.

В начале августа 1942 г. противник продолжал наращивать свои усилия на сталинградском направлении и продвигаться к предгорьям Кавказского хребта. Новые попытки советских контрударов не увенчались успехом. Более того, в начале августа немецким войскам удалось отрезать от своих тыловых коммуникаций на восточном берегу Дона ряд крупных советских соединений. Им пришлось с боем переправляться на левый берег реки, теряя людей и технику. Большинство советских частей сражались в большой излучине Дона героически. Они заставили врага снизить темпы наступления. Однако инициатива все еще оставалась у германского командования.

Генерал Паулюс требовал подкрепления своим войскам, в которых появились признаки усталости. Необходимо было позаботиться и о флангах ударной группировки. Гитлер откликнулся на его просьбу. В полосу 6-й армии были направлены итальянские части (8-я итальянская армия), а впоследствии еще и румынские соединения. Дополнительно Паулюсу передавались и чисто германские соединения — один армейский корпус и танковая дивизия. 6-й армии предстояло завершить разгром советской 62-й армии и захватить Сталинград.

После подхода резервов Паулюс принял решение окружить 62-ю советскую армию, нанеся удар по сходящимся направлениям своими танковыми и армейскими корпусами. Начавшееся 7 августа наступление, казалось, полностью достигло цели. Соединившись в районе Калача, немцы смогли отрезать на западном берегу Дона до 30 тыс. советских военнослужащих. После этого часть сил 6-й армии нанесла удар на север — против плацдарма советских войск на ее

левом фланге. Передав этот участок 8-й итальянской армии Паулюс устремился к переправам через Дон. Ставке ВГК пришлось спешно бросать в бой в малой излучине Дона прибывшую из резерва 1-ю гвардейскую армию. Ее отчаянные атаки и мужественное сопротивление окруженных советских частей, прорывавшихся на восток, задержало дальнейшее безостановочное германское продвижение⁶⁵.

Гитлер видел, что бои в районе излучины Дона приобретают все более напряженный характер. Ему необходим был быстрый и решительный успех, который пока не удавался. В это время фюрер принял решение повернуть часть сил 4-й танковой армии генерала Гота с кавказского направления на Сталинград — армия передавалась из группы «А» в группу «Б». Ей предстояло теперь сокрушить советскую оборону на южных подступах к городу. Поистине Сталинград как магнит притягивал к себе немецкие войска. Начальник штаба оперативного руководства ОКВ генерал А. Йодль заявил: «Судьба Кавказа будет решена под Сталинградом». 4-я танковая армия действовала на стыке советских фронтов (Сталинградского и Северо-Кавказского), отступавших по расходящимся направлениям. Это предопределило быстрый успех объединения Гота, продвинувшегося по степи за несколько дней около 150 км и преодолев Сталинградский обвод. Выход немецких войск к станции Абганерово (30 км к югу от Сталинграда) чрезвычайно обеспокоил Ставку ВГК. Сюда перебрасывались новые резервы, которые, однако, вступали в бой разрозненно и несли большие потери. Тем не менее, германскому командованию пришлось на несколько недель задержаться у Абганерово, отбивая отчаянные советские атаки.

Советское командование продолжало наращивать свои оборонительные силы. Под Сталинград прибывали дивизии с Дальнего Востока и Забайкалья. 7 августа из состава Сталинградского фронта был выделен новый фронт — Юго-Восточный под командованием генерала А. И. Еременко (64-я, 57-я и 51-я армии). Отметим, что его действия были довольно успешными. Немцам так и не удалось сокрушить оборонительный участок этого фронта южнее Сталинграда, хотя именно здесь наступали танки Гота, переброшенные с кавказского направления. Начальник Генштаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдер отмечал, что войска 4-й танковой армии наткнулись тогда на мощную оборонительную позицию противника⁶⁶.

Фронтовые документы показывают, в каком крайне тяжелом положении находились тогда войска, оборонявшие сталинградское направление, насколько напряженной была обстановка с управлением объединений, подвергавшихся беспрестанным ударам врага. В ночь на 7 августа генерал Еременко был вызван по прямому проводу Ставкой ВГК. Накануне он сообщил в Москву, что из-за отсутствия средств связи и офицеров управления, он не в состоянии немедленно взять под свое начало вновь образуемый Юго-Восточный фронт (находящийся в полосе прямого продвижения немцев к Сталинграду). Генерал просил дать ему хотя бы один-два дня для устройства всего дела. Находившийся на другом конце провода начальник Генштаба КА генерал А. М. Василевский был сух и категоричен. За его словами стояло жесткое требование Верховного: «Товарищ Сталин приказал Вам вступить в командование Юго-Восточного фронта не позднее вечера 7 августа. Директива на этот счет сейчас передается. Вот все, что приказано передать Вам». Еременко пытался возражать, еще раз доложить Сталину о ситуации, говоря, что и «сам рад скорее это сделать... Прошу хотя бы мне дали вступить с 8 августа днем или вечером, иначе просто невозможно управлять в такой сложный период, какой создается на юге Сталинграда». Василевский остался неумолим: «Я передал Вам категорические указания тов. Сталина, которые вызваны исключительно тяжелой обстановкой, которая сложилась под Сталинградом. В качестве управления надо использовать управление 1-й танковой армии, ее средства связи, прибывший и прибывающий к Вам комсостав... Необходимо принять от Сталинградского фронта полностью развернутую сеть связи по всем принимаемым от них войскам. Приказ Ставки, как Вам известно, я отменить не могу, передокладывать бесполезно, так как обстановка требует, чтобы Вы немедленно вступили в командование своими войсками». Еременко согласился с тем, что надо скорее брать в свои руки войска и пояснял, что он уже включился в работу и, в целом, активно помогает генералу Гордову и члену Военного совета фронта Хрущеву в том, «чтобы не допустить противника к Сталинграду и разбить его на линии укреплений»⁶⁷.

Ставка вынуждена была на ходу импровизировать, принимать решения, которые вносили элементы дополнительного напряжения и нервозности в действиях генералов на поле боя. Чехарда в названиях фронтов, изменения

в их командовании, задачах и ответственности, конечно, представлялась обузой для управления войсками и при иной ситуации была бы справедливо осуждаема. Но тогда, в августе 1942 г., все было подчинено суровой необходимости парировать смертельную опасность быстрого падения Сталинграда. Любые доступные силы перебрасывались, перенацеливались и переподчинялись исходя из этой главной задачи. Удары по развернутым порядкам врага наносились по мере подхода сколько-нибудь значительных сил из глубины. 9 августа Василевский вновь вызвал к прямому проводу Еременко и сообщил ему следующую новость: «Тов. Сталин считает целесообразным и своевременным объединить вопросы обороны Сталинграда в одних руках, а для этой цели подчинить Вам Сталинградский фронт, оставив Вас по совместительству в то же время и командующим Юго-Восточным фронтом...». Далее следовал вопрос: «каковы будут Ваши соображения?» Ответ Еременко был более чем положительным: «Мудрее товарища Сталина не скажешь. И считаю совершенно правильно и своевременно». Он также согласился на назначение к нему заместителем генерала Ф. И. Голикова, вместо которого на 1-ю гвардейскую армию вставал генерал К. С. Москаленко — все «достойные командиры»⁶⁸.

Ближайшей задачей Юго-Восточного фронта Еременко посчитал ликвидировать опасное продвижение противника к южным подступам Сталинграда. Он докладывал также о том, что его войска весь день 9 августа сдерживали атаки врага и наносили контрудары. Несмотря на то, что линии связи постоянно нарушались из-за бомбежки люфтваффе, он получил известия о неплохих результатах боев к юго-западу от города, об отличных действиях дивизионов «катюш», «наделавших делов» в районе Абганерово, где вся «прилегающая местность горит». Несмотря на то, что противник, по его словам, «получил хороший урок в трехдневных сражениях», он продолжал подводить к этому участку свежие соединения. Разведка засекла колонны из 70 танков и 250 автомашин⁶⁹.

На следующий день Еременко получил четкое указание Ставки, которое сдерживало его наступательный порыв: «Тов. Сталин приказал, — сообщалось из Москвы, — чтобы Вы особенно наступлением на юг не увлекались, а поставили бы перед собой задачу, во что бы то ни стало восстановить оборону по южному фасу Сталинградского обвода (тянувшимся от

оз. Цаца, далее через Абганерово, р. Мышкова до Логовский. — М. М.) и отбросить противника километров на 10–20, создать предполье для усиления этой обороны. За счет отказа от наступления, выделить часть сил для усиления запада и северо-запада (район Калач на Дону, Песковатка, Ветрячий. — М. М.) с тем, чтобы во что бы то ни стало удержать плацдарм на западном берегу Дона и не допустить противника с этих направлений к Сталинграду»⁷⁰.

Однако Еременко не смог выполнить строжайшие распоряжения Москвы и удержаться на линии Дона. Западное и северо-западное направление к Сталинграду сделалось через несколько дней наиболее уязвимым. Советские войска в тот период вчистую проигрывали в скорости маневра немецкому командованию, которое, к тому же по максимуму использовало условия открытой местности. Новый немецкий бросок к Волге последовал 15–16 августа. 6-й армии Паулюса удалось значительно продвинуться вперед, расчленив советскую группировку на две части. Германские войска захватили важные плацдармы на восточном берегу Дона. Оборона 62-й армии была прорвана. 23 августа 14-й танковый корпус вермахта неожиданно для советской стороны прорвался на стыке 4-й танковой и 62-й армии Сталинградского фронта. Пройдя по тылам советских войск около 60 км, он вышел к Волге на северной окраине Сталинграда в районе рынка. Под огнем немецких орудий оказались цеха Сталинградского тракторного завода. В тот же день германской авиацией был нанесен сильнейший бомбовый удар по жилым кварталам Сталинграда. Город был практически полностью разрушен. Тысячи военных и мирных жителей погибли в огне гигантских пожаров, возникших после налета. Маршал А. И. Еременко впоследствии вспоминал, что происходившее в Сталинграде напоминало кошмар, разрывы бомб следовали один за другим. «Из района нефтехранилищ огромные султаны пламени взмывали к небу и обрушивали вниз море огня и горького, едкого дыма»⁷¹. Отметим, что громадных жертв среди мирного населения можно было избежать, если бы была своевременно проведена эвакуация города. Но этого не случилось. Долгое время переправы через Волгу были заняты угоняемым от врага сельхозтехникой и крупным рогатым скотом. Спешное спасение оставшихся людей началось лишь после немецкого прорыва к Волге. Последствия были трагичны. Хотя за несколько дней было переправлено на левый берег реки

300 тыс. чел., многие транспортные суда и катера Волжской флотилии попали под жесточайший вражеский огонь и были затоплены. Из 490 тыс. довоенного населения Сталинграда, к которым нужно добавить несколько десятков тысяч эвакуированных людей с Украины и даже из блокадного Ленинграда, к концу Сталинградской битвы в городе осталось лишь 32 тыс. человек. Покинуть Сталинград до августа 1942 г. смогли около 100 тыс.

С 15 августа начались бои за Сталинградский тракторный завод, практически находящийся уже в черте города. Особенностью Сталинграда являлось то, что по своей ширине он занимал довольно узкую полосу в 2 – 3 км, но по длине — вдоль берега Волги — вытянулся более чем на 15 км. Городской оборонительный район к моменту германского прорыва обороняли лишь отдельные запасные части, дивизия НКВД, курсанты, сводный отряд морской пехоты. Советское командование пыталось в срочном порядке восстановить положение и закрыть образовавшуюся брешь. В бой бросались вновь прибывающие резервы, в том числе те, которые ранее намечалось использовать против танковой армии Гота. Отчаянные советские атаки предотвратили быстрое занятие Сталинграда и не позволили немцам отрезать силы 64-й и 62-й от города. Они отходили на восток. Для лучшей управляемости войска дивизии 62-й армии, отрезанные от главных сил Сталинградского фронта, были переданы в состав Юго-Восточного фронта. 64-я армия, после упорных боев на подступах к городу, отошла на средний оборонительный обвод и заняла там жесткую оборону. Контрудар советского 2-го танкового корпуса не позволили 6-й армии быстро продвинуться в городские кварталы с севера. Немцы также закрепились и постепенно стали продвигаться к югу, вглубь района заводских цехов. В середине сентября врагу удалось ворваться в городские кварталы (вернее в их развалины) с запада и юго-запада. Начались кровопролитные сражения в самом городе. Его обороной в это критическое время руководил находившийся вместе с войсками начальник Генерального штаба генерал (с 1943 г. маршал) А. М. Василевский.

В конце августа 1942 г. Ставка ВГК решила нанести контрудар в южном направлении со стороны Сталинградского фронта — первоначально силами 1-й гвардейской армии — с целью ликвидации вражеского прорыва к Волге и восстановления связи с 62-й армией Юго-Во-

сточного фронта, оборонявшейся в городе. Тем временем к городу перебрасывались резервные армии: 24-я генерала Д. Т. Козлова и 66-я генерала Р. Я. Малиновского. Верховное Главнокомандование направляло в район Сталинграда все, что было возможно. Только вновь формируемые стратегические резервы, предназначенные для ведения дальнейшей борьбы, пока не вводились в действие. Тогда же в Сталинград с Западного фронта был направлен Г. К. Жуков. В наступление, таким образом, должны были перейти сразу три советские армии. Но основная проблема состояла в том, что им приходилось вступать в бой сходу, тогда как в потрепанных в предыдущих боях танковых корпусах оставалось не так много бронированных машин. Лишь в недавно прибывшем 7-м танковом корпусе генерала П. А. Ротмистрова положение было более благополучным, в нем насчитывалось 169 танков⁷².

Сталин требовал от Жукова немедленного удара «северной группы войск». Маршал вспоминал разговор с Верховным: «Вам следует принять меры, чтобы 1-я гвардейская армия генерала Москаленко 2 сентября нанесла контрудар, а под ее прикрытием вывести в исходные районы 24-ю и 66-ю армии, — сказал он, обращаясь ко мне. Эти две армии вводите в бой незамедлительно, иначе мы потеряем Сталинград». Прилетев 29 августа в штаб Сталинградского фронта генерала В. Н. Гордова и ознакомившись с положением дел от него и начальника Генштаба А. М. Василевского, находившегося там в это время, Жуков начал готовить контрудар на 6 сентября. Необходимо было дождаться подхода и сосредоточения резервных сил. Но, по требованию Верховного, считавшего после доклада Еременко, что город может пасть в ближайшие часы, сроки были перенесены на более раннюю дату.

Войска 1-й гвардейской армии перешли в наступление уже утром 3 сентября, но смогли продвинуться в направлении Сталинграда всего лишь на несколько километров. Дальнейшее продвижение было остановлено ударами вражеской авиации и танков. 5 сентября советский натиск возобновился — теперь в бой вводились 24-я и 66-я армии. Маршал Г. К. Жуков вспоминал: «...После залпов „катюш“ началась атака. Я следил за ней с наблюдательного пункта командующего 1-й гвардейской армией. По мощности огня, которым встретил противник наши атакующие войска, было видно, что артиллерийская подготовка не дала нужных ре-

зультатов и что глубокого продвижения наших наступающих частей ожидать не следует... Продолжавшийся весь день напряженный огневой бой к вечеру почти затих. Мы подвели итоги. За день сражения наши части продвинулись всего лишь на 2–4 километра, 24-я армия осталась почти на исходных позициях... Третий и четвертый день сражений прошли главным образом в состязании огневых средств и боях в воздухе. 10 сентября, еще раз объехав части и соединения армии, я окончательно укрепился во мнении, что прорвать боевые порядки противника и ликвидировать его коридор наличными силами и в той же группировке невозможно. В таком же духе высказались и генералы В. Н. Гордов, К. С. Москаленко, Р. Я. Малиновский, Д. Т. Козлов и другие. В тот же день я передал Верховному по ВЧ:

— Теми силами, которыми располагает Сталинградский фронт, прорвать коридор и соединиться с войсками Юго-Восточного фронта в городе нам не удастся. Фронт обороны немецких войск значительно укрепился за счет вновь подошедших частей из-под Сталинграда. Дальнейшие атаки теми же силами и в той же группировке будут бесцельны, и войска неизбежно понесут большие потери. Нужны дополнительные войска и время на перегруппировку для более концентрированного удара Сталинградского фронта. Армейские удары не в состоянии опрокинуть противника.

Верховный ответил, что было бы неплохо, если бы я прилетел в Москву и доложил лично эти вопросы...»⁷³.

Неудачный советский контрудар привел к большим потерям, однако он связал боями значительные вражеские силы, нацеленные непосредственно на Сталинград, прежде всего 8-й армейский и 14-й танковый корпуса. Жертвы не были напрасными, они не позволили немецкой группировке воспользоваться слабостью 62-й армии и быстро овладеть городом. Ожесточенность боев не позволяла Паулюсу рассчитывать на скорый успех, о чем он и докладывал фюреру. В итоге, 6-я армия получала в свое распоряжение 4-ю танковую армию, а ее командующему было обещано, что на фланги объединения будут переброшены подкрепления со стороны союзников Рейха.

Ожесточенность боев нарастала с каждым днем. В 62-й армии, на должность командующего которой вступил генерал В. И. Чуйков, насчитывалось к 11 сентября всего около 50 тыс. чел.⁷⁴. Тем временем противник, значительно

превосходя в силах, ускоренно готовился к решающему штурму Сталинграда, который начался 14 сентября.

Особенно тяжелыми для сталинградцев были первые три дня штурма. Немецкие танки при поддержке мотопехоты неудержимо продвигались к берегу Волги. Они прорвались к центру города и захватили Мамаев курган. В южную часть Сталинграда ворвались моторизованные части Гота. Казалось, что силы советских войск на исходе, и они неизбежно будут сброшены в воду. Паулюс уже готов был праздновать победу, считая, что у русских не осталось никаких шансов. Но положение спасла 13-я гвардейская дивизия А. Родимцева, численностью около 9,5 тыс. чел. Всего за две ночи, понеся тяжелые потери в личном составе и технике от бомбовых ударов и ураганного обстрела артиллерии противника, она сумела переправиться на западный берег Волги и с ходу вступить в бой. В реке горела разлившаяся нефть, но бронекатера Волжской флотилии, баркасы, простые лодки неудержимо плыли на западный берег к гранитным террасам набережной, спускающейся к Волге. При переправе дивизия понесла значительные потери, но сразу повела атаку на вокзал и другие важные объекты города.

Дивизия вступила в бой неожиданно, в том месте, где гитлеровцы рассчитывали в считанные часы дойти до Волги. В районе центральной пристани уже были немцы, но они были выбиты неожиданным ударом и откатились назад. Гвардейцы продолжили наступление. Более того, два советских полка продвинулись вперед и захватили Мамаев курган, господствующий над большей частью Сталинграда. Бои за эту высоту продолжались вплоть до января 1943 г. В боях за городской вокзал погибли фактически все, кто здесь сражался, но пока были живы, вокзал не сдали. Сам генерал Родимцев находился на передовой, обходил командные пункты соединения, ежесекундно подвергая себя смертельной опасности.

Хотя в отдельных районах города противник находился всего в 150–200 м от берега Волги, дальше он продвигаться уже не мог. Борьба шла за каждую улицу, за каждый дом. Легендой стала оборона всего одного дома бойцами под командованием сержанта Я. Ф. Павлова. В течение 58 дней и ночей советские солдаты не сдавали свои позиции. В ночь с 26 на 27 сентября 1942 разведгруппа (3 бойца), возглавляемая старшим сержантом Павловым, захватила

четырёхэтажное здание в центре Сталинграда и удерживала его в течение почти трех суток. В подкрепление разведгруппе подоспел взвод под командованием лейтенанта И. Ф. Афанасьева. Здание, которое вошло в историю войны как "дом Павлова", стало важным опорным пунктом обороны в полосе 13-й гвардейской стрелковой дивизии. Немцы яростно атаковали здание, обстреливали и бомбили его, но взять так и не смогли. 24 бойца шести национальностей отстаивали свой дом — часть своей Родины — до победного завершения Сталинградской битвы. Я. Ф. Павлов затем прошел дорогами войны от Сталинграда до Эльбы, был ранен. Будучи уже лейтенантом, узнал о том, что он Герой только перед демобилизацией в 1945 году в Германии⁷⁵.

Особенное значение в условиях ближнего боя с противником, когда до его передовой было всего несколько десятков метров, приобретала выучка и мужество каждого отдельного красноармейца. Наиболее сильные и смелые бойцы объединялись в штурмовые группы, которые скрытно приближались к позициям врага, забрасывали его гранатами, а затем решительно атаковали. Именно в таких боях подразделения Красной Армии приобретали бесценный опыт сражений в городских кварталах, который затем был использован в боях за Киев, Будапешт, Варшаву и, наконец, Берлин.

Ставка ВГК стремилась как могла облегчить положение защитников города на Волге. Новый удар Сталинградского фронта в северном направлении был произведен в середине сентября. 1-я гвардейская армия, усиленная 340 танками, 24-я армия, ряд других соединений попытались пробить брешь в обороне противника, но наткнулись на плотный огонь противника. Значительную роль в срыве наступления сыграла вражеская авиация, совершившая только за 18 сентября 2 тыс. самолетовылетов. Советские бойцы залегали перед окопами немцев и несли большие потери. Общие же потери 1-й, 24-й и 66-й армий Сталинградского фронта с 1 по 26 сентября составили 107 тыс. чел.⁷⁶

В конце сентября (директива от 28.09.1942 г.) Ставка разделила силы, действовавшие в Сталинграде и к северу от него на Сталинградский (бывший Юго-Восточный) и Донской (бывший Сталинградский) фронты. Советские соединения, сражающиеся в развалинах волжской твердыни, теперь входили в объединение, название которого соответствовало обороняемому городу. Донской фронт возглавил генерал К. К. Рокоссовский.

Второй штурм Сталинграда враг предпринял 27 сентября — 7 октября 1942 г. Немцам удалось несколько потеснить армию Чуйкова. Ожесточенные бои, нередко переходящие в рукопашные схватки, шли в развалинах заводов. Советские подразделения были отброшены с Мамаева кургана, но сумели закрепиться на его северо-восточных склонах. Сильному обстрелу подвергся штаб 62-й армии. Линия фронта, шириной до 25 км, сжималась, как струна. Глубина оборонительных порядков советских войск не превышала 2 км, а в некоторых местах составляла всего 200 метров. Но немцам не удалось преодолеть их. Атакующий порыв 6-й армии вскоре выдохся. Удачным оборонительным действиям 62-й армии, получавшей подкрепления, способствовал все усилившийся огонь советской артиллерии с левого берега Волги. Те небольшие клочки территории, оставшиеся за Красной Армией в Сталинграде, вряд ли бы удержались, если бы не поддержка с другого берега. Свой смертоносный груз обрушивали на противника гвардейские минометы — «Катюши». Несколько реактивных установок действовали непосредственно на правом берегу Волги под прикрытием склона к реке. Чтобы открыть огонь, они отъезжали к самой кромке воды, а сделав залп, вновь возвращались в защищенное место. Один удачный залп «Катюш» в октябре месяце фактически уничтожил целый немецкий батальон, перешедший в атаку. В то же время германская авиация не могла теперь эффективно поддерживать ударные подразделения 6-й армии, та как была лишена возможности производить прицельное бомбометание. Противоборствующие стороны находились постоянно в плотном огневом соприкосновении. От своего окопа до вражеского расстояния часто не превышало дальности броска гранаты. В то время в Сталинграде советские дивизии в среднем насчитывали не более 1–2 тыс. активных бойцов, сказывались огромные потери. С другой стороны, та небольшая площадь, оставшаяся за 62-й армией, просто не могла бы вместить большое количество войск. И против этих малочисленных подразделений враг бросал все новые и новые силы. Паулюсу казалось, что стоит бросить в бой еще один «последний» батальон и русские дрогнут. Но проходили дни, недели, а русские стояли. Стойкость советских бойцов изумляла противника. За эпохальной битвой поистине следил весь мир. Поражение Красной Армии грозило самыми трагическими последствиями

не только для СССР, но и всей антигитлеровской коалиции. Известный западный историк А. Кларк замечал, что «германское наступление, начавшееся столь превосходно, всего в течение нескольких недель расширило границы рейха до своих наибольших пределов. Весь мир пришел от этого в трепет. Но вскоре стало очевидно, что германское наступление забуксовало. В течение последующих двух месяцев линия фронта на картах оставалась неизменной»⁷⁷.

Потеря защитниками Сталинграда Центральной пристани потребовало перестройки системы снабжения советских сил в городе. Волжская флотилия продолжала поддерживать линии коммуникаций севернее и южнее пристани. Далее на север был проложен пешеходный мост на железных бочках. Попытка врага выйти в тыл советским соединениям, наступая вдоль реки, провалилась.

Немцы стали называть продолжающиеся бои «крепостной» войной. Пройденное расстояние в прибрежных оврагах, балках, в развалинах заводов они высчитывали метрами. За каждый дом, подвал, цех, разрушенную будку велась борьба не на жизнь, а на смерть. Немецкий генерал Г. Дёрр описывал впоследствии сталинградскую действительность в мрачных тонах: «... Несмотря на массированные действия авиации и артиллерии, выйти из рамок ближнего боя было невозможно. Русские превосходили немцев в отношении использования местности и маскировки и были опытнее в баррикадных боях и боях за отдельные дома...»⁷⁸.

Бои в городе не затухали, и каждый день мог стать критическим для обороняющихся. Констатировав в приказе 14 октября 1942 г. факт завершения в целом летней кампании, Гитлер, тем не менее, не имел в виду прекращения операций в Сталинграде. Город необходимо было взять во что бы то ни стало. В этот же день начался очередной штурм. В. И. Чуйков так описывает происходившие тогда «незабываемые» события:

«...В тот день мы не видели солнца. Оно поднялось в зенит бурым пятном и изредка выглядывало в просветы дымовых туч. Под прикрытием ураганного огня три пехотные и две танковые дивизии на фронте около шести километров штурмовали наши боевые порядки. Главный удар наносился по 112-й, 95-й, 308-й стрелковым и 37-й гвардейской дивизиям. Все наши соединения сильно ослаблены от понесенных потерь в предыдущих боях, особенно 112-я и 95-я дивизии... [Противник] буквально душил

нас массой огня, не давая никому поднять голову на наших позициях. В 10 часов 109-й полк 37-й гвардейской дивизии был смят танками и пехотой противника. Бойцы этого полка, засевшие в подвалах и в комнатах зданий, дрались в окружении... В 15 часов волна немецких танков прорвалась к парку Скульптурный, и тут они напоролась на засаду. Наши танкисты били немецкие танки без промаха. Этот опорный пункт немцы пытались взять, но не взяли ни 14, ни 15 и ни 16 октября. И только 17-го он был разбит авиацией противника. Бой шел непрерывно, день и ночь. Окруженные и отрезанные гарнизоны продолжали драться, извещая о своем существовании по радио: „За Родину умрем, но не сдадимся!“... С утра 15 октября противник ввел в бой свежие силы (305-ю пехотную дивизию) и продолжал развивать наступление на юг и на север вдоль Волги. Его артиллерия простреливала наши боевые порядки насквозь, авиация по-прежнему обрушивала на город тысячи бомб. Однако разрубленная пополам армия продолжала сражаться. Северная группа (124-я, 415-я и 149-я стрелковые бригады и части дивизии Ермолкина) вела бой в окружении с превосходящими силами противника, наступавшими с севера от Латашанки, с запада — по долине Мокрая Мечетка и от Тракторного завода. Связь с войсками этой группы непрерывно рвалась. В ночь на 16 октября на правый берег Волги был переброшен полк дивизии Ивана Ильича Людникова, который мы сразу ввели в бой севернее завода „Баррикады“, где у нас был наиболее слабый фронт обороны»⁷⁹.

Ожесточенные бои шли за заводы «Красный октябрь» и «Баррикады». В некоторых местах противник прорывался к Волге и стремился развить успех к северу и югу вдоль Волги. От вражеского огня блиндажи рушились, как карточные домики. Чуйкову пришлось перенести свой командный пункт на несколько сот метров и развернуть его у самой воды. В бой бросалось все, что имелось в наличие, в т.ч. солдаты из тыловых служб (включая сапожников, портных, конюхов и др.). Немцы также изымали тыловики со спокойных участков фронта, желая сломить остающиеся очаги сопротивления и совершить последний рывок в несколько десятков метров. Но к 23–24 октября стало очевидно, что противник начинает выдыхаться. Он не выдерживал отчаянных контратак советских бойцов и откатывался назад. Тем не менее, бои продолжались до самого конца октября. 25 октября Паулюс

возобновил атаки крупными силами на всем фронте Чуйкова и вскоре занял пос. Спартановка. Но в тот же день в наступление перешли войска правого фланга 64-й армии в районе Купоросное, а 62-я армия получила подкрепление — 45-ю стрелковую дивизию. Советское командование ради удержания плацдармов в Сталинграде пошло на этот шаг, даже несмотря на то, что вело в то время активную подготовку к контрнаступлению. Повторные атаки врага 26 и 27 октября ему успеха не принесли. К вечеру 29 октября бои стали постепенно затихать⁸⁰.

Последний штурм советских плацдармов в Сталинграде Паулюс предпринял 10 ноября 1942 г. Дополнительно к ударным отрядам в бой были введены саперные батальоны, изъятые из пехотных дивизий. Но уже на следующий день, не добившись сколько-нибудь значительного успеха, немецкие подразделения были вынуждены прекратить атаки. Полностью овладеть городом на Волге гитлеровцам так и не удалось, их наступательные возможности были исчерпаны.

К концу октября 6-я немецкая армия во многом утратила свои наступательные возможности. Однако приказа о переходе к обороне для немецких соединений, действующих в районе Сталинграда, не поступало. Тем временем приближалась зима. Фюреру необходимо было решаться на кардинальные шаги. Остаться в Сталинграде означало подвергать войска опасности поражения в период холодов. Еще свежи в его памяти были воспоминания о катастрофе под Москвой зимой 1941–1942 г. Но оставлять город он был не намерен. Та территория, куда ступила нога германского солдата, должна была в любом случае оставаться за его арийской нацией. Тем более, это требование касалось города, который носил имя вождя вражеской стороны — Сталина. Оставляя 6-ю армию в Сталинграде, чьи растянутые фланги были прикрыты войсками союзников — итальянскими и румынскими соединениями, Гитлер руководствовался не здравым рассудком, а идеей безусловного превосходства рейха над советской стороной. Однако тем самым он подводил обессиленных солдат Паулюса к своей скорой гибели.

Не просто обстояли дела и у частей Красной Армии. Похолодание уже вызвало появление на Волге тонкого льда. Снабжение защитников города значительно ухудшилось. Для переброски в Сталинград вооружения и боеприпасов приходилось использовать самолеты У-2. Как и немецкое командование, Ставка ВГК должна

была принять радикальное решение относительно будущей борьбы.

Советское командование все чаще задумывалось над тем, как переломить ход сражения в свою пользу. Находившийся некоторое время в Сталинграде в качестве представителя Ставки генерал армии Жуков убедился, что советским войскам нужно время и дополнительные силы, чтобы организовать удар такой мощи, от которого враг уже не смог бы оправиться. И Жуков и Василевский уже в сентябре 1942 г. поняли, что введение в сражение неподготовленных подразделений, использование резервов по частям ни к чему хорошему привести не может; необходимо подготовить детальный план совершенно новой операции. Судя по отрывочным данным, Василевский поручил офицерам Генштаба проработать вариант охвата с севера и юга группировки противника под Сталинградом, и уже 13 сентября Жуков и Василевский доложили Верховному замысел будущей операции на окружение. Сталин в принципе одобрил его, но сказал, что план наступления необходимо хорошенько обдумать, а главное — не допустить взятия противником Сталинграда. Теперь все зависело от быстроты, слаженности и скрытности перегруппировки советских войск. Резервные соединения под Сталинградом необходимо было сосредоточить таким образом, чтобы обеспечить внезапность контрнаступления. Новый план получил кодовое название «Уран». Основной его замысел — окружение 6-й немецкой армии. Места первоначального прорыва вражеской обороны определялись особенно скрупулезно. Приоритетными считались участки, занятые войсками союзников германского вермахта — румынскими и итальянскими дивизиями, более уязвимыми, чем германские соединения.

Оборона Кавказа

Отстоять Кавказ, не допустить гитлеровцев к стратегическим источникам сырья — прежде всего нефти и хлеба — являлась в ходе войны одной из важнейших, судьбоносных задач, стоявших перед руководством Вооруженных сил СССР и всем советским народом. Оборонительные бои за Кавказ продолжались с 25 июля по конец декабря 1942 г. В развернувшихся сражениях приняли участие войска Южного, Северо-Кавказского и Закавказского фронтов, Черноморский флот, Азовская и Каспийская военные флотилии.

Не менее важное значение южным хлебо-робным районам России и кавказской нефти придавал Гитлер. Без надежного источника поступления горючего продолжение победоносной войны Германией было под большим вопросом. Захватив же этот регион, третий рейх, по мнению фюрера, мог продолжать боевые действия еще неопределенное количество времени, и, в конце концов, окончательно сломить сопротивление Советского Союза, за которым последовало бы и поражение его западных союзников.

Что касается военно-политического руководства союзников СССР, то с середины 1942 г. они с неослабевающим вниманием следили за гигантской битвой, развернувшейся на юге России. И хотя в Лондоне и Вашингтоне теперь более оптимистично смотрели на возможности сопротивления русских, чем в прошлом году, учитывали возросший военно-экономический потенциал СССР и информацию о характере местности на кавказском направлении, делать какие-либо прогнозы о возможности широкого контрнаступления советских фронтов западные аналитики не решались.

Главные усилия в летней кампании 1942 года верховное командование Германии сосредотачивало в направлении Кавказа (директива ОКВ от 23 июля 1942). Оно замышляло силами группы армий «А» окружить и уничтожить советские войска, оборонявшиеся южнее и юго-восточнее Ростова и овладеть Северным Кавказом. Затем группе «А» предстояло разделиться на две группировки: одной из них ставилась задача обойти Главный Кавказский хребет с запада, захватив Новороссийск и Туапсе, а другой — наступать с востока, захватив Грозный и Баку. Одновременно с обходным маневром намечалось сломить оборону советских войск в центральной части Главного Кавказского хребта и выйти в районы Тбилиси, Кутаиси и Сухуми. Выйдя в Закавказье, противник намеривался парализовать базы Черноморского флота, установить непосредственную связь с турецкой армией, 26 дивизий которой были развернуты у границы СССР, а затем продолжить наступление на Ближний и Средний Восток. План германской операции по захвату Кавказа, основной целью которой было овладение нефтяными ресурсами — месторождениями Грозного, Баку и других источников получил название гонного цветка с серебристыми листьями — «Эдельвейс».

Для выполнения этих задач были предназначены войска группы армий «А» (командующий

генерал-фельдмаршал В. Лист), в составе 1-й и 4-й танковых, 17-й и 3-й (румынская) армий, части сил 4-го воздушного флота (167 тыс. человек, 4540 орудий и минометов, 1130 танков, до 1 тыс. самолетов). Этой группировке противника противостояли войска Южного фронта (командующий генерал-полковник Р. Я. Малиновский) в составе семи сильно ослабленных в боях общевойсковых армий, насчитывавших 112 тыс. человек, 169 орудий калибра 76 мм и выше, 17 танков и 130 самолетов 4-й воздушной армии. Они держали оборону по левому берегу Нижнего Дона от Верхнекурмоярской до Азова в полосе шириной до 320 км. На восточном берегу Азовского моря и Таманском п-ве были развернуты войска Северо-Кавказского фронта (командующий маршал С. М. Буденный), которому подчинялись в оперативном отношении соединения Черноморского флота и Азовской военной флотилии; далее на юг до турецкой границы находились соединения Закавказского фронта (командующий генерал И. В. Тюленев). В ходе развернувшихся боев часть сил, имевшихся у Буденного и Тюленева, передавалась другим объединениям, находившимся на острие вражеского удара.

Советские войска перешли к обороне на кавказском направлении, подвергаясь непрерывным ударам противника и поэтому не могли полностью подготовить оборонительные позиции в инженерном отношении. Они испытывали острый недостаток боеприпасов и горючего. Тем временем, германские войска, перейдя 25 июля в наступление, быстро продвигались на юг. Форсировав Дон, они ставили задачу окружить отступающие силы Южного и Северо-Кавказского фронтов. Под натиском превосходящих сил противника войска Южного фронта вынуждены были начать отход на юг и юго-восток. За двое суток немецкие войска продвинулись вперед на 80 км. Их танковые и моторизованные дивизии вышли в задонские и сальские степи и на степные просторы Краснодарского края, создав угрозу прорыва вглубь Кавказа. По сути дела у германского командования имелся замысел повторить на юге России тот успех, который год назад был достигнут ими при разгроме 6-й и 12-й армий в Уманском котле. Моторизованные части вермахта превосходили стрелковые соединения РККА в подвижности и получали возможность обходить их, создавая капканы на пути отступления. Советское руководство, сознавая надвигающуюся угрозу, объединило войска Южного и Северо-Кавказского фрон-

тов — в один Северо-Кавказский фронт под командованием Буденного. По приказу Ставки Буденный разделил свои силы на две оперативные группы — Донскую и Приморскую. Первая под командованием генерала Р. Я. Малиносского (51, 37 и 12-я армии) прикрывала ставропольское направление, вторая, под командованием генерала Я. Т. Черевиченко (18, 56, 47-я армии и отдельные корпуса) — приморское. В ее задачу входила оборона Таманского п-ва и Краснодарского направления. В конце июля войска Закавказского фронта, прикрывавшие часть сил границу с Турцией, приступили к занятию рубежей в северных предгорьях Кавказа по рекам Терек, Урух и перевалам Главного Кавказского хребта, а также к созданию многополосной обороны на направлении Грозный, Махачкала. Находившаяся в районе Грозного 44-я и только что сформированная 9-я армии были объединены в Северную группу Закавказского фронта (командующий генерал-лейтенант И. И. Масленников).

В конце июля советским войскам на кавказском направлении был зачитан приказ наркома обороны № 227, призванный укрепить стойкость частей и остановить натиск врага, но быстрого перелома в обороне добиться не удалось. Противник рвался к Сальску. Ему удалось отрезать основные силы 51-й армии и нарушить ее связь со штабом Буденного. В связи с этим армия была передана в состав Сталинградского фронта⁸¹.

Ставка и командование советских фронтов принимала все меры, чтобы задержать врага. Были взорваны плотины на р. Маныч — разлившаяся вода (шириной несколько километров), равно как и усилившиеся налеты советской авиации не позволили группе «А» завершить задуманный план окружения. Общая военная ситуация на юге России также способствовала некоторой стабилизации положения Северо-Кавказского фронта. В связи с тем, что Паулюсу не удалось сходу прорваться к Сталинграду, верховное командование Германии повернуло 4-й танковую армию на восток, передав ее (без 40-го танкового корпуса) в состав группы «Б»⁸².

Но враг, обладавший полной инициативой, по-прежнему был настроен на решительное наступление. Основная ударная сила группы «А» — 1-я танковая армия, использовав разрыв между 51-й и 37-й советскими армиями, в начале августа быстро продвинулась вперед на расстояние более чем 250 км. Противник неумолимо приближался к административным и промышленным центрам Северного Кавказа, в том числе

к Майкопу — одному из ключевых объектов добычи и переработки советской нефти. Но немцы, стремившиеся захватить майкопские нефтепромыслы, были разочарованы — отступающие части РККА и подразделения НКВД сумели до такой степени разрушить скважины, что они не смогли быть отремонтированы даже спустя несколько месяцев после их захвата. О том, в какой критической и нервной обстановке происходили эвакуация и уничтожение оборудования сырьевых месторождений, вспоминал бывший в 1942 г. заместителем наркома нефтяной промышленности Н. К. Байбаков, одновременно возглавлявший в то время специальный штаб при наркомате:

«В один из тех жарких июльских дней меня вызвал в Кремль Сталин. Неторопливо пожал мне руку, взглянул на меня спокойно и просто негромким, вполне будничным голосом говорил:

— Товарищ Байбаков, Гитлер рвется на Кавказ. Он объявил, что если не захватит нефть Кавказа, то проиграет войну. Нужно сделать все, чтобы ни одна капля нефти не досталась немцам. И чуть ужесточив голос, добавил:

— Имейте в виду, если вы оставите немцам хоть одну тонну нефти, мы вас расстреляем.

...После некоторой паузы снова добавил:

— Но если вы уничтожите промыслы преждевременно, а немец их так и не захватит, и мы останемся без горючего, мы вас тоже расстреляем.

...Я молчал, думал и, набравшись духа, тихо сказал:

— Но вы мне не оставляете выбора, товарищ Сталин.

Сталин слегка остановился возле меня, медленно поднял руку и слегка постучал по виску:

— Здесь выбор, товарищ Байбаков. Летите. И с Буденным думайте, решайте вопрос на месте.

Вот так, с таким высоким отеческим напутствием я был назначен уполномоченным ГКО по уничтожению нефтяных скважин и нефтеперерабатывающих предприятий в Кавказском регионе, а если потребуется, и в Баку».

В ГКО была создана группа специалистов для проведения особых работ на промыслах Северного Кавказа. Было решено при приближении врага демонтировать и вывезти все ценное оборудование, второстепенные предприятия уничтожить сразу, но на богатых нефтью месторождениях вести работы до последней минуты. Задание Ставки и ГКО было выполнено. Страна получала горючее с майкопских нефтяных скважин буквально под носом у противни-

ка. А многие ценные промышленные объекты, как, например, Апшеронскую электростанцию, взрывали уже под автоматным и пулеметным огнем врага⁸³.

Общая ситуация на кавказском направлении в начале августа 1942 г. продолжала ухудшаться. Немцы смогли отбросить соединения левого крыла Северо-Кавказского фронта, где оборонялись 18-я и 56-я армии Приморской группы войск. Подавляющее превосходство в силах (в танках абсолютное) позволило 17-й немецкой армии быстро продвинуться на Краснодар, а 1-й танковой армии на Армавир и Майкоп. Советские части отошли на левый берег р. Кубань, не смогли здесь закрепиться и продолжали отступление. Немецким войскам удалось 5 августа захватить Ставрополь, 10 августа — Майкоп, 12 августа — Краснодар и Пятигорск. Захват Майкопа означал, что противник может быстро прорваться через горы вдоль железной дороги на Туапсе, рассечь надвое Приморскую группировку советских войск. Ставка ВГК резонно опасалась, что падение приморского города Туапсе создаст ловушку для 47-й армии и всех сил в районе южнее Краснодара. Они будут либо уничтожены, либо попадут в плен. В последующем, угрозе захвата — вплоть до турецкой границы — подвергалось все черноморское побережье СССР. Это привело бы к фатальным последствиям для всей обороны Кавказа, охвату главных группировок РККА на этом театре и возможной быстрой потере основных месторождений сырья, без которых продолжение эффективного сопротивления германскому агрессору было под большим вопросом.

Оборона Туапсе — города воинской славы России — стала одним из решающих моментов в обороне Кавказа. В течение нескольких недель героические защитники города сдерживали неоднократно превосходящие силы противника. Враг потерял на этом направлении более 50 тыс. солдат и офицеров, но так и не смог сломить советское сопротивление. Таким образом, попытка группы «А» сходу прорваться к побережью Черного моря (до которого оставалось всего несколько десятков километров) через предгорья западной части Главного Кавказского хребта успеха не имела.

Бои с 25 июля до 17 августа 1942 г. составили первый этап обороны Кавказа. Советские войска потерпели поражение и были отброшены от Дона и Кубани к западным предгорьям Главного Кавказского хребта. Однако постепенно на-

ступление частей вермахта теряло темп. Выйдя к хребту, противник оказался перед новым препятствием, созданным самой природой. Война в условиях горной местности приобрела вязкий, затяжной, но от этого не менее ожесточенный и кровопролитный характер.

Оккупировав значительную территорию Кубани и Ставрополя, противник рассчитывал одновременно получить солидный трофей в виде масштабной эксплуатации ресурсов этого региона. Но широкие планы натолкнулись на жесткую действительность. Кубанская земля, которая дала в годы войны фронту около 1 млн бойцов, буквально горела под ногами у оккупантов. Многие жители ушли в армию добровольцами — они воевали, в том числе в прославленном 4-м Кубанском казачьем кавалерийском корпусе. Оставшееся под пятой захватчиков население в большинстве своем ненавидело злейшего врага. Тысячи людей вступали в партизанские отряды и подпольные группы. Кубань стала местом дислокации Южного штаба партизанского движения, который координировал партизанскую борьбу на всей территории Кавказа. Несмотря на жестокие репрессии, кубанцы при первой возможности совершали диверсии, налеты на гарнизоны противника, уничтожали его транспортные коммуникации. На земле Кубани враг потерял 300 тыс. своих солдат и многие тысячи единиц различной техники. Немецкое командование применяло против бойцов сопротивления и простых граждан звериные меры подавления. На оккупированной территории края в годы войны было расстреляно, задушено газом, повешено 61 тыс. человек, и только в одном Краснодаре уничтожено — 13 тыс. чел., то есть каждый десятый житель города⁸⁴.

Чувство святой мести за горе, принесенное на их землю, в равной мере присутствовало у большинства населения северокавказских регионов, в том числе жителей Ставрополя. На фронт в годы войны было направлено 320 тыс. ставропольцев. В крае была развернута одна из самых мощных в стране госпитальных баз, а его продовольственные ресурсы снабжали действующую армию с начала и до конца войны. Мужество и героизм проявили воины-ставропольцы при защите Марухского, Клухорского, Санчарского и других перевалов Главного Кавказского хребта. Когда враг пришел на их землю, они вступали в партизанские отряды и продолжали бороться с оккупантами. 31,6 тыс. мирных жителей края погибло от рук захватчиков⁸⁵.

Всего за первые пять месяцев Великой Отечественной войны на Северном Кавказе было призвано в армию 1,2 млн человек — людей из наиболее работоспособной части населения, включая колхозников-механизаторов и трудящихся нефтеперерабатывающих предприятий. Свой воинский долг честно выполняли представители горских народов: дагестанцы, чеченцы, ингуши, кабардинцы, балкарцы, черкесы, караеовцы и другие. Они не жалели своих жизней ради достижения общей победы над врагом. Тем более обидным для них было принятое ГКО в начале 1943 г. постановление о демобилизации из действующей армии всех подозреваемых в неблагожелательности. На них был навешен ярлык в возможном пособничестве противнику. Но для большинства воинов этот шаг был в высшей степени несправедливым и преступным. Возвращавшиеся с фронта бойцы и командиры (всего за 1943–1944 гг. было демобилизовано 157 тыс. представителей различных национальностей Советского Союза, в том числе около 6 тыс. офицеров) подвергались репрессиям, высылались в малообжитые регионы Средней Азии, другие отдаленные районы СССР. Только чеченцев было отозвано с фронта 710 офицеров и 8134 сержантов и рядовых. Многие из них имели боевые награды, неоднократные ранения. Однако их снимали с довольствия и зачисляли в разряд спецпереселенцев⁸⁶. Одновременно шло переселение на восток сотен тысяч мирных граждан — жителей северокавказских автономных республик, большинство из которых были ни в чем не повинны, а напротив, честно трудились на благо обороны.

Поводом для эскалации репрессивной политики сталинского режима, переселения целых народов стала активизация бандитского подполья на территории Северного Кавказа в 1942–1943 гг. На этот раз советские военные части и подразделения НКВД боролись против бандитских формирований, организованных националистами на территории Чечено-Ингушской, Кабардино-Балкарской АССР и в ряде других областей Северного Кавказа. Подняли голову и некоторые представители казачества, которые в мирное время, мягко говоря, недолюбливали советскую власть за жестокие методы руководства и насильственную коллективизацию, а теперь желали выступить в составе автономных легионов бок о бок с «победоносным вермахтом». Факты предательства своей общей Родины, действительно, имели место. В северокавказском

регионе действовало несколько десятков крупных националистических отрядов, нарушавших снабжение советских войск, убивавших из-за угла бойцов и командиров Красной Армии. Бандиты не скрывали своего желания поскорее встретиться с немецкими частями и вместе с ними вести борьбу против советской власти. Но большинство горцев и казаков в то время не поддержали национальных и религиозных экстремистов. Напротив, они активно участвовали в борьбе с немецкими оккупантами, вступали добровольцами в ряды Красной Армии. Однако за сотрудничество с противником предателей, к сожалению, пострадали и ни в чем не виновные граждане. Многие народности Северного Кавказа (сотни тысяч человек — чеченцев, ингушей, караеовцев, балкарцев и других) были высланы в 1944 г. в Среднюю Азию и оставались там, в тяжелых условиях проживания вплоть до конца 1950-х годов. Постепенное возвращение на родину уцелевших переселенцев стало происходить лишь после смерти Сталина, тогда как осуждение политики репрессий против целых народов стало фактом только в конце 1980-х годов.

С 18 августа 1942 г. войска группы армий «А» продолжили свою операцию. Теперь германское командование попыталось организовать наступление в центральной части Кавказского хребта, пробиться через горы западнее Эльбруса и выйти к Тбилиси. Первоначальные успехи 49-го немецкого горного корпуса позволили врагу захватить ряд перевалов на сухумском направлении, сбить со своих позиций малочисленные советские подразделения и выйти к южным склонам Эльбруса. Группа немецких альпинистов из числа военнослужащих горных частей установила 21 августа флаг со свастикой на вершине этого пика. Флаг в последующем был сброшен советскими альпинистами, но в то время главную опасность представлял не этот пропагандистский демарш, а клинья немецких ударов, направленные на Гудауту, Гагры и Сухуми. Германский успех мог привести здесь к окружению нескольких советских армий и выходу в Закавказье.

Реальность прорыва противника на южные склоны Главного Кавказского хребта беспокоила Ставку ВГК. 23 августа в Сухуми был направлен член ГКО Л. П. Берия — могущественный сталинский помощник и беспрекословный исполнитель, равно как и инициатор самых жестких приказов. Советские войска получали значительные подкрепления. Они усиливались

подразделениями НКВД и отдельными горнострелковыми отрядами, бойцы которых обладали навыками альпинистов. Все это не позволило вражеским частям прорваться к Черному морю, они вынуждены были закрепиться на захваченных горных перевалах.

В конце августа группа армий «А» предприняла попытку прорваться к кавказским нефтяным источникам на своем левом фланге. Танковая армия Клейста, усиленная 40-м танковым корпусом, нанесла удар в направлении Моздока и Владикавказа (Орджоникидзе). Советские части мужественно и умело оборонялись, используя в полной мере условия местности, трудности преодоления противником многочисленных водных преград, лежавших у них на пути, растянутость его коммуникаций. Ожесточенные бои завязались на подступах к р. Терек. Все большую роль в срыве германских планов стала играть советская авиация, получавшая преимущество по мере усиления частей ВВС РККА.

Тем не менее, Клейсту удалось обойти советскую оборону, наступая вдоль Терека и 25 августа овладеть Моздоком. Но взять Владикавказ и продвинуться дальше Малгобека ему так и не удалось. Советские войска 9-й и 37-й армий, а затем своевременно выдвинувшиеся в этот район соединения 44-й армии сдержали вражеский натиск. Попытка немцев выйти к Владикавказу через так называемые Эльхотовские ворота (узкое ущелье, пересекающее Сунженский хребет), наткнулась на развитую систему инженерных сооружений, минные поля и другие заграждения. Организованные советским командованием контрудары вынудили противника остановиться и организовать пополнение для своих потрепанных частей. Советские войска, прикрывавшие грозненское и владикавказское направление были объединены вскоре в Северную группу войск Закавказского фронта под командованием генерала И. И. Масленникова.

В течение всего сентября не прекращались ожесточенные бои за г. Малгобек. После захвата города немцы собирались немедленно использовать для своих нужд нефтяные месторождения, находившиеся в этом районе. Советская сторона стремилась этого не допустить. На подступах к Малгобеку частями РККА и местными жителями были созданы серьезные укрепления. Город непрерывно обстреливался, в нем не затухали пожары, но танковые атаки врага не приводили к желаемому результату. Разрушенные кварталы неоднократно переходили из рук в руки. 5 ок-

тября 1942 г. противник все же занял большую часть города, но нефтепромыслы к тому времени были полностью уничтожены. Воспользоваться нефтью врагу так и не удалось. Вскоре бои здесь приобрели позиционный характер. Германское командование, очевидно, потеряло здесь свой последний шанс сходу выйти к главным кавказским нефтяным источникам.

Неспособность германского командования одержать быстрые победы в сражениях за Малгобек и Орджоникидзе, по сути, означала срыв его решительной попытки завладеть нефтью грозненских месторождений, а затем выйти к Баку. Вражеское наступление на левом фланге группы «А» захлебнулось на рубеже реки Терек. Гитлер был взбешен. Он приказал начальнику штаба оперативного руководства ОКВ генералу А. Йодлю вылететь на место и разобраться с обстановкой. Вопреки ожиданиям фюрера, Йодль не просто поддержал В. Листа, поставив под сомнение возможность дальнейшего наступления, но и предложил, не дожидаясь худших последствий, отвести назад горный корпус. В ответ на это Гитлер не придумал ничего лучшего, как сместить Листа и самому формально возглавить группу «А». Досталось и Йодлю, которого также чуть не уволили из-за высказанного «ошибочного» мнения. В порыве гнева, фюрер припомнил ему прошлогодние проступки. На совещании с фельдмаршалом В. Кейтелем 18 сентября он заявил, что работа с помощниками не возможна без их лояльности, «не говоря уже о том, что Йодль не крепкий человек. Именно он прошлой зимой выдвинул предложение о разрешении главной задачи, — немедленно отойти назад. Послушавшись его, мы потеряли бы все. И тогда он представлял не мое мнение, которое ему было хорошо известно, а наоборот, мнение слабых личностей — фронтовиков... что совершенно недопустимо». Кейтель, боявшийся послушаться своего фюрера, поддакивал ему, утверждая, что Йодль, будучи его помощником, неоправданно стал выступать на первый план «брал на себя больше, чем было на него возложено»⁸⁷. Таким образом, Гитлер опять, как и зимой 1941–1942 г., видел причину своих неудач в некомпетентных действиях своих генералов — «слабых личностях», которые только и делают, что предлагают отступить. Вера в свою полководческую исключительность оставалась в нем непоколебимой. Что бы ни случилось, считал он, Кавказ будет покорен. И произойдет это под его гениальным руководством. Однако такая вера не учитывала

объективных обстоятельств, сложившихся на фронте, возросшее сопротивление Красной Армии. История сыграла с фюрером третьего рейха злую шутку. Уже после войны выжившие немецкие генералы стали обвинять Гитлера во всех без исключения военных неудачах, стыдливо оставляя за скобками свои собственные ошибки.

Одновременно с немецким ударом на левом фланге группы «А» германское командование продолжило натиск на приморском участке 17-й армии генерала Р.Руоффа. С 19 августа противник повел решительное наступление на Новороссийск. Падение города могло означать новую смертельную угрозу не только для 47-й армии Северо-Кавказского фронта, но и всех советских войск оборонявших западные склоны Кавказского хребта. Попытка немцев прорваться в Новороссийск с ходу не удалась. Но 28 августа, возобновив наступление, германские части сумели прорвать левый фланг советской 47-й армии и 31 августа выйти к побережью Черного моря, захватив Анапу. Советские соединения, отступая, оставили Таманский полуостров, куда 1–2 сентября высадились шесть немецких дивизий из Крыма. Ставка ВГК принимала экстренные меры для переброски резервов и пополнения войск, но перевес в силах оставался на стороне наступавших. С целью улучшения управления войсками советское командование пошло на ряд преобразований. Так, Северо-Кавказский фронт был преобразован в Черноморскую группу войск Закавказского фронта (12, 18, 47, 56-я армии) под командованием генерала Я. Т. Черевиченко. Командующим фронтом остался генерал И. В. Тюленев⁸⁸.

Число защитников Новороссийска не превышало тогда 15 тыс. чел. В сентябре бои за Новороссийск достигли крайней степени ожесточения. Следствием удара 5-го армейского корпуса немцев стал отход советских частей из большей части этого города-порта. Но войскам 47-й армии удалось закрепиться в заводских районах и блокировать дорогу вдоль моря. Попытка обойти советскую оборону через горы, предпринятая 3-й румынской горной дивизией, окончилась в 20-х числах сентября полным провалом. Дивизия была окружена и почти полностью уничтожена. Силы немцев и их союзников неуклонно истощались, они вынуждены были вести ожесточенные бои с контратакующими соединениями Красной Армии, а в дальнейшем и с героическим десантом, высадившимся с моря на подступах к Новороссийску и занявшим не-

большую территорию, прозванную вскоре «Малой землей».

Встретив упорство советских войск на приморском направлении, германское командование решило в начале октября попытаться отрезать советскую группировку новым ударом через западную часть Кавказского хребта. Привлеченные к наступлению горные егеря смогли выйти в тыл 18-й советской армии и нанести ей серьезный урон. Неудачные действия командования Черноморской группы и выход врага на ближние подступы к городу Туапсе привели к смене командования. Вместо Черевиченко Черноморскую группу теперь возглавил генерал И. Е. Петров, ранее оборонявший Севастополь, а на должность командующего 18-й армии был назначен генерал А. А. Гречко. Подход свежих советских частей позволил стабилизировать ситуацию под Туапсе, где бои приняли позиционный характер.

Заключительный акт драматических сражений на фронте наступления германской группы «А» на владикавказском и грозненском направлениях развернулась в конце октября 1942 г. Следует отметить, что советское командование весьма опасалось немецкого удара с плацдарма на южном берегу Терека в районе Малгобека. Ставка планировала провести собственную операцию силами 9-й армии с целью отбросить врага и восстановить линию фронта по течению реки. Однако противник опередил командование РККА. С 25 октября румынские, а затем и немецкие части начали наступление западнее Моздока и Малгобека на Нальчик. Фланг 37-й советской армии оказался под угрозой, и она вынуждена была отойти. 27 октября пал Нальчик, а в начале ноября немецким танкам оставалось преодолеть всего 15 км, чтобы ворваться во Владикавказ. Захват этого города мог означать, что вермахт овладеет ключами к важнейшей транспортной магистрали Кавказа — Военно-Грузинской дороге. Положение было критическим. Но именно в этот момент командующий Закавказским фронтом Тюленев приказал перебросить на владикавказское направление стрелковый корпус, танковую бригаду, а затем и другие соединения, ранее предназначенные для нанесения контр-удара по немецкому плацдарму южнее Терека. Начавшееся 6 ноября советское наступление привело к крупному успеху. Одна из германских танковых дивизий была охвачена с трех сторон. Для отступления у нее оставался лишь узкий коридор. Бросая технику и вооружение, немцы

поспешно бежали. Разгром ударных сил группы «А» был более чем очевидным — враг оставил на поле боя около 150 танков, более 2,3 тыс. автомашин, другое имущество. Оседлать транспортную коммуникацию, ведущую в Закавказье и выйти к основным нефтепромыслам, германскому командованию не удалось. 1-я танковая армия вермахта вынуждена была перейти к обороне.

К концу декабря 1942 г. войска вермахта и их союзников окончательно исчерпали свой наступательный пыл в сражениях за Кавказ. Враг удерживал занятую важную в хозяйственном и стратегическом отношении Кубанскую область, но выполнить поставленные перед ними задачи по захвату важнейших нефтяных месторождений СССР и прорыву на Ближний Восток он оказался не в состоянии. Немцев не пропустили через горные перевалы в Закавказские республики, а ущелья, ведущие к Черноморскому побережью, прежде всего к Туапсе, были надежно блокированы. Соединения вермахта и его союзников были вынуждены вести тяжелые позиционные бои со все более усилившимися советскими армиями. Не оправдались также надежды гитлеровцев на то, что кавказцы отпадут от семьи народов Советского Союза и охотно станут помогать Германии в «освобождении» от коммунистического режима. Мудрость большинства горцев в полной мере проявилась в критической ситуации. Они понимали, что победа нацистского рейха ведет не только к гибели советского строя, но и порабощению, превращению в рабскую силу для рейха всех граждан СССР. Их выбор был защищать общую Родину.

К началу декабря 1942 г. Красная Армия нанесла большой урон войскам немецкой группы армий «Б» под Сталинградом и окружила ее 6-ю армию. Немецкое командование, остро нуждавшееся в пополнении своих сил на сталинградском направлении, приняло решение перебросить туда часть сил группы армий «А». 28 декабря главное командование сухопутных войск (ОКХ) отдало группе армий «А» приказ начать отступление до линии Армавир — Сальск и там соединиться с войсками 4-й танковой армии, действовавших южнее Сталинграда. При отступлении немецким войскам предписывалось применять тактику «выжженной земли», т.е. уничтожать и разрушать города, села, мосты, железнодорожные пути, вывозить с собой награбленное имущество и продовольствие. 1 января 1941 г. начала отступление 1-я танковая армия вермахта.

В тот же день окончился оборонительный и начался наступательный период битвы советских войск за Кавказ. По решению Ставки ВГК войска Южного фронта генерал-полковника А. И. Еременко (создан 1 января 1943 г. на базе Сталинградского фронта), развивая успех контрнаступления под Сталинградом, перешли в наступление главными силами из района Котельниковский на Ростов и частью сил на Тихорецк. Черноморская группа войск Закавказского фронта получила приказ наступать навстречу войскам Южного фронта — на Краснодар и Тихорецк. Северная группа войск (с 24 января преобразована в Северо-Кавказский фронт) должна была преследовать немецкую 1-ю танковую армию и наносить ей удары, наступая в направлении Моздок, Прохладный, Армавир.

Подвиг бойцов и командиров Красной Армии, представителей многих национальностей, грудью вставших на защиту своей страны в ходе оборонительных операций 1942 года, сорвал немецкий план порабощения Кавказа («Эдельвейс»), не позволил германскому командованию в самый критический период обороны Сталинграда перебросить туда дополнительные силы. Переход германских войск к обороне на Кавказе, а также начавшееся успешно советское контрнаступление под Сталинградом означало, что в Великой Отечественной войне произошли коренные изменения, настал кульминационный и поистине переломный момент в смертельной борьбе против фашистской агрессии. Последующее быстрое продвижения Красной Армии от берегов Волги на запад создавало для Красной Армии хорошую возможность для нанесения врагу решительного поражения на всем южном фланге советско-германского фронта. В перспективе оно вело не только к быстрому отступлению немецкой группы армий «А», но и ее полному уничтожению в гигантском котле на Северном Кавказе, полях Кубани и Ставрополя. Такая задача казалась Ставке ВГК вполне выполнимой накануне нового 1943 года.

«Незнаменитые» наступательные операции: Ржевско-Сычевская операция и попытки деблокады Ленинграда в 1942 г.

Под Ржевом

В конце июля 1942 г. группа армий «Центр» (под командованием генерал-фельдмаршала Г. фон Клюге) силами 9-й армии продолжала

крепко удерживать стратегически важный плацдарм — так называемый Ржевский выступ, линия фронта которого проходила севернее и восточнее Ржева, восточнее Погорелого Городища и Быково. Сдавать его немцы не собирались.

Очевидной целью командования Красной Армии было не дать врагу возможности использовать свой плацдарм в наступательных целях и постараться нанести летом 1942 г. группе армий «Центр» серьезное поражение. Как уже говорилось, центральный участок фронта занимал в мыслях Ставки ВГК особое место. Нельзя было исключать возможность, что немцы, воспользовавшись неудачами Красной Армии на южном фланге, не попытаются взять советскую столицу неожиданным фронтальным ударом. Для Сталина все еще свежи были воспоминания осени 1941 г., когда враг стоял в нескольких десятках километров от Москвы. С другой стороны, германское командование, перенеся свои основные усилия на юг — под Сталинград и на Кавказ, считало, что рано или поздно группа армий «Центр» возобновит свое разящее наступление на Москву по одному из кратчайших путей и поставит тем самым заключительную точку во всей войне. Центральная группировка немцев продолжала оставаться наиболее многочисленной.

Исходя из остающейся цели облегчить участь частей Красной Армии, отступающих к Дону и Кавказу, сковав германские силы в центре советско-германского фронта, а также сложившихся на Западном направлении условий для наращивания натиска на врага, к концу июля Ставка ВГК спланировала осуществить крупную наступательную операцию, получившую название Ржевско-Сычевской. Новое предприятие поручалось войскам сразу двух фронтов — левого крыла Калининского и правого крыла Западного, которые нацеливались против сил группы армий «Центр», действовавших всего примерно в 200 км к западу и северо-западу от Москвы. Операция, проведенная с 30 июля по 23 августа 1942 г., вписывалась в рамки советской «большой стратегии», хотя условия для ее проведения летом 1942 г. были далеки от идеальных. Здесь на пересеченной местности, имеющей много естественных преград (рек, речушек, перелесков, высот, болот) была выстроена глубокоэшелонированная оборона немцев, пожалуй, еще более прочная, чем на южном фланге группы фон Клюге. На пути наступающих войск находились окопы полного профиля, ряды колючей проволоки, сеть минных полей и многочислен-

ные опорные пункты. К концу июля положение советских войск на юге России ухудшилось. Именно туда направлялись основные резервы и боевая техника. Неоднократно подтвержденное мужество бойцов и командиров РККА по-прежнему не подкреплялось надежным прикрытием с воздуха. Поэтому исходные данные для новой операции Красной Армии западнее Москвы, в основном, оставались теми же, что были в начале месяца. Это не сулило наступающей стороне легких боев, а, напротив, грозило большими потерями.

С другой стороны, советское командование сделало все возможное, чтобы сосредоточить теперь на участках прорыва более мощные силы и средства. Современные исследования подтверждают, что в полосах наступления ударных группировок фронтов было достигнуто не просто «более чем двойное», а значительное превосходство над противником в людях и артиллерии. Ржевский историк С. А. Герасимова пишет, что к обычно упоминаемым войскам 30-й, 29-й, 31-й, 20-й армий Западного и Калининского фронтов, принявшим участие в операции, следует приплюсовать еще 5-ю и 33-ю армии, хотя они наступали лишь на отдельных участках своих полос. В операции участвовали также соединения и части 2-го гвардейского кавалерийского, 6-го и 8-го танкового, 8-го гвардейского (в полосе 20-й армии) и 7-го гвардейского стрелковых корпусов, которых поддерживали 1-я и 3-я воздушные армии. Советская группировка в начале августа насчитывала более 486 000 человек и располагала 1715 танками. «Артиллерийская плотность» в полосе наступления 33-й армии достигала 40–45 орудий на 1 км, 20-й армии — 122 орудия, на Калининском фронте — 115–140 стволов⁸⁹.

Советское командование учитывало, что войска левого крыла Калининского фронта генерал-полковника И. С. Конева (30-я и 29-я армии) и правого крыла Западного фронта генерала армии Г. К. Жукова (31-я и 20-я армии) занимали по отношению к немецкой 9-й армии охватывающее положение. Общий замысел операции предусматривал ударами войск этих смежных крыльев на ржевском и сычевском направлениях разгромить основные силы 9-й армии и ликвидировать Ржевский выступ. Перед войсками советских фронтов ставились первоочередные конкретные задачи — овладеть городами Ржев и Зубцов, выйти на рубеж рек Волга и Вазуза, обеспечив его надежную защиту. Главная роль

в осуществлении задуманного плана должен был сыграть Западный фронт.

Командующий Западным фронтом Г. К. Жуков уделял особое внимание скрытности сосредоточения ударных группировок 20-й и 31-й армий. Был приведен в действие специальный план мероприятий, призванный обеспечить в тайне развертывание главных сил. Все передвижения и смена войск на передовых позициях должны были производиться незаметно, как правило, ночью. Частям, предназначенным для первой атаки, давались всего сутки для занятия исходного положения, изучения местности и освоения предстоящих задач. Выгрузка боевой техники из железнодорожных составов производилась вдали от линии фронта, из-за опасения раскрыть замысел перед вражеской разведкой. Необходимые документы по плану операции писались от руки, все основные распоряжения отдавались устно, лично командующим армиями⁹⁰.

30 июня первыми в наступление перешли войска Калининского фронта. 30-я армия прорвала первую полосу обороны противника, но затем встретила упорное сопротивление врага и втянулась в упорные бои на подступах к д. Полунино. Действия 29-й армии успеха не имели⁹¹. Войска Западного фронта начали свое наступление 4 августа. Как отмечалось в специальном докладе штаба фронта, нашими войсками в 6:15 утра, внезапно, всей массой артиллерийского и минометного огня и РС (кроме М-30) был нанесен 10-ти минутный удар по узлам связи с целью нарушения управления вражескими подразделениями. Затем артиллерия приступила к разрушению и уничтожению переднего края противника методическим обстрелом, продолжительностью 45 мин. Считалось, что «такая мощная подготовка нанесла громадные потери противнику, что позволило пехоте и танкам уверенно, без больших потерь и быстро двинуться в атаку». Уже в первом эшелоне было задействовано две танковые бригады, которые поддерживали безостановочное продвижение вперед, даже ночью. Как дань букве и духу приказа НКО № 227 в наступающих частях предпринимались специальные меры, а именно: «Для предупреждения отставаний отдельных подразделений, — говорилось в докладе, — для борьбы с трусами, паникерами за каждым атакующим батальоном первого эшелона на танке следовали особо назначенные Военным Советом армии командиры. В итоге всех предпринятых мер, войска 31-й и 20-й армий успешно прорвали оборону противника»⁹².

Особенно ожесточенные бои шли за д. Погорелое городище, которую немцы за предыдущие месяцы превратили в крупный опорный пункт. Буквально каждый метр земли перед деревянной пристрелянной противником, не помышлявшим даже о тактическом отступлении. Достаточно сказать, что боевые действия 20-й армии на первом этапе наступления получили название «Погорело-городищенской операции». И все же советскому командованию удалось взломать германскую оборону, бросив в сражение крупные силы пехоты, кавалерии и танковые бригады. В полосе армии действовало более 250 танков, включая 21 тяжелый и 82 средних⁹³.

Красноармейцы дружно поднимались в атаку и шли в лоб на позиции противника. Правдой войны является то, что их не нужно было подстегивать или угрожать пулей со стороны заградительных отрядов. В частях наблюдался большой духовный подъем. В отчете о политико-моральном состоянии 20-й армии в период операции говорилось, что в подразделениях присутствовало «беспредельное стремление к скорейшему истреблению ненавистного врага». «Весь личный состав армии от бойца до командарма (генерала М. А. Рейтера. — М. М.) горели нетерпением и ждали сигнала к решительному и беспощадному бою». Факт, что перед самым наступлением военнослужащим еще раз разъясняли смысл приказа Сталина № 227, а представители Военного совета и политодола армии лично выезжали в корпуса и дивизии «для руководства на местах». Но они, в то же время, отмечали, что солдаты стали теперь «злее и беспощаднее», «научились по-настоящему ненавидеть немецко-фашистских захватчиков». Бои по прорыву вражеской обороны в полосе 20-й армии дали сотни примеров мужества, отваги и героизма. Отличились разведчики и подразделения автоматчиков 923-го стрелкового полка 251-й дивизии, которые, «не дожидаясь конца артподготовки, ворвались в глубокий тыл врага и неожиданно смелым броском вышли на железнодорожный и деревянный мосты через р. Синяя, не дав противнику их взорвать и отрезав ему путь отхода». Минометчик Леванский, «несмотря на серьезное ранение, ни за что не согласился уйти с поля боя и продолжал разить врага огнем своего миномета». Сержант Михалев уничтожил пулеметную точку немцев метким броском гранаты. Чтобы только перечислить подвиги наших солдат уже в первый день наступления под Ржевом, не хватило бы и толстой

тетради. Правдой было и то, что в атаку вместе с красноармейцами шли политические работники, деля вместе с ними и славу и, если придется, смертельную пулю. Стоит задуматься и над следующими цифрами: только по одному 2-му гвардейскому кавалерийскому корпусу за время операции заявления о приеме в компартию подало 8200 чел., тогда как сама парторганизация выросла за то же время на 378 чел. Коммунисты шли в бой первыми и в ходе отчаянных атак, как правило, первыми и погибали. В то же время в кавкорпусе ничтожно малым оставалось число «аморальных», как тогда отмечалось, явлений. Было выявлено всего два случая самострелов⁹⁴.

Ненависть советских солдат к захватчикам усиливалась при виде жуткой картины разрушений и смерти в освобожденных населенных пунктах. Они убеждались, что враг пришел на их землю не просто как захватчик, но и зверь, расчищавший себе жизненное пространство путем уничтожения коренного населения. Газета «Красная Звезда» писала в сентябре 1942 г.: «Политика истребления русского населения проводилась в Погорелом городище систематически и методично. В октябре 1941 г. здесь проживало 3076 человек. 37 человек расстреляно немцами. 94 человека сожжены живьем за сопротивление „эвакуации“ в германский тыл. 60 человек увезены в рабство в Германию. 1980 человек умерло от голода и болезней. В живых осталось 905 человек. Так современные варвары осуществляют свою злодейскую программу истребления русского народа»⁹⁵.

К утру 5 августа войска Западного фронта завершили прорыв главной полосы обороны, а к исходу суток расширили его до 30 км по фронту и 25 км в глубину. Вечером 5 августа Жуков почувствовал, что дело, кажется, удастся, и речь может идти о крушении всей немецкой обороны на этом направлении. Для развития успеха он решает ввести в бой с 6 августа подвижную группу фронта — два танковых и один кавалерийский корпус. Слова его приказов напоминают более призыв оперативно воспользоваться ситуацией: «Усилиями 31-й и 20-й армий фронт противника прорван на участке Алешево, Семёновское. Наши войска развивают успех в западном и юго-западном направлении... 2-му гв. КК в ночь на 6.08.42 войти в прорыв... С выходом в назначенный район командиру корпуса быть готовым объединить под своим командованием 8 ТК, 11 тбр и действовать на юг с задачей овладеть районом Вязьма». В половине третьего

ночи 6 августа он торопит подчиненных командармов: «31-й армии — продолжать наступление и к исходу 8.08.42 главными силами выйти на фронт Ржев, Дубровка... 20-й армии — развивать наступление в направлении Сычевка. К исходу 7.08.42 овладеть районом Сычевка». В связи с общностью задач Западного и Калининского фронтов в 20 ч 30 мин 5 августа Жуков получил указание Ставки ВГК взять руководство всем сражением в районе Ржева в свои руки. Генерал И. С. Конев должен был срочно прибыть к нему «за получением личных указаний и распоряжений по дальнейшему ведению операций»⁹⁶.

Однако надежды на быстрый успех Жукову вскоре пришлось оставить. У врага были значительные резервы, чтобы локализовать советский прорыв. Командование группы армий «Центр», под угрозой потери Ржевского выступа, усилив 9-ю армию тремя танковыми и двумя пехотными дивизиями, нанесло контрудар из районов Сычевки и Карманово в общем направлении на Погорелое городище. 7–10 августа на подступах к рр. Вазуза и Гжать происходило крупное встречное сражение. С обеих сторон в нем участвовало до 1500 танков и почти все войска, предназначенные для действий на зубцовском, сычевском, и кармановском направлениях. 8 августа в сражение была введена 5-я армия Западного фронта с задачей прорвать вражескую оборону на всю тактическую глубину и соединиться с левофланговыми частями 20-й армии.

Совсем не гладко, как того хотелось бы, шли дела на Калининском фронте. Вызывает удивление, почему общее руководство операцией не было отдано Жукову с самого начала, а было оформлено директивой Ставки только 5 августа? Войска Конева продвинулись к тому времени вперед всего на несколько километров. Причиной тому была организация удара фронта как раз по наиболее плотным оборонительным порядкам и сильным укреплениям врага севернее Ржева. «Противник, разбитый в своей тактической глубине, — отмечал Конев, — воспользовавшись неблагоприятными условиями погоды, закрепился на оборонительной Ржевской полосе». Однако генерал не терял пока надежды сломить вражеское сопротивление. Ведь только в одной его 30-й армии находилось 13 стрелковых дивизий, три бригады, 13 артиллерийских полков РГК, 16 дивизионов и три гвардейских полка «Катюш». К исходу 8 августа он требовал «закончить перегруппировку и перейти в решительное наступление с задачей

овладеть г. Ржевом и переправами р. Волга»⁹⁷. Однако эта задача выполнена не была. Как назло, самое начало наступления обоих советских фронтов было ознаменовано мощными ливнями, донельзя развратившими и без того ужасные проселочные дороги, ведущие к передовой. Потоки воды с неба были выгодны немцам, так как они держали в своих руках надежные линии коммуникаций и уже давно глубоко зарылись в землю. Дождь мешал и эффективному применению советской артиллерии, которая на главных направлениях значительно превосходила противника.

Теперь в приказах Жукова заметно раздражение по поводу топтания на месте. Он ругает и наставляет своих генералов: «Противник сейчас собирает со всего фронта отдельные подразделения, части и соединения и стремится, во что бы то ни стало, остановить наше продвижение и ликвидировать образовавшийся прорыв». Командующий констатировал упорство врага на подступах к Ржеву, Сычевке, Карманово и сетовал на то, что «наши части, особенно левофланговая группировка 20-й армии, за последние два дня действуют исключительно пассивно и, не продвигаясь вперед, дают врагу время на организацию сопротивления». «Особенно преступно, — по его мнению, — действовали 6-й и 8-й танковые корпуса, группа Армана и группа Бычковского, которые, болтаясь в тылах пехоты, неся потери, не выполнили до сих пор ни одной поставленной задачи». Приказ Жукова, отданный в ночь на 8 августа, требовал в течение двух суток освободить н.п. Сычевка, Зубцов, Карманово, и «во взаимодействии с Калининским фронтом захватить Ржев»⁹⁸.

В течение последующих нескольких дней бои продолжались с неослабевающей силой. Советские войска несколько потеснили, но не опрокинули врага. Однако они отразили его контрудары танковых дивизий (46-го танкового корпуса) в районах Карамзино и севернее Карманово, нанесли противнику большие потери, и вынудили его перейти к обороне на рубеже р. Вазуза, р. Гжать, с. Карманово. Используя успех Западного фронта, 30-я и 29-я армии фронта Конева только во второй половине августа вышли на ближайшие подступы к Ржеву. 23 августа войска 31-й армии при помощи 29-й армии освободили Зубцов, а войска 20-й армии — Карманово. На этом наступательные возможности советских войск были исчерпаны и они перешли к обороне.

Могли ли советские войска добиться тогда большего успеха? Документы фронтового командования и Ставки ВГК показывают, что вряд ли это было осуществимо. Сама природа была против наступающих! В начале операции, как уже говорилось, выпал сильный ливень. Полоса боевых действий представляла собой лесисто-болотистую местность. «Этот район, отмечали инженерные службы, больше годится для сильной обороны, а как стык двух фронтов усиленно заграждался от переднего края далеко в глубину». Саперам приходилось не только разминировать территорию и сопровождать наступающие части, но и постоянно поддерживать в приемлемом состоянии дороги, по которым к передовой подтягивалась техника. Жердевая выстилка и грунтовые участки дорог после прохода танков приходили в полную негодность. Их необходимо было снова и снова восстанавливать. Значительные силы и время отрывались для наведения переправ и переходов через многочисленные реки, ручьи, болотца. В целом, на усиление сапер только в 20-й и 31-й армиях было брошено не менее 2-х дивизий⁹⁹.

Немцы проявляли значительное искусство в обороне. К тем препятствиям, которые были описаны выше, они присовокупили хитрый способ уничтожения живой силы РККА. Как летом 1942 г., так и позднее, противник создавал т.н. «систему бастионов». Через каждые 100–150 метров прямолинейных траншей ими отрывались треугольные выступы («бастионы»), направленные острым углом в сторону атакующей советской пехоты. Там же находилась огневая точка (пулемет), врезанная заподлицо в землю. Она была предназначена для ведения огня только вдоль траншеи, когда в нее врывались наши бойцы. Подступы к огневой точке надежно минировались. Артиллерийскую подготовку РККА солдаты вермахта переживали в укрытиях, но как только впереди показывались атакующие подразделения, они занимали свои места в передовых траншеях и открывали шквальный огонь. Как правило, атаки на такие укрепленные пункты вели к большим потерям. Тем не менее, советские войска научились их брать и добиваться поставленной цели. Залогом победы здесь были быстрота и натиск. Бросок в направлении вражеских окопов должен осуществляться еще до окончания артподготовки; затем следовала короткая яростная схватка с еще не опомнившимся врагом¹⁰⁰.

Осуществление Ржевско-Сычевской операции позволило советским войскам продвинуться

вперед на 30–45 км, срезать часть плацдарма противника на левом берегу Волги в районе Ржева, сковать крупные силы группы армии «Центр» и вынудить немецкое командование перебросить в район операции 12 своих дивизий с других участков. Готовившиеся к переброске на Сталинградское направление три танковых и несколько пехотных дивизий из состава группы фон Клюге были обескровлены в боях; 10 пехотных, три танковых и три моторизованных дивизии врага потеряли 50–80% личного состава. В танковых дивизиях осталось всего по 20–30 боевых машин — из 150–160¹⁰¹.

Вышеназванные результаты достались Красной Армии дорогой ценой. По официальным данным, в Ржевско-Сычевской операции советские войска потеряли с 30 июля–23 августа 1942 г. — 193 683 чел. убитыми, ранеными и пропавшими без вести¹⁰². Однако некоторые историки считают эти данные заниженными. Дело в том, что после 26 августа, когда И. С. Конев был назначен командующим Западным фронтом вместо генерала армии Г. К. Жукова¹⁰³, а 30-я и 29-я армии были переданы в состав Западного фронта, бои за Ржев продолжились. Город оставался одним из главных опорных пунктов германской обороны на центральном направлении и притягивал к себе все новые силы противоборствующих сторон. В конце сентября штурмовые советские подразделения, прогрызая вражеские позиции, ворвались в северную часть Ржева. Бои с контратакующими немецкими частями приняли невиданный накал. Однако подоспевшие резервы группы армий «Центр» сумели восстановить положение. Город освободить не удалось.

Указывая на то, что бои Западного и Калининского фронтов на ржевском направлении продолжались вплоть до конца сентября 1942 г., современные исследователи увеличивают цифру потерь РККА в Ржевско-Сычевской операции 1942 г. (30, 29, 31, 20, 33 и 5-й советских армий) до 291 тыс. чел. (в итоговую цифру не входят потери корпусов и воздушных армий). В целом, таким образом, говорится о 300 тыс. советских военнослужащих, павших в тот период, тогда как только за август потери в танках в сумме составляют 1085 ед. Относительно потерь немцев имеются только промежуточные данные, но, очевидно, что они были также очень большими. В общей сложности 16 немецких дивизий, действующих на этом участке потеряли, по некоторым оценкам, от 50 до 80% личного состава. Так, только одна 6-я пехотная дивизия за период

1–22 августа потеряла 3294 человека. Весьма значительными были и потери противника в танках и авиации¹⁰⁴.

Причины столь больших советских потерь при относительно скромном продвижении вперед являются сегодня предметом многочисленных дискуссий среди историков. Природный и погодный факторы, инженерное оборудование вражеских позиций и другие отмеченные обстоятельства, конечно, сыграли свою роль. Нельзя упускать из виду, что Красной Армии под Ржевом противостояли закаленные солдаты вермахта, которые сумели в значительной мере оправиться от зимних поражений и получили серьезные подкрепления. Кроме того, их боевой дух значительно укрепился после начала германского наступления на Кавказ и Сталинград, где уже были достигнуты крупные победы, а также фактом отсутствия в Европе второго фронта. Все это приводило немцев к мысли о том, что победа не за горами, впереди последнее напряжение сил, за которым последует победа.

Успехи на южном фланге ободряюще сказывались на политико-моральном состоянии противника на всем советско-германском фронте, в т.ч. в полосе группы армий «Центр». «Воинственное настроение и уверенность в победе Германии, — отмечалось в информации с фронта Жукова, — особенно характерно для оболваненного геббельсовской пропагандой молодых возрастов 1922 и 1923 г.р.». Типичным представителем этого слоя был военнопленный немец Вальтер Реммер, который при допросе в советском штабе показал: «В настоящее время в армию прибывает молодежь 1923 г.р. Дисциплина в армии строгая. Случаев отказа от выполнения приказов, дезертирства, самострелов пленный не знает. Солдаты получают в день 500 г хлеба, 50 г колбасы, иногда масло или мед, днем суп и вечером чай. Многие солдаты, хотя и недовольны питанием, но своего недовольства не высказывают». (Это при том, что многие наши подразделения на передовой, особенно в период распутицы, вынуждены были неделями сидеть на сухарях и воде. — М. М.). В. Реммер признавал, что «между собой солдаты говорят, что Красная Армия сражается упорно, но большинство верят в победу немцев, которые сейчас наступают на юге. У Красной Армии не хватает продовольствия, и она должна будет сдаться. Солдаты уверены, что война закончится в этом году, и что также думает все население Германии». О втором фронте Реммер слышал, но «офицеры объявили

солдатам, что этому не следует придавать значения». В тайне немецкие солдаты обсуждали, что «война никому не нужна». Но «раз она начата, то ее нужно довести до конца. Сопротивление властям не возможно. Кто виновен в войне, сказать трудно. Говорят, — продолжал пленный, — что наше жизненное пространство мало и не обеспечивает материально наш народ. Англия отказалась дать нам колонии и договорилась с СССР о нападении на Германию. Большинство немцев уверено, что война ведется именно по этой причине». Показания В. Реммера было характерно для большинства солдат из гитлеровской молодежи, прежде всего немцев по национальности. Однако военнопленные австрийцы, литовцы, чехи, поляки, которые также воевали на стороне вермахта, заявляли, что воевать не хотели, но их обманым путем (заставляя подписывать пустые страницы, которые потом оказывались согласием вступить в армию) призвали на фронт¹⁰⁵. Так ли это было на самом деле, остается вопросом. Ясно одно, что пока Германия одерживала победы никаких особых протестных настроений в частях вермахта, где воевали не только немцы, но и представители других европейских наций, не было.

Оптимистические ожидания германских солдат свидетельствовали о том, что вражеская военная машина еще очень сильна. Но появлялись и факты другого рода, что руководство рейха теперь ставит на кон все, что оказывается под рукой, бросает в огонь сражений те ресурсы, без которых немисливо вести затяжную войну. Для нашего командования таким свидетельством стал трофейный документ, захваченный на немецких позициях под Ржевом в августе 1942 г. Это было письмо генерала фон Вотмера, «руководителя» (как была переведена его подпись. — М. М.) «трудовой повинности». Генерал обращался к гитлеровской молодежи. Очевидно, что адресатом письма было одно из подразделений «службы труда рейха»¹⁰⁶, которое работало на строительстве оборонительных укреплений в немецком тылу, но в ходе советского наступления было вооружено и брошено в бой, чтобы закрыть образовавшуюся брешь.

Германский генерал писал, что получил призывы о помощи и предпринял все необходимые шаги в этом направлении. «Хотя я знаю, что эти продолжавшиеся 9 дней бои превосходят силы молодежи, — отмечал он, — я принужден требовать выдержки и стойкости. Нельзя допустить того, чтобы фюрер оттянул из решающей битвы

на юге ударные дивизии для того, чтобы спасти положение здесь. Этими мыслями каждый командир и солдат должны быть проникнуты, и я прошу и ожидаю, что люди из корпуса фюрера охвачены одной мыслью: мы помогаем нашей стойкостью добиться победы на юге для победы в войне. Вследствие этого все невозможное должно стать легким... Я прошу вас оставить все свои заблуждения и самоуспокоенность, потому что мы переживаем трудные часы. Я прошу вооружить всех. Наконец, я прошу еще раз, невзирая ни на что, закопаться в землю, не отступать и не колебаться. Не сдавать ни пяди земли и отступать в случае и лишь только по приказу»¹⁰⁷.

В документе заметны следы и тональность приказа самого Гитлера, отданного еще в декабре 1941 г., в период зимнего кризиса германской армии под Москвой — так называемого приказа «держаться». Теперь, в августе 1942 г., немцам, попавшим в тяжелую ситуацию под Ржевом, вновь запрещалось отступать без приказа. В резолюции, наложенной на препроводительной к этому письму, командующий Западным фронтом Г. К. Жуков подчеркнул: «Военный совет фронта обращает внимание на исключительно серьезное положение, создавшееся у противника в связи с нашими наступательными операциями. Переписка, по-видимому, относится к корпусу немецкой молодежи, занятой в тылу на оборонительном и дорожном строительстве. Речь идет о ее вооружении и удержании с помощью этих необученных солдат-молокососов обороны. Учтите это крайне тяжелое положение противника». Немецкий трофейный документ предусматривалось довести до командования армий, дивизий и других соединений для использования информации в целях усиления натиска на врага¹⁰⁸.

Однако осуществить намечавшийся разгром не удалось. В снижении ударной мощи частей РККА существенную роль сыграли ошибки, допущенные самим советским командованием еще на этапах планирования и подготовки операции. Разведка Западного и Калининского фронтов имела данные о системе немецких укреплений в основном на только на переднем крае. Несмотря на то, что на отдельных участках (в районах главных атак) плотность нашего артиллерийского огня достигала 170 орудий на километр фронта, а в 20-й армии — целых 266 орудий¹⁰⁹, командование РККА не до конца осознавало, что именно здесь — на ржевском плацдарме — враг имеет наиболее плотные боевые порядки

(менее 10 км линии фронта на одну пехотную дивизию), оснащенные всеми средствами инженерного оборудования позиции, развитые в глубину от 80 до 100 км. Играли свою роль и другие факторы: излишняя концентрация живой силы в местах прорыва, не подкрепленная техникой и огнем, что вело не к достижению успеха, а лишь к большим потерям; поспешное (без должной поддержки и разведки) введение в бой танковых соединений, использование бронемашин в лесистой местности; отсутствие плотной поддержки со стороны своей авиации, вылившееся в ходе развития операции в господство люфтваффе на поле боя; ненадежная радиосвязь. Противник, заставляя наши войска вязнуть в боях за укрепленные районы, быстро перебрасывал резервы (включая танковые дивизии) на угрожаемые направления и наносил болезненные контрудары.

Действия советских танковых корпусов в Ржевско-Сычевской операции оставляли не лучшее впечатление. Бронированные кулаки Западного фронта сгорали от огня противотанковой артиллерией врага, гибли в ожесточенных схватках с танковыми соединениями вермахта. Советским войскам не хватало ремонтных мастерских, а имевшиеся часто были в неудовлетворительном состоянии. Многие танки выходили из строя еще до боя, тем самым повторялся печальный опыт 1941 года. Потеря большого количества танков вскоре после введения их в прорыв вынудила Жукова 11 августа 1942 г. издать жесткий приказ, адресованный начальнику автобронетанковыми войсками фронта, прокурору и начальнику особого отдела 20-й армии. Его копия, для предостережения, была отправлена командиру 8-го танкового корпуса М. Д. Соломатину¹¹⁰. В документе констатировалось, что «за шесть дней действий, без участия в серьезных боях, в 8 ТК из 181 танка новой матчасти осталось в строю только 63 танка, в т.ч.: КВ — 2; Т-34 — 17; Т-60 — 37 и Т-70 — 7. Усматривая в действиях командования корпуса и бригад явную преступность, ПРИКАЗЫВАЮ: В двухдневный срок расследовать и установить виновников потери материальной части и доведения корпуса до потери боеспособного состояния. Явных виновников в порче и выводе из строя матчасти в 24-х часовой срок судить и расстрелять перед строем танкистов. Командованию корпуса в двухдневный срок собрать корпус, подтянуть всё оставшееся и дать Военному Совету фронта лично письменное объяснение по существу»¹¹¹.

Такое распоряжение, конечно, не брало в расчет тех тяжелейших условий местности и характера сражения, с которыми столкнулись советские танкисты под Ржевом. Но, как сегодня представляется, документ появился не только под воздействием больших потерь корпусов, приданных фронту Жукова, но и как реакция на приказ Ставки ВГК, переданный Западному фронту по БОДО накануне, 10 августа. В нем заострялось внимание на том, что утрата танков по техническим причинам в РККА часто превышает боевые потери. В качестве примера приводился Сталинградский фронт, где «за шесть дней боя двенадцать наших танковых бригад, имея значительное превосходство в танках, артиллерии и авиации над противником, из 400 танков вышли из строя 326, из них по техническим неисправностям около 200, причем боевая часть танков оставлена на поле боя». Жукова, несомненно, затрагивала следующая фраза: «Аналогичные потери имели место и на других фронтах». Сталинский стиль решения проблемы целиком угадывается при дальнейшем прочтении документа: «Считая невероятным такой недопустимо высокий процент танков, выбывших из строя по техническим неисправностям, СТАВКА усматривает здесь наличие скрытого саботажа и вредительства со стороны некоторой части танкистов, которые, изыскивая отдельные мелкие неполадки в танке, или умышленно создавая их, стремятся уклониться от поля боя, оставляя танки на поле боя. В то же время безобразно поставленный в танковых частях технический контроль за материальной частью... способствует этим преступным, нетерпимым в армии явлениям». Сталин и Василевский, подписавшие приказ, требовали наладить надлежащий контроль и ремонт вышедших из строя бронемашин, под началом безукоризненно честных техников, а «личный состав, уличенный в саботаже или вредительстве, сводить в штрафные танковые роты... и использовать их на наиболее опасных направлениях». Тем самым считалось, что им будет «предоставлена возможность искупить свою вину». «Безнадежных, злостных шкурников из танкистов» предписывалось немедленно изымать из танковых частей и «направлять в качестве рядовых в штрафные пехотные роты»¹¹².

Что тут можно сказать? Вновь повеяло атмосферой 1937 года, которая причудливо вписывалась в условия военного времени, особенно после знаменитого приказа № 227. Конечно, можно принять в расчет обстоятельства того

трагического периода, но они не оправдывают бесосновательного осуждения по принципу — есть факт технической неисправности, следовательно, нужно немедленно наказать виновников. А разбираться в причинах будем потом.

Следует отметить и еще одно обстоятельство, помешавшее достигнуть на центральном направлении летом 1942 г. больших результатов. Несмотря на то, что с трагических поражений 1941 г. прошло уже достаточное количество времени, изменился характер боевых действий, многие военачальники Красной Армии все еще не научились ведению современной войны. Методы их управления войсками оставались зачастую старыми. В их действиях не редко присутствовал шаблон, отсутствие необходимой инициативы. Конечно, опыт постепенно накапливался, но для решительного перелома требовались серьезные кадровые перестановки, для осуществления которых пока не доставало самих кадров, и главное — веры в собственные силы и возможности, обрести которую возможно было только на волне неоспоримого крупного успеха. Летом и осенью 1942 г. на ржевском направлении такие условия еще не созрели. Ни Первая Ржевско-Сычевская операция, ни Вторая (более известная под названием «Марс», ноябрь–декабрь 1942 г.) и привели к ожидаемым результатам.

Попытки деблокады Ленинграда в первой половине 1942 года

При всех ошибках, просчетах, волюнтаристских решениях советское командование принимало максимум мер для снабжения Ленинграда и скорейшего прорыва его блокады. Были предприняты четыре неудачные попытки разорвать вражеское кольцо. Первая — в сентябре 1941 г., на третий день после того, как гитлеровские войска перерезали сухопутные коммуникации с городом; вторая — в октябре 1941 г., несмотря на критическое положение, сложившееся на подступах к Москве; третья — в январе 1942 г., в ходе общего контрнаступления, которое лишь частично достигло своих целей; четвертая — в августе–сентябре 1942 г. Основными причинами неудач являлся недостаток сил и средств, выделенных для прорыва обороны противника.

Любанская операция

В январе 1942 г. Красная Армия, казалось, сумеет добиться успеха не только в центре, но и на флангах огромного советско-германского фронта. Ставка ВГК приняла решение о нача-

ле общего наступления Красной Армии. После освобождения Тихвина у советского командования возникли надежды на то, что продолжение наступления Волховского (командующий генерал К. А. Мерецков) и удары Ленинградского фронтов (командующий до июня 1942 г. генерал М. С. Хозин, затем — генерал Л. А. Говоров) разорвут вражеские клещи, сжимавшие город на Неве.

В перспективе Ставка ВГК планировала не только снять блокаду Ленинграда, но и освободить Новгород, Старую Руссу, Сольцы, и, наступая дальше во взаимодействии с Северо-Западным фронтом, нанести группе армий «Север» тяжелое поражение. В результате этого были бы созданы предпосылки для стратегического охвата северного фланга германских войск, что могло содействовать краху немецкой обороны на всем Восточном фронте.

Любанская операция началась 7 января и продолжалась по 30 апреля 1942 года. После форсирования замерзшей р. Волхов, советские войска продолжили наступление. Вскоре Волховский фронт был усилен целыми двумя армиями: 59-й и 26-й (впоследствии 2-й ударной).

Когда войска Мерецкова вели бои за расширение плацдармов, действовавшая в полосе справа от них (между Ладожским оз. и р. Волхов) 54-я армия генерала И. И. Федюнинского (Ленинградский фронт), продолжала вести напряжённые бои на участке железной дороги Мга — Кириши. Этой армии ставилась задача содействовать Волховскому фронту в освобождении Ленинграда от блокады. Войскам 54-й армии и Волховского фронта (4-я, 52-я, 59-я и 2-я Ударная армии) противостояли в полосе между озёрами Ладожским и Ильмень 17 дивизий немецкой 18-й армии (командующий до 16.01.1942 г. генерал Г. фон Кюхлер, с 17.01.1942 г. генерал Г. Линдемманн), входившей в группу армий «Север» (командующий до 16.01.1942 г. фельдмаршал фон Лееб, с 17.01.42. генерал Г. фон Кюхлер). Немцы сумели укрепить свою оборону на направлениях главных ударов советских войск. Они создали сеть опорных пунктов на левом берегу Волхова и под Киришами — на его правом берегу. Советское командование поставило первоочередную задачу — ударами по сходящимся направлениям войсками Волховского фронта и 54-й армии Ленинградского фронта сломить сопротивление противника, выйти к Любани и тем самым окружить любанскую группировку врага. Особая роль в этой связи

придавалась расширению плацдарма на западном берегу р. Волхов и быстрому продвижению 2-й Ударной армии. После уничтожения противника под Любанью планировался удар в тыл германских войск, осаждавших Ленинград с юга.

Советское наступление началось еще до подхода всех сил, предназначенных для операции. Продвигаться вперед приходилось по глубокому снегу, в лесной и болотистой местности, преодолевая ожесточенное сопротивление врага. Вскоре дали о себе знать перебои со снабжением: продовольствием, фуражом, боеприпасами. Однако во второй половине января 2-я Ударная армия, прорвав оборону противника, вышла к железной дороге Новгород — Ленинград. К сожалению, другие армии Волховского фронта не смогли в должной мере поддержать прорвавшиеся советские части. Выйдя к Любани, 2-я Ударная армия оставалась связанной с основным фронтом лишь узким коридором прорыва в р-не д. Мясной Бор. Все последующее время, пока передовые соединения армии пытались продвинуться к северо-западу, за эту горловину шли не прекращающиеся бои.

Весь февраль и половину марта советские войска безуспешно пытались взять Любань, но сил для этого уже не хватало. 54-я армия, возобновив наступление, смогла в марте продвинуться на несколько десятков километров к юго-западу, но добиться соединения со 2-й Ударной армией была не в состоянии. К тому же начиналась распутица, и снабжение передовых частей РККА до предела сократилось. Все больше сказывались потери в живой силе, тогда как пополнение поступало скудно и нерегулярно. Войска были измотаны наступательными боями, в то время как немцы, опираясь на надежную систему снабжения, организовали крепкую оборону. Противник не замедлил воспользоваться создавшимся положением на советском фронте. Как только погода позволила использовать авиацию, немцы перешли в контратаки и к 19 марта 1942 г. перерезали линии коммуникаций 2-й Ударной армии у Мясного Бора.

Дополнительная переброска германских соединений не только к горловине прорыва 2-й Ударной армии, но и под Любань сделали бесперспективными дальнейшие попытки расширить плацдарм наступления. Все внимание теперь было сосредоточено на восстановлении связи с основным фронтом. Ожесточенные бои, продолжавшиеся несколько дней, позволили пробить на восток узкий коридор шириной не

более 800 метров, который к концу марта был расширен до 2–2,5 км.

После восстановления снабжения, которое оставалось крайне недостаточным (коридор простреливался прицельным огнем с двух сторон, а большую часть припасов советским бойцам приходилось носить на себе по проложенным гатям), 2-я Ударная армия в начале апреля 1942 г. вновь попыталась организовать наступление на Любань. Но и это наступление захлебнулось. Неудачи повлекли за собой замену генерала Н. К. Клыкова на посту командующего армией генералом А. А. Власовым, ранее прибывшим на этот участок с целью инспекции. Положение 2-й Ударной уже на тот период было критическим и продолжало ухудшаться. Соседние объединения (52-я и 59-я армии) безуспешно штурмовали опорные пункты врага и вынуждены были отбивать его все усилившиеся контрудары, в том числе по линиям снабжения 2-й Ударной армии. Вскрывшийся лед на Волхове еще более усложнил ситуацию, тогда как организованное снабжение по воздуху не могло обеспечить всех потребностей войск. Через некоторое время по коридору удалось запустить узкоколейную железную дорогу, но ее эффективность оказалось крайне низкой. 2-й Ударной армии, оказавшейся зажатой во вражеском мешке, стал угрожать голод, — в пищу пошло уже мясо лошадей. Бойцы и командиры сражались из последних сил.

В последний день апреля 1942 г. силы Волховского фронта и 54-й армии, понеся большие потери и израсходовав весь наступательный потенциал, перешли к обороне. Главная задача операции — захват Любани, нанесение поражения группе армий «Север» и деблокада Ленинграда — выполнены не были. Соединения немецкой 18-й армии также были в значительной степени обескровлены и оказались в непростой ситуации¹¹³. Однако возможностей для возобновления активных действий в виду лучшего снабжения и выгодного оперативного положения у германского командования было больше.

В мае–июне 1942 г. основное внимание Ставки ВГК на северном фланге фронта было приковано к положению в районе Демянска (боевые действия на этом направлении были описаны выше) и на участке 2-й Ударной армии.

С конца апреля командование Ленинградского фронта (в него вошли и армии Волховского фронта — т.н. «Волховская группа войск» фронта. — М. М.) и 2-й Ударной армии разрабатывали планы выхода из окружения. В середине мая

армия начала медленный отход советских частей к позициям у Мясного Бора. Но немцы решили сыграть на опережение. 30 мая 1942 года они нанесли мощный удар под основания коридора, использовав для этого крупные силы сухопутных частей, поддержанных авиацией. Линии снабжения 2-й Ударной были вновь перерезаны, а ширина барьера, отделявшего ее от основного фронта составила 1,5 км. В котле оказалось более 40 тыс. военнослужащих вместе со своим командующим. Знамя армии было вывезено на большую землю. Снабжение окруженных войск фактически прекратилось, наступил страшный голод, тогда как в полевых госпиталях оставались многие тысячи раненых, которым не могла быть оказана помощь. Прорыв на восток стал единственной возможностью спасти уцелевшие силы.

Испытывая на себе неослабное давление врага части 2-й Ударной продолжали отходить к Мясному Бору. Линия фронта все более сжималась. Управление обессиленными войсками было нарушено. Многие соединения представляли из себя лишь малочисленные отряды. Ко второй половине июня в котле оставалось чуть более 20 тыс. чел. 21 июня 1942 года ценой невероятных усилий войскам 2-й Ударной и наступающей навстречу 59-й армии удалось пробить узкую брешь во вражеском кольце, ширина которого не превышала 400 метров. В ходе последующих боев эта брешь то расширялась до 1 километра, то сужалась всего до 200 метров.

Выход из котла превратился в хаотичный процесс. Тысячи людей гибли от прицельного огня вражеских пулеметов и минометов, умирали под разрывами бомб. Весь коридор был заполнен трупами, которых некогда было не только захоранивать, но и просто относить с дороги. Через 70 с лишним лет после тех событий поисковики находят не погребенные останки советских воинов, сложивших голову в неравной борьбе с безжалостным противником в окрестностях д. Мясной Бор.

Немцы периодически закрывали кольцо, но коридор вновь пробивался в результате отчаянных советских атак. Последний раз он был открыт в ночь на 25 июня 1942 г., но вскоре опять блокирован — теперь уже окончательно. 27 июня 59-я армия предприняла еще одно усилие прорваться сквозь немецкие позиции, но это привело лишь к напрасным потерям. Оставшимся в окружении бойцам оставалось только надеяться на судьбу и пытаться прорваться на восток в одиночку или мелкими группами. Фактически

2-я Ударная армия была уничтожена. По разным оценкам, из кольца в июле-августе удалось выйти до 15 тыс. чел. Оставшиеся в окружении воины либо погибли, либо попали в руки врага. По немецким данным, им удалось пленить тогда около 30 000 человек, среди которых оказался и командующий армией генерал А. А. Власов¹¹⁴.

Трагическая судьба 2-й Ударной армии самым неблагоприятным образом сказалась на положении советских войск, стремившихся освободить от блокады Ленинград. Смелые цели, которые преследовали войска Волховского и Ленинградского фронтов, остались не реализованными по целому ряду причин. Среди них: недостаток вооружения, боеприпасов, продовольствия в ходе продвижения вперед, начавшаяся затем распутица и отсутствие необходимых резервов. Но не меньшую роль в неудачных действиях сыграли ошибки советского командования, поставившего перед своими силами первоначально слишком широкие задачи. Оно также не сумело вовремя оценить складывавшуюся ситуацию, когда наступление следовало немедленно прекратить, и оказалось бессильно быстро отвести войска из-под удара противника. Запоздалое принятие решения на отход стало одной из главных причин понесенного поражения.

Теперь Ставка ВГК была вынуждена более скрупулезно учитывать расстановку сил под Ленинградом и готовиться к новым боям по прорыву блокады, привлекая для этого дополнительные резервные силы. Очередная крупная попытка снять осаду города на Неве (не считая локальных боевых операций, которые советские армии осуществляли в июле-августе 1942 г.) была произведена в сентябре-октябре 1942 г. Серия ударов Красной Армии того времени по названию местности, где они проводились, получили название Синявинская операция.

Синявинская операция

Во второй половине августа 1942 г. советское командование планировало осуществить новую крупную операцию по прорыву блокады Ленинграда. Войскам вновь образованного 9 июня 1942 г. Волховского фронта (командующий генерал К. А. Мерецков) предстояло нанести поражение силам противника на мгинско-синявинском направлении и наступать в направлении Невской Дубровки, тем самым соединившись с Ленинградским фронтом. В начале августа основные задачи были определены; главный удар намечалось нанести силами 8-й армии

и восстановленной 2-й Ударной армии в районе Синявино. Войска строились в три эшелона, которые в общей сложности включали 16 стрелковых дивизий, 10 стрелковых, 6 танковых бригад и 4 отдельных танковых батальона¹¹⁵ — всего около 150 000 солдат и офицеров. Поскольку на направлении главного удара оборонялись лишь пехотные части противника, советское командование надеялось осуществить прорыв сходу, еще до подхода вражеских резервов. 55-я армия Ленинградского фронта генерала Л. А. Говорова должна была содействовать Волховскому фронту ударом в направлении р. Тосна, а силами Невской оперативной группы форсировать Неву, и развивать наступление в направлении Синявино.

Как и на центральном направлении, где в то время проводилась Ржевско-Сычевская операция, второй целью наступления под Ленинградом было сковать, насколько это возможно, соединения немецкой группы армий «Север» и не позволить перебросить их на юг — под Сталинград и Кавказ, где разгорались решающие сражения. Генерал армии Мерецков надеялся на успех и считал, что встреча войск Волховского и Ленинградского фронтов произойдет уже на третий день после начала операции¹¹⁶. На фронте были предприняты строжайшие меры по маскировке сосредоточения сил (переброска частей в ночное время, радиомолчание и др.), что способствовало тому, что немцы не смогли точно определить состав советской группировки.

Однако германская сторона сумела возвести на участках, где ожидалось советское наступление надежные оборонительные сооружения. Там, где заболоченная почва не позволяла вырыть траншеи, немцы строили специальные заборы. Они вбивали в грунт два ряда кольев, стягивали их проволокой и оплетали ветвями и сучьями деревьев. Пространство между кольями заполнялось бревнами, мокрой землей, камнями. Перед такими укреплениями обычно образовывались рвы, наполненные водой, что представляло собой еще одно серьезное препятствие и увеличивало потери атакующих сил¹¹⁷. Более того, командование вермахта не собиралось только отсиживаться в обороне, оно также намечало нанести удар по Ленинграду и попытаться взять город, падение которого считалось одной из главных задач в войне на Востоке еще со времени разработки операции «Барбаросса». Согласно директиве фюрера №45 от 23 июля 1942 г., операция по захвату Ленинграда группой армий

«Севере» получала первоначальное название «Волшебный огонь». В группу армий «Север» перебрасывался штаб и соединения немецкой 11-й армии Э. Манштейна, которая только что завершила штурм Севастополя. Немцы намеревались придерживаться следующего плана действий: сначала разрушить город воздушными бомбардировками и артиллерийским огнем, а затем уже штурмовать его укрепления. Руководство вермахта приступило к тщательной проработке операции сразу же после завершения боев на любанском направлении. Ее план неоднократно обсуждался в гитлеровской ставке. 19 июля Генеральный штаб сухопутных войск Германии проинформировал командование группы армий «Север», что «в настоящее время имеются сообщения... начать наступление на Ленинград с задачей овладеть городом, установить связь с финнами севернее Ленинграда и тем самым выключить русский Балтийский флот». Город на Неве, как Гитлером и было задумано ранее, обрекался на полное уничтожение; его определенно собирались стереть с лица земли¹¹⁸.

Несмотря на то, что исчерпывающих сведений о противостоящих силах РККА у немецкого командования не было, оно догадывалось о подготовке советской стороны к активным действиям и желало упредить ее, попытаться нанести ей поражение без привлечения дополнительных сил, выделенных для захвата Ленинграда. Наступление должно было начаться не позднее 14 сентября. Штаб 11-й армии прибыл под Ленинград уже в конце августа. Германские войска усиливались авиацией и орудиями крупного калибра. Дальнобойная артиллерия получила дополнительные боеприпасы для планомерного уничтожения жилых домов города на Неве.

К операции, которая получила окончательное название «Северное сияние», привлекались силы 11-й и 18-й немецких армий (всего 12 дивизий и отдельные части усиления). Общее руководство наступлением было возложено в начале сентября на фельдмаршала Э. Манштейна. Немцам предстояло форсировать Неву, соединиться с финскими войсками на Карельском перешейке и взять Ленинград. Все говорило о том, что защитников города на Неве ожидают новые испытания. Сведения о переброске 11-й армии на север и подготовке вражеского удара были известны советской разведке. Но, равно как и немцам, ей не удалось получить полных данных о составе противостоящей группировки и ее намерениях.

С целью отвлечь внимание противника от направления главного удара советская сторона провела в июле-августе ряд частных операций на Ленинградском (42-я и 55-я армии) и на Волховском (4-я и 59-я армии) фронтах, сумев в кровопролитных боях освободить несколько населенных пунктов. Приближался час решительного штурма немецких позиций. Документы Военного совета Ленинградского фронта показывают, что со своей стороны войска генерала Говорова поочередно разрабатывали сразу два плана наступления. Один из них (подготовленный не позднее 11 августа) был озаглавлен весьма многообещающе: «Операция по окружению и уничтожению Синявинско-Шлиссельбургской группировки противника совместными действиями Ленинградского и Волховского фронтов в августе 1942 г.». Ставка ВГК предписывала фронту Говорова прорвать оборону противника на колпинском направлении, форсировать р. Тосна и выйти на ее восточный берег. Главной задачей являлось: «Во взаимодействии с Волховским фронтом снять блокаду Ленинграда». Интересно, что в первом варианте плана были зачеркнуты слова, которые, как представляется, не достаточно четко нацеливали на прорыв вражеского кольца, а требовали всего лишь «уничтожить противостоящую группировку противника и содействовать Волховскому фронту в захвате рубежа р. Мга»¹¹⁹.

Ленфронт должен был внести весомую роль в предстоящем наступлении, причем направление удара было выбрано несколько в стороне от места предыдущих попыток взломать германскую оборону в р-не Московской Дубровки. Теперь внимание было переацелено на участок, отстоящий отсюда в 15–20 км к юго-западу. Считалось, что немцы не будут здесь ежечасно ожидать прорыва, и их можно не только вытеснить, но и «окружить», добиться решительно перелома на данном театре военных действий. Такая задача не учитывала реальных возможностей Ленфронта, тем более встречи его войск со свежими резервами противника. К недостаткам колпинского направления необходимо было отнести большее расстояние, отделявшее 55-ю армию от соседнего Волховского фронта, чем со стороны Невской оперативной группы, «растягивание правого фланга ударной группировки, подверженного удару с юга», по мере наступления. Серьезным был и противник. Несмотря на свою относительную малочисленность на передовых позициях, здесь оставались закаленные

и фанатичные части эсэсовцев (дивизия СС «Полицай»). Длительное пребывания в обороне дало возможность врагу расширить ее глубину до 6 км, создать десятки огневых точек, несколько рядов колючей проволоки. Сама местность была союзником обороняющейся стороны — болота, леса, водная преграда р. Тосна. Имевшиеся здесь цеха разрушенных промышленных предприятий служили опорными пунктами немцев. Ожидалось, что командование 18-й армии вермахта сможет перебросить из своего оперативного резерва до двух-трех пехотных дивизий, чтобы парировать советский удар. Тем не менее, Говоров и командующий 55-й армии рассчитывали на успех, собрав в ударной группе целых пять стрелковых дивизий, одну танковую бригаду, 600 орудий разных калибров, с плотностью огня на главном направлении 75 орудий на 1 км фронта, 150 истребителей и 110 штурмовиков и бомбардировщиков. Начало операции (которая была рассчитана всего на 5–6 дней) определялось генералом Говоровым и членом Военного совета Ленфронта, секретарем ЦК ВКП(б) Ждановым сроком «выхода ударной группировки Волховского фронта в район Синявино», но готовность войск к действиям не позднее 23 августа¹²⁰.

Однако еще ранее этой даты советское командование получило подтверждение о появлении вблизи фронта новых германских частей. Следовало полагать, что дополнительно к соединениям 18-й немецкой армии, располагавшей более 300 тыс. чел., к Ленинграду прибывают дивизии 11-й армии Манштейна. Поэтому войска Ленинградского фронта решили начать наступление раньше — 19 августа. К этому времени Волховский фронт еще не завершил своей подготовки к операции. 55-й армии удалось добиться первоначального успеха и взять н. п. Ивановское и Усть-Тосно. Однако дальнейшее продвижение было приостановлено подошедшими вражескими резервами. Предназначенные для наступательной операции дивизии Манштейна были вынуждены сходу вступать в оборонительные бои против атакующих советских частей. Они несли значительные потери, но к началу сентября сумели сдержать советский натиск. Командование Ленфронта было вынуждено на этом участке прекратить атаки и отступить, оставив за собой лишь небольшой плацдарм на правом берегу реки Тосна в районе д. Ивановское.

Смертельная мясорубка, в которой на небольшой территории перемальвались и истекали кровью атакующие части РККА

и контратакующие части немцев, тем временем продолжалась. 27 августа к операции присоединилась 8-я армия Волховского фронта, нанеся главный удар частями 6-го гвардейского стрелкового корпуса. И хотя артиллерийская подготовка была мощной, при участии дивизионов гвардейских минометов, в первый день советским частям удалось продвинуться всего на 1,5–2 км. На второй день успех был более внушительным. 19-й гвардейской стрелковой дивизии, преодолевая ожесточенное сопротивление противника, удалось преодолеть 5 км и выйти на подступы к Синявино. Но контрудары противника, в которых участвовали не только пехотные, но и танковые подразделения (в т.ч. несколько новейших танков «Тигр»), поддержанные массированными атаками люфтваффе, сделали дальнейшее продвижение вперед трудно выполнимой задачей. Большие потери 8-й армии (за первые пять дней до 16 тыс. чел.) предопределили необходимость срочного введения в бой сил второго эшелона прорыва (4-й гвардейский стрелковый корпус). Ему ставилась задача выйти к Неве у пос. Анненское. Продвинувшись на расстояние около 10 км, корпус исчерпал свои силы и не смог достигнуть Невы. Проведя перегруппировку, командование Волховского фронта возобновило наступление 9 сентября, бросив в наступление 2-ю Ударную армию, которой были подчинены ослабленные в предыдущих боях 4-й и 6-й корпуса. Однако и она, понеся большие потери, не выполнила поставленной задачи.

К этому времени у Ленинградского фронта был разработан новый план операции по нанесению встречного удара. Вновь внимание возвращалось к району Дубровки. Главный удар должна была нанести Невская оперативная группа (НОГ) на синявинском направлении с целью соединения с войсками Мерецкова. После форсирования Невы на участке 4-х км (Пески, Выборгская Дубровка) ударной группе НОГ предстояло продвинуться в сторону Арбузово, Синявино — «по кратчайшему направлению к войскам Волховского фронта». Силы, выделенные для наступления, состояли из двух стрелковых дивизий, одной стрелковой бригады и 3-х батальонов легких танков. Плотность артиллерийского огня — 70 орудий на километр фронта; к прикрытию с воздуха привлекались ВВС Ленфронта и Краснознаменного Балтийского флота. Расчет операции — 3 дня. Начало — 9 сентября, во второй половине дня¹²¹.

Начавшийся прорыв Невской оперативной группы навстречу Волховскому фронту, равно как и все предыдущие, не принес решающего успеха. Советским соединениям, ценой невероятных усилий удалось захватить лишь небольшой плацдарм на левом берегу Невы, но дальнейшее наступление натолкнулось на уничтожающий вражеский огонь и вскоре захлебнулось. В одном из документов Военного совета Ленфронта отмечалось, что противник, изначально имевший на восточном берегу Невы 227-ю пд (но в дальнейшем усилившийся за счет армии Манштейна. — М. М.) оказывал НОГ сильное сопротивление. Изучая тактику действий наших войск, вражеское командование меняло и свое поведение. Днем на переднем крае обороны немцы оставляли лишь небольшие подразделения, тогда как главные силы укрывались от советского огня в ближайшей глубине. В момент нашего наступления германская сторона, не дожидаясь окончания форсирования реки, наносила мощные артиллерийские и воздушные удары по переправочным средствам. Против захваченного плацдарма немедленно проводилась короткая, но мощная контратака с целью сбросить советских бойцов в воду¹²². Ситуация в полосе действия НОГ осложнялась по мере роста боевых возможностей германской группировки. Немецкое верховное командование осознало, что их собственная операция может быть поставлена под большой вопрос, поэтому Гитлер приказал Манштейну в срочном порядке взять на себя руководство сражением. Бывший фельдмаршал вермахта вспоминал, что к тому времени «стало ясно, что советская сторона, используя крупные силы, организовала наступление с целью прорыва блокады Ленинграда; этим наступлением противник, очевидно, хотел упредить наше наступление. 4 сентября вечером мне позвонил Гитлер. Он заявил, что необходимо мое немедленное вмешательство в обстановку на Волховском фронте, чтобы избежать катастрофы. Я должен был немедленно взять на себя командование этим участком фронта и энергичными мерами восстановить положение. Действительно, в этот день противник в районе южнее Ладожского озера совершил широкий и глубокий прорыв занятого незначительными силами фронта 18 армии... И вот вместо запланированного наступления на Ленинград развернулось «сражение южнее Ладожского озера»... Прежде всего, нужно было остановить продвижение противника имеющимися под руками силами нашей 11-й армии»¹²³.

Ожесточенные схватки вели к большим потерям с обеих сторон. Некоторые советские дивизии теряли в день не менее 500 чел. Подход свежих немецких дивизий и их быстрое введение в бой решило исход дела. Германские контрудары заставили советские соединения перейти к обороне, а затем начать отступление. К 20 сентября немецкие части охватили район советского прорыва на Волховском фронте и готовили разящие удары под основание выступа. На следующий день они начали свою атаку и быстро добились успеха, окружив 25 сентября большую часть сил 2-й Ударной и 8-й армий в районе Гайтолово. Германская авиация постоянно висела в воздухе. Она волнами заходила над позициями Красной Армии, не давая советским бойцам поднять головы. Анализируя ситуацию, Э. Манштейн отмечал, что советское наступление удалось остановить только в результате напряжения всех сил: «После сосредоточения прибывших к этому времени остальных дивизий армии, — вспоминал он, — штаб мог начать решающее контрнаступление. Контрнаступление было организовано с севера и юга, из опорных пунктов уцелевшего фронта, чтобы отрезать вклинившиеся войска противника прямо у основания клина. К 21 сентября в результате тяжелых боев удалось окружить противника. В последующие дни были отражены сильные атаки противника с востока, имевшие целью деблокировать окруженную вражескую армию прорыва. Та же судьба постигла и Ленинградскую армию, предпринявшую силами 8 дивизий отвлекающее наступление через Неву и на фронте южнее Ленинграда»¹²⁴.

Положение советских окруженных частей было чрезвычайно трудным, им грозило полное уничтожение без поддержки извне. Лишь благодаря остающимся разрывам в линии немецкого кольца и переброски дополнительных резервов, часть сил 8-й и 2-й Ударных армий смогли избежать худшей участи и пробиться на восток 29–30 сентября 1942 г. Особую роль в спасении окруженцев сыграли действия 73-й морской стрелковой бригады, удержавшей узкий коридор, ведущий к основному фронту в районе Тортолово. Однако потери советских войск были чрезвычайно высокими. Согласно докладу Мерецкова начальнику Генерального штаба от 10 октября, потери только убитыми и пропавшими без вести составили 4687 человек. Из окружения вышли 4684 человека 2-й Ударной армии и 2610 человек из 8-й армии. По немецким

данным, в плен попало около 12 тыс. советских бойцов, было захвачено много единиц техники и вооружения¹²⁵. Ставка ВГК, осознав, что дальнейшее продолжение операции по деблокаде Ленинграда ни к чему не приведут, приказала 3 октября перейти к обороне и прочно закрепиться на занимаемых позициях

К 10 октября в основном закончилась и операция Невской оперативной группы Ленинградского фронта. Ситуация в районе Московской Дубровки изначально осложнялась тем, что немцы еще в апреле сумели очистить от советских войск знаменитый «Невский пятачок» на левом берегу реки. Захваченный первый раз еще в сентябре 1941 г. этот советский плацдарм представлял собой небольшой клочок земли вдоль обрывистого, высокого берега реки, шириной до 2-х км и в глубину 500–600 м. Он простреливался со всех сторон ружейно-пулеметным и артиллерийско-минометным огнем. Враг не раз пытался скинуть бойцов Красной Армии в воду. Потери с обеих сторон были очень большими. Всю зиму 1941–1942 г. на плацдарме шли позиционные бои. К апрелю 1942 г. плацдарм оборонял 330-й стрелковый полк 86-й сд, он держал оборону по фронту 3,8 км. 24 апреля 1942 г. на р. Неве начался ледоход, который отрезал полк от правого берега. Противник воспользовался этим и после ожесточенных боев 29 апреля, расчленив боевые порядки полка, вышел к Неве. Связь с плацдармом окончательно прервалась. В живых остался только начальник штаба полка, майор Александр Соколов, который, будучи мастером спорта по плаванию и чемпионом Приволжского военного округа, сумел, несмотря на ранение, переплыть холодную Неву.

26 сентября 1942 г. войска Невской оперативной группы в составе 70, 86-й сд и 11-й стрелковой бригады снова овладели плацдармом на левом берегу р. Невы в районе д. Арбузово и Невской Дубровки. Однако развить наступление советскому командованию враг не дал. Потери наших частей только до конца сентября составили здесь около 10 тыс. чел. Ситуация не изменилась даже после того, как на «Невский пятачок» было переправлено 26 танков¹²⁶. Враг имел подавляющее превосходство в воздухе и подвергал плацдарм непрерывному обстрелу артиллерии и минометов. 5 октября 1942 г. Ставка ВГК решила операцию Невской группы прекратить и отвести основные силы на правый берег Невы.

Оставшиеся на плацдарме бойцы и командиры, тем не менее, продолжали вести борьбу за него

вплоть до прорыва блокады Ленинграда в январе 1943 г. За мужество и героизм, проявленные при форсировании р. Невы и захват плацдарма, 70-я сд была первой на Ленинградском фронте преобразована в гвардейскую и стала именоваться 45-й гв. сд. Одна из рот 329-го сп этой дивизии вошла в историю обороны Ленинграда, как полностью орденоносная — все 114 человек ее л/с награждены орденами и медалями.

«Невский пятачок» наши части удерживали около 400 дней. Этот небольшой участок земли стал одним из символов героизма советских воинов, отстоявших город на Неве. Многие тысячи защитников плацдарма погибли, но не сдали своих боевых позиций. Осенью 1941 г. в боях на «Невском пятачке» принимал участие и был тяжело ранен В. С. Путин — отец президента России. В январе 1943 г. войска, расположенные на плацдарме, оказали существенную поддержку главным советским силам, наконец-то разорвавшим вражеское кольцо в ходе операции «Искра».

Попытки деблокировать Ленинград в ходе Синявинской операции стоили большой крови. По опубликованным данным, Ленинградский и Волховские фронты, части Балтийского флота и Ладожской войной флотилии с 19 августа по 10 октября 1942 года лишились 113 674 человек, из них 40 085 безвозвратно¹²⁷. По данным оперативного отдела штаба группы армий «Север», в период проведения войсками Волховского фронта Синявинской наступательной операции с 28 августа по 30 сентября потери немецких войск составили 671 офицер и 25 265 унтер-офицеров и рядовых. Из этого числа 172 офицера и 4721 солдат были убиты. Наибольший урон понесли подразделения пехоты и военно-инженерные части¹²⁸.

Немцы смогли удержать захваченную под Ленинградом территорию и нанести Красной Армии большой урон, который значительно превосходил их собственный. Блокада Ленинграда не была прорвана, но и командованию вермахта не удалось выполнить свою главную задачу — захватить город и соединиться с финскими войсками. Советские жертвы не были напрасными. В целом, стороны занимали к началу октября 1942 г. примерно те же позиции, что и до начала активных боевых действий. Однако расчеты германского командования захватить город на Неве также оказались тщетными. Враг был скован отчаянными попытками советских войск переломить в свою пользу ход сражения. Добавим, что группе армий «Север» не удалось перебросить какие-либо резервы на южный фланг

Восточного фронта. Более того, решение Гитлера перебросить после захвата Севастополя 11-ю армию Манштейна не на Кавказ или в направлении Сталинграда, а под Ленинград, способствовало ослаблению германского натиска на юге России, что, в конечном итоге, стало одной из причин поражения вермахта на берегах Волги и в предгорьях Главного Кавказского хребта.

Ошибки и просчеты проведения Синявинской операции, среди которых выделяются отсутствие необходимой координации действий Волховского и Ленинградского фронтов, неумелое введение в бой танковых частей, слабое знание уязвимых мест вражеской обороны (за что несет ответственность фронтовая разведка), ненадежная связь, и конечно, неспособность обеспечить господство в воздухе советской авиации очевидны. Необходимо добавить к этому и имевшее место отвратительное управление войсками со стороны ряда военачальников, их нежелание считаться с потерями во время фронтальных атак. На участках прорыва не было создано подавляющего превосходства в артиллерии, хотя по общему количеству орудий советские войска превосходили противника в два раза. Отсутствие у наших генералов гибкости и смелости в принятии решений вело к запоздалым приказам о перенесении направлений ударов. В последующий период — во второй половине 1942 г. — командование РККА занялось активным изучением и исправлением допущенных ошибок, что обеспечило более целенаправленное планирование и тщательную подготовку к прорыву кольца вокруг Ленинграда, произошедшему уже в январе 1943 г.

* * *

С середины 1942 г. внимание всех воюющих держав было приковано к гигантской битве, развернувшейся на Волге у стен Сталинграда. Многим ответственным военным и политическим деятелям на Западе казалось, что вермахт вновь близок к тому, чтобы поставить Красную Армию на колени. Американские и английские оценки советского потенциала, как и в 1941 г., были противоречивыми. В одном из докладов Управления военной разведки США конца июня 1942 г. говорилось, что без значительных поставок и участия в войне союзников руководство СССР не в состоянии освободить свою территорию. В то же время, в документе, подготовленном Управлением стратегических служб 3 ноября 1942 г., подчеркивалось, что эвакуация, прове-

денная в России, имела величайший масштаб, а остающиеся у нее ресурсы вполне достаточны для форсированного роста военного производства¹²⁹. Начальники штабов англо-американских союзников принимали к сведению данные разведки о том, что «моральное состояние Красной Армии укрепилось», а «проявления враждебных действий со стороны местных жителей находятся под контролем». Военные разведчики делали вывод: «советские войска не дадут немцам прорваться через главный Кавказский хребет, по крайней мере, до апреля 1943 года...»¹³⁰.

К середине ноября 1942 г. и германскому командованию пришлось признать, что его грандиозный план сокрушения Советского Союза в новой кампании близок к полному краху. Первостепенная задача захватить Кавказ и Сталинград оказалась не выполненной. Одновременно оставалась несбыточной мечта Гитлера триумфально войти в Москву и оккупировать центральный промышленный регион СССР.

Однако ни союзники СССР, ни командование вермахта не смогли до конца распознать тот глубинный ресурс — политический, военный, моральный, — который был у Красной Армии, и сделать правильные выводы о ее боевых возможностях. Очевидно поэтому таким шоком для них стало мощное советское контрнаступление в междуречье Дона и Волги, которое привело к окружению 330-тысячной германской группировки под Сталинградом, а затем и к быстрому изгнанию немцев с Северного Кавказа, Ставрополя и Кубани.

Данные советской разведки позволяли сделать вывод, что враг на южном фланге близок к истощению. Генштаб РККА уже давно задумывался над тем, как переломить ход войны в свою пользу. Разработка планов по разгрому германских группировок, рвущихся на Сталинград и Кавказ, началась еще в сентябре 1942 г., что вылилось, в конечном итоге, в замысел «планетарного» масштаба. Планеты солнечной системы, Уран и Сатурн, дали название операциям Красной Армии на южном направлении, тогда как Марс и Юпитер — на центральном.

К середине ноября свежие войска перебрасывались к Сталинградскому, Юго-Западному и Донскому фронтам, которые завершали подготовку наступления на своих участках. Штаб вновь созданного в конце октября 1942 г. Юго-Западного фронта под командованием генерала Н. Ф. Ватутина в глубочайшей тайне готовил свои директивные документы. В них отмечалось: «Ос-

новной замысел операции «Уран» — окружение и разгром немецких войск, действующих в Донской излучине и на Сталинградском направлении. Ближайшей задачей Юго-Западного фронта является разгром 4-й румынской армии, выход в тыл сталинградской группировки немецких войск и окружении их с целью последующего уничтожения во взаимодействии с войсками Сталинградского и Донского фронтов»¹³¹. Сегодня мы знаем, что эта задача была блестяще выполнена с 19 ноября 1942 по 2 февраля 1943 г., тогда как судьба операций по названию других планет (театры действий которых располагались с севера на юг в том же порядке как планеты солнечной системы отстоят от Солнца. — М. М.) долгое время оставались за пределами всестороннего рассмотрения. Чем объяснить такое обстоятельство? Фактом их нереализованности? Отчасти это так. «Сатурн» — создание капкана для вражеских войск на всем Северном Кавказе — был заменен «Малым Сатурном» в связи с угрозой деблокады немецкой 6-й армии. В связи с этим рухнула и надежда на быстрое выключение из войны Румынии «путем полного разгрома румынской армии», которая, несомненно, присутствовала во фронтовых штабах в конце 1942 года¹³². Нет пока точных данных о плане «Юпитер», поскольку его Ставка ВГК намеревалась ввести в действие вслед за «Марсом». Последнюю же операцию некоторые западные историки успели окрестить «самым большим поражением маршала Г. К. Жукова»¹³³. В отечественной историографии она известна также как вторая Ржевско-Сычевская операция, проведенная с 25.11.1942 по 20.12.1942 г. с первоочередной целью исключить переброску немецких резервов под Сталинград.

Замысел и осуществление этой операции требуют отдельного научного анализа. Стоит лишь заметить, что ко времени ее разработки предыдущее наступление Красной Армии на этом направлении уже выдохлось, тогда как Ставка по-прежнему стремилась ликвидировать Ржевский выступ. К 12 октября 1942 г. планы по окружению там германских войск были в основном подготовлены командованием Западного и Калининского фронтов. Казалось, напрашивается вывод — обе операции, «Уран» и «Марс», были задуманы и проводились как единое целое. То есть в своей совокупности они были призваны резко изменить стратегическую обстановку на советско-германском фронте и, возможно, уже в 1943 году полностью разрешить вопрос о поражении Германии в войне с Советским

Союзом. Но следует иметь в виду, что Кремль отдавал себе отчет в том, что без открытия союзниками второго фронта в Европе говорить о скором поражении Германии преждевременно. К тому же, операцию «Марс», как уже было сказано, хотели начать еще в октябре 1942 г., чему помешали погодные условия. Все это говорит о том, что советское командование стремилось как можно скорее сковать германские войска на Западном направлении, но отнюдь не рассматривало операцию «Марс» как равнозначную «Урану». Наконец, для того, чтобы с большей надежностью исключить переброску немецких резервов с центрального участка на юг советская разведка подбросила 4 ноября 1942 г. через агента-двойника «Макса» (А. Демьянова) «информацию» о том, что главный удар по противнику Красная Армия нанесет 15 ноября именно под Ржевом. Об этом пишет один из руководителей советской разведки Павел Судоплатов¹³⁴. Знал ли об этой «дезе» Г. К. Жуков — остается загадкой. Маловероятно, однако, чтобы Верховный и Генеральный штаб скрывали от Жукова подлинные цели операции.

Несмотря на все трудности, войскам Западного и Калининского фронтов удалось в конце ноября 1942 г. на ряде участков вклинуться во вражеские позиции и ввести в прорыв подвижные корпуса. Однако их судьба оказалась незавидной. Резервы противника решили исход дела не в пользу советских соединений, которые были вынуждены отступить, теряя людей и технику. Безвозвратные потери РККА в ходе второй Ржевско-Сычесской операции были чрезвычайно велики: 70,4 тыс. человек и 1366 танков¹³⁵. Однако «Марс» самым решительным образом способствовал успешному осуществлению «Урана», не позволил немцам перебросить на юг сколько-нибудь значительные силы. Нельзя также сбрасывать со счетов тот факт, что руководство в Кремле имело все основания опасаться осенью 1942 г. возобновления немецкого наступления на советскую столицу. В этом отношении операция Западного и Калининского фронтов против Ржевского выступа была не просто оправдана, но и необходима. Вопрос же о том, имелись ли у Жукова реальные шансы добиться победы на Западном направлении уже в конце 1942 года носит больше виртуальный характер. Очевидно, Сталин сделал ставку именно на операцию «Уран», равно как и то, что операция «Марс» не стала вторым Сталинградом. Однако ясно и другое, что Жуков вместе с командующими фронтами пы-

тался привести в действие самый решительный замысел по окружению и последующему уничтожению мощнейшей вражеской группировки. Но сделать это в то время не удалось.

Сорок второй год по праву можно назвать переломным в ходе Великой Отечественной войны. Его начало пришлось на период контрнаступления Красной Армии под Москвой, завершение — на момент боев по уничтожению окруженных германских войск под Сталинградом. Но между этими двумя событиями советскому народу пришлось пережить страшные испытания, подойти к краю пропасти, но не потерять надежды и выстоять. Весной–осенью 1942 г. произошли кардинальные изменения в масштабах выпуска военной продукции, снабжении и подготовки новых формирований, усовершенствовалась структура Действующей армии. Более того, как писал американский журналист У. Керр, в тот отрезок времени «набирали силу постоянно действующие факторы, которые были неподвластны немецкому солдату, армии, с которыми и высшее германское командование тоже ничего не могло поделать. И в растущей степени все определялось одним: немцы воевали на чужой земле, далеко от своего дома, тогда как русские защищали свой порог и все то, что составляло их жизнь, что было для них главным в жизни, ее смыслом... Русский же солдат четко знал, что его Родина подверглась нападению... И выбор у него был невелик — принять рабство или дать отпор врагу. Он избрал второй вариант». Красная Армия училась воевать. «Русские, — продолжает У. Керр, — отступая перед превосходящими силами вермахта и в то же время контратакуя, в первую очередь полагались на пехоту и артиллерию, которые составляли сильный элемент их вооруженных сил... использовали те или иные преимущества местности, на них работала погода, сложности жизнеобеспечения вражеских вооруженных сил в такой громадной по территории стране...»¹³⁶. Но за науку была заплачена страшная цена. Только безвозвратные потери Вооруженных Сил СССР составили в сорок втором 3,25 млн чел. — больше, чем за любой другой год войны¹³⁷. После Сталинграда Советский Союз предъявил полное право быть победителем. Однако сроки окончания войны зависели не только от него. Союзники пока не спешили открывать второй фронт. Впереди предстоял еще один год испытаний, борьбы с раненым, но все еще смертельно опасным противником.

- ¹ Центральный архив Министерства обороны РФ (далее: ЦАМО РФ). Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1079. Л. 21.
- ² Вегнер Б. Второй поход Гитлера против Советского Союза. Стратегические концепции и историческое значение. / Вторая мировая война. Дискуссионные. Основные тенденции. Результаты исследований / под ред. В. Михалки. Пер. с нем. М.: Весь мир, 1996. С. 519.
- ³ Рейнгардт К. Поворот под Москвой. Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42 г. Пер. с нем. М.: Воениздат, 1980. С. 219.
- ⁴ Цит. по: Невзоров Б. Перелом в войне: проблемы и суждения // Геополитика и безопасность. 1995. № 3. С. 98.
- ⁵ История Второй мировой войны, 1939–1945. М., 1975. Т. 5. С. 12.
- ⁶ Опул. в: Ржешевский О.А. Война и дипломатия. Документы, комментарии, 1941–1942. М.: Наука, 1997. С. 26–28.
- ⁷ А. Гарриман — помощник и доверенный человек Рузвельта; в то время специальный представитель президента по делам ленд-лиза в Великобритании, с 1943 г. — посол США в СССР.
- ⁸ Department of State. Memorandum of Conversation, A. Harriman and R. Atherton, January 22, 1942. — NA. RG 59. Entry 373. Box 31.
- ⁹ Leshuk L. US Intelligence Perceptions of Soviet Power, 1921–1946. L.: Frank Cass, 2003. P. 144.
- ¹⁰ Самсонов А. М. Сталинградская битва, 4-е изд., испр. и доп. — М.: Наука, 1989. С. 627.
- ¹¹ Leshuk L. US Intelligence Perceptions of Soviet Power, 1921–1946. L.: Frank Cass, 2003. P. 144, 146.
- ¹² Подробнее о Ржевско-Вяземской операции 1942 г. см. в новой книге российских, украинских и белорусских историков: «1941 год: Страна в огне». Кн. 1–2. М., 2011.
- ¹³ Более 1 млн человек, сражавшихся у стен столицы, были награждены медалью «За оборону Москвы», учрежденной в 1944 г., 110 человек удостоены звания Героя Советского Союза. К 20-летию победы в Великой Отечественной войне, в мае 1965 г., Москве было присвоено почетное звание «Город-герой».
- ¹⁴ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1079. Л. 31.
- ¹⁵ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1079. Л. 37–38, 42–44.
- ¹⁶ Нехватка техники и вооружения, огромные потери в танках РККА в начале войны поставили вопрос о расформировании мехкорпусов. Директивным письмом от 15.07.41 г. Ставка дала указание расформировать все мехкорпуса, кроме двух в МВО, на базе которых было решено создать 10 танковых дивизий (по 217 танков). В состав стрелковых дивизий было приказано включать танковые роты для поддержки пехоты. Постановлением ГКО от 24.08.41 г. стали формироваться танковые батальоны и танковые бригады. На базе танковых дивизий были созданы 65 танковых бригад. С конца 1941 г. формирование танковых войск было передано в штаб ГАБТУ, создав в нем управление формирования. Такое же управление было создан в штабе ВВС. (Горьков Ю. А. Государственный комитет обороны постановляет (1941–1945). Цифры, документы. М., 2002. С. 121.)
- ¹⁷ Горьков Ю. А. Государственный комитет обороны постановляет (1941–1945). Цифры, документы. М., 2002. С. 122–123.
- ¹⁸ Там же. С. 124–125.
- ¹⁹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1079. Л. 34.
- ²⁰ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1080. Л. 15–16.
- ²¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1080. Л. 12.
- ²² ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1080. Л. 9–11, 16–17.
- ²³ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1079. Л. 37–38.
- ²⁴ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1080. Л. 18–19.
- ²⁵ Исаев А. В. Об объективных и субъективных факторах битвы за Москву // Вестник МГИМО (Университета). 2012. № 1 (22). С. 33.
- ²⁶ Там же. С. 33–34.
- ²⁷ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1079. Л. 32–33.
- ²⁸ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. В 12-ти тт. Т. 1. Основные события войны. М., 2011. С. 241–242.
- ²⁹ Боевые действия 2-й ударной армии на ленинградском направлении в рамках Любаньской наступательной операции (январь–апрель 1942 г.) и летом 1942 г. будут подробно описаны ниже в разделе «Попытки деблокады Ленинграда».
- ³⁰ Энциклопедия «Демянский котел».... Гриф секретности... (Сев-Зап фр....)
- ³¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1462. Л. 69–70.
- ³² ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1462. Л. 65.
- ³³ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1462. Л. 66–67.

- ³⁴ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1462. Л. 68–69, 50.
- ³⁵ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1462. Л. 10–20, 81–85.
- ³⁶ В 16-й армии на тот период имелось существенное количество и американских танков, поставленных в СССР по ленд-лизу (90 МК-2 и 6 МК-3). 10-й танковый корпус потерял в начале июля 24 танка МК-2. Однако советские танкисты, командование и технические службы относились к этим американским машинам в целом положительно. Так, отмечалось, что в 192 танковой бригаде танки МК «при всех конструктивных недочетах» были признаны «удовлетворяющими требованиям боя» (ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1462. Л. 109).
- ³⁷ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1462. Л. 97, 109.
- ³⁸ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1462. Л. 96, 98–99.
- ³⁹ Шацилло В. К. Севастополя оборона // Великая Отечественная война: Энциклопедия. М., 2010. С. 520–522.
- ⁴⁰ ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 164. Д. 799. Л. 244–246.
- ⁴¹ ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 164. Д. 844. Л. 247–248.
- ⁴² Харитонов Фёдор Михайлович (1899–1943) — советский военачальник, генерал-лейтенант. В ходе Великой Отечественной войны с июня 1941 г. заместитель начальника штаба Южного фронта, с сентября 1941 года командующий 9-й армией Южного фронта, с июля 1942 года командующий 6-й армией Воронежского, позже Юго-Западного фронта. Участвовал в Сталинградской битве, Острогожско-Россошанской, Донбасской наступательных операциях и др. Умер 28 мая 1943 года от тяжёлой болезни. В городе Рыбинске установлен монумент генералу Харитонову, также в честь него названо пехотное училище в Ярославле.
- ⁴³ Мартынов В. Е. Харьковское сражение // Великая Отечественная война: Энциклопедия. М., 2010. С. 635–637.
- ⁴⁴ Великая Отечественная война 1941–1945. В 12-ти тт. Т. 1 Основные события войны. М., 2011. С. 242.
- ⁴⁵ ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 164. Д. 844. Л. 6–12.
- ⁴⁶ ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 164. Д. 844. Л. 162.
- ⁴⁷ ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 164. Д. 844. Л. 171–202.
- ⁴⁸ ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 164. Д. 844. Л. 362–365.
- ⁴⁹ Великая Отечественная война 1941–1945. Т. 1. Основные события войны. М., 2011. С. 242.
- ⁵⁰ Там же. С. 243–244.
- ⁵¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 2 тт. М., 2002. С. ...
- ⁵² Португальский Р. М. Доманк А. С., Коваленко А. П. Маршал С. К. Тимошенко. М., 1994. С. 249–250.
- ⁵³ Совершенно секретно! Только для командования. Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967. С. 388.
- ⁵⁴ Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1978. С. 211.
- ⁵⁵ ВОВ. Т. 1. Основные события войны. М., 2011. С. 245–247.
- ⁵⁶ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 2 тт. Т. 2. М., 2002. С. 70.
- ⁵⁷ Цит. по: Гареев М. А. Сражение на Волге // Живая память. Великая Отечественная: Правда о войне. В 3-х тт. М., 1995. С. 51.
- ⁵⁸ Чуйков В. И. Сражение века. М.: Советская Россия, 1975. С. 39.
- ⁵⁹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1080. Л. 104–110.
- ⁶⁰ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1080. Л. 109–110.
- ⁶¹ Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 230.
- ⁶² Там же. С. 231–232.
- ⁶³ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1080. Л. 159–160.
- ⁶⁴ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1080. Л. 110.
- ⁶⁵ ВОВ. Т. 1. Основные события войны. М., 2011. С. 247.
- ⁶⁶ Гальдер Ф. Военный дневник / Пер. с нем. М., 1971. Т. 3. Кн. 2. С. 623.
- ⁶⁷ ЦАМО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 54. Л. 1–4.
- ⁶⁸ ЦАМО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 54. Л. 5–7.
- ⁶⁹ ЦАМО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 54. Л. 5–7.
- ⁷⁰ ЦАМО РФ. Ф. 48. Оп. 451. Д. 54. Л. 8–9.
- ⁷¹ Еременко А. И. Сталинград. Записки командующего фронтом. М., 1961. С. 148.
- ⁷² ВОВ. Т. 1. Основные события войны. М., 2011. С. 252.
- ⁷³ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 2 тт. Т. 2. М., 2002. С. 73–77.
- ⁷⁴ Великая Отечественная война 1941–1945. В 12 тт. Т. 1. Основные события войны. М., 2011. С. 252.

- ⁷⁵ Павлов Я. Ф. В Сталинграде. (Фронтовые записки). Сталинград, 1951; Савельев Л. И. Дом сержанта Павлова. (Сталинградская хроника). М., 1960.
- ⁷⁶ Великая Отечественная война 1941–1945. В 12 тт. Т. 1 Основные события войны. М., 2011. С. 254.
- ⁷⁷ Clark A. Barbarossa. The Russian-German Conflict 1941–1945. L., 1985. P. 231.
- ⁷⁸ Дёпп Г. Поход на Сталинград. М.: Воениздат, 1957. С. 56.
- ⁷⁹ Чуйков В. И. От Сталинграда до Берлина. М.: Сов. Россия, 1985. С. 245–249.
- ⁸⁰ Там же. С. 260–261.
- ⁸¹ История Второй мировой войны. В 12 тт. Т. 5. М., 1975. С. 207–208.
- ⁸² Великая Отечественная война 1941–1945. В 12 тт. Т. 1. Основные события войны. М., 2011. С. 257.
- ⁸³ Цит. с сайта: www.wiisoldat.narod.ru/NARKOMY/ARTICLES/003-baibakov.htm
- ⁸⁴ Черный В. И. Кубань в пламени битвы за Кавказ. // Великая Победа, добытая единством. Кавказ в годы Великой Отечественной войны. М., 2011. С. 103–105.
- ⁸⁵ Круглов А. И. Ставрополье в битве за Кавказ. // Великая Победа, добытая единством. Кавказ в годы Великой Отечественной войны. М., 2011. С. 89–94.
- ⁸⁶ Бугай Н. Ф. Представители репрессированных народов на защите Отечества в годы Великой Отечественной войны: доблесть и слава // Великая Победа, добытая единством. Кавказ в годы Великой Отечественной войны. М., 2011. С. 155–156.
- ⁸⁷ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 14. Л. 5–19.
- ⁸⁸ Великая Отечественная война 1941–1945. В 12 тт. Т. 1. Основные события войны. М., 2011. С. 258.
- ⁸⁹ Герасимова С. А. Первая Ржевско-Сычевская операция 1942 г. (Новый взгляд). <http://rshew-42.narod.ru/1rso.html>
- ⁹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1087. Л. 1–2, 10–11, 64–70.
- ⁹¹ Ржевская битва: Сражение за Полунино (30 июля — 23 августа 1942 г.) Сборник статей и материалов / сост. Б. Ершов, О. Кондратьев, С. Балашов. Тверь, 2001.
- ⁹² ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1087. Л. 64–70.
- ⁹³ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 180. Л. 38–39.
- ⁹⁴ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 180. Л. 47–49.
- ⁹⁵ Красная звезда. 1942. 27 сент.
- ⁹⁶ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1087. Л. 2–4, 62.
- ⁹⁷ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1087. Л. 55.
- ⁹⁸ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1087. Л. 4–5.
- ⁹⁹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1087. Л. 19–29.
- ¹⁰⁰ ЦАМО РФ. Ф. 232. Оп. 590. Д. 147. Л. 1–20.
- ¹⁰¹ Листиков С. В. Ржевско-Сычевская наступательная операция 1942 г. // Великая Отечественная война. Энциклопедия. М., 2010. С. 498–499.
- ¹⁰² Россия и СССР в войнах XX века: Потери Вооружённых Сил / Г. Ф. Кривошеев. М. 2001. С. 312
- ¹⁰³ В связи с тем, что Г. К. Жуков был назначен заместителем Верховного Главнокомандующего, 26 августа командующими Западного фронта стали генерал-полковник И. С. Конев, а Калининского — генерал-полковник М. А. Пуркаев.
- ¹⁰⁴ Герасимова С. А. Первая Ржевско-Сычевская операция 1942 г. (Новый взгляд). <http://rshew-42.narod.ru/1rso.html>; см. также Гроссманн Х. Ржев — краеугольный камень Восточного фронта. Ржев. 1996. Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. — М., 1968–1971. С. 321.
- ¹⁰⁵ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 180. Л. 70–71.
- ¹⁰⁶ Служба труда рейха (Имперская служба труда). Закон 1935 года объявлял трудовую повинность обязательной для всех граждан Германии в возрасте от 19 до 25 лет в рамках созданной Имперской службы труда. Молодые немцы, без учета их профессии, несколько раз в год направлялись работать в трудовые лагеря (на строительство, сельхозработы и др.), в которых поддерживалась строжайшая дисциплина. По мнению Гитлера, эта молодежь в будущем должна стать закаленным ядром вооруженных сил. В годы войны специальные подразделения службы труда направлялись на сооружение оборонительных позиций.
- ¹⁰⁷ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 180. Л. 69.
- ¹⁰⁸ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 180. Л. 69–70.
- ¹⁰⁹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1087. Л. 30–41–44.
- ¹¹⁰ Соломатин Михаил Дмитриевич (5 декабря 1894 — 22 ноября 1986) — советский военачальник, генерал-полковник танковых войск (26.10.44). С 19.04. по 8.09.1942 г. — командир 8-го танкового корпуса, позднее —

командир 1-го Красноградского механизированного корпуса. В конце войны начальник штаба Управления командующего Бронетанковыми и механизированными войсками РККА.

¹¹¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1087. Л. 17.

¹¹² ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1087. Л. 73–74

¹¹³ См.: Мерецков К., На волховских рубежах, «ВИЖ», 1965, № 1.

¹¹⁴ Власов Андрей Андреевич (1.09.1901 — 1.8.1946), генерал-лейтенант РККА, перешедший в годы Великой Отечественной войны на сторону гитлеровской Германии, организатор Русской освободительной армии (РОА). Великую Отечественную войну встретил в районе Львова в качестве командира 4-го механизированного корпуса. С 23 июля — командир 37-й армии Юго-Западного фронта. В ходе Московской битвы назначен командующим 20-й армией Западного фронта, которая участвовала в контрнаступлении под Москвой. Однако непосредственного участия в руководстве войсками до 19 декабря 1941 г. Власов не принимал, находясь на излечении. В марте 1942 г. назначен заместителем командующего Волховским фронтом, а с 20 апреля — командующим 2-й Ударной армией. Отказался эвакуироваться из «котла» на самолете, и 12 июля 1942 г. сдался в плен. С первых дней нахождения в плену Власов пошел на сотрудничество с немцами. Уже 3 августа 1942 г. он направил германскому командованию меморандум с предложениями по подрыву боеспособности Красной Армии и деморализации ее тыла. Весной 1943 г. ему была организована поездка и выступления перед населением некоторых оккупированных городов. Осенью 1944 г. Власову было дано разрешение на политическую деятельность и создание собственных вооруженных сил. 14 ноября 1944 г. в Праге был образован так называемый Комитет освобождения народов России (КОНР), возглавить который было поручено Власову. Власов был захвачен и арестован 12 мая 1945 г. вблизи г. Брежи (Чехословакия) патрулем советского 25-го танкового корпуса и через три дня доставлен в Москву. 31 июля 1946 Военной Коллегией Верховного Суда СССР Власов вместе с другими 11 руководителями КОНР был признан виновным в измене Родине и приговорен к смертной казни через повешение. В ночь на 1 августа приговор был приведен в исполнение.

¹¹⁵ Шигин Г. А. Битва за Ленинград: крупные операции, «белые пятна», потери / под редакцией Н. Л. Волковского. СПб, 2004. С. 154–176.

¹¹⁶ Мерецков К. А. На службе народу. М. 1988. С. 295.

¹¹⁷ Сяков Ю. А. Сиявинская операция советских войск 1942 года // Вопросы истории. 2008. №6. С. 84.

¹¹⁸ Сяков Ю. А. Сиявинская операция советских войск 1942 года // Вопросы истории. 2008. №6. С. 84.

¹¹⁹ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 762. Л. 80.

¹²⁰ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 762. Л. 81–83.

¹²¹ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 762. Л. 72–79.

¹²² ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 762. Л. 84–95.

¹²³ Манштейн Э. Утерянные победы. М., 1999. С. 300–301.

¹²⁴ Манштейн Э. Утерянные победы. М., 1999. С. 301.

¹²⁵ Сяков Ю. А. Сиявинская операция советских войск 1942 года // Вопросы истории. 2008. №6. С. 92–93. См. также: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16(5–2). М., 1996. С. 409.

¹²⁶ Мощанский И. Б. Прорыв блокады Ленинграда. Эпизоды великой осады. 19 августа 1942 — 30 января 1943 года. М., 2010. С. 68–83.

¹²⁷ Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: Статистическое исследование / под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М.: Олма-Пресс, 2001. С. 312.

¹²⁸ Сяков Ю. А. Численность и потери германской группы армий «Север» в ходе битвы за Ленинград (1941–1944 гг.) // <http://leningradblokada.ru/na-podstupach-k-leningradu/gruppa-armiy-sever-chislennost-i-poteri-pod-leningradom.html>

¹²⁹ Leshuk L. US Intelligence Perceptions of Soviet Power, 1921–1946. L.: Frank Cass, 2003. P. 158–159.

¹³⁰ Report by the Joint Intelligence Sub-Committee («The Capacity of the Soviet Forces to Defend South Caucasian»), November 14, 1942. NA. RG 218. Entry CCS/JCS «Geographical files». Box 214.

¹³¹ ЦАМО РФ. Ф. 232. Оп. 590. Д. 137. Л. 39–40.

¹³² ЦАМО РФ. Ф. 232. Оп. 590. Д. 17. Л. 4.

¹³³ Glantz D. M. Zhukov's Greatest Defeat. The Red Army's Epic Disaster in Operation Mars, 1942. University Press of Kansas, 1999.

¹³⁴ Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1996. С. 187–188.

¹³⁵ Орлов А. С. Операция «Марс»: различные трактовки / Мир истории. 2000. №4.

¹³⁶ Живая память. Великая Отечественная: правда о войне. В 3 тт. Т. 2. М., 1995. С. 35–37.

¹³⁷ Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных сил. Статистическое исследование / под общей редакцией Г. Ф. Кривошеева. М., 2001. Табл. 133.